

У Р А Л Ь С К И Й

следопыт

ISSN 0134 - 241X

9 (795) сентябрь, 2023 www.uralstalker.com

Многоярусные дороги

САМАЯ СЕВЕРНАЯ

ИСХОД ЗЫРЯН

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

Сентябрь 2023

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, вёрстка – С.А. Секисов.

Редактор видеоконтента – Ю.В. Шлентова.

Корректор – С.В. Мартынюк.

Интернет – Е.В. Марков.

На обложке –

1 стр.: Фото Юлии Шлентовой.

4 стр.: Фото участников похода.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращкевич,
Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2023 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №9 (795), 2023 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле «тема». Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
- Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №9, 2023 г.
Подписан к печати 28.08.2023 г. Дата выхода 04.09.2023 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Путешествие по Уралу

А.ЗАТОНСКИЙ

Вода камень точит 34

Живи активно

Н.ДУДКО

Ямала мне оказалось мало 42

Природа в ладонях

Животный мир

В.ДЕНЕКО

Дни, когда большие
синицы были маленькими..... 22

Река времени

Тропой поиска

М.ЦЫГАНКО

Утраченная
история 3

Тропой поиска

А.ТИХОМИРОВА,

И.ТИХОМИРОВА

Открыватели
новых земель 8

По следам
публикаций

А.ОКУНЕВ

Моя Русская
Гавань..... 14

Штрихи к портрету

А.БУЛГАКОВ

Наследник древних
мастеров..... 16

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ

Отважные
переселенцы..... 24

Наши проекты

Ю.ШЛЕНТОВА

Красноуфимские
мечтатели 30

Топонимика

В.КАРЕЛИН

Забывтое мансийское название
приполярной вершины 38

Утраченная история

или фото одной экспедиции

Давно ли вы, уважаемые читатели, получали письма? Нет, не те письма, в которые вложены сухие квитанции на оплату штрафов или налоговые уведомления и тому подобное.

А настоящие письма, написанные по старинке ручкой?

Признаюсь, я не получал уже давно. Да и сам эпистолярный жанр давно перевел в электронный вид.

Иногда на адрес нашего музея «Штуфной кабинет», что находится в городе Североуральске, приходят письма. Наш музей не является самостоятельной организацией, скорее, это авторское название его коллекции, и надо бы и слово «музей» также брать в кавычки. В общем, писем мы особо не ждем. И если приходят всяческие рекламные проспекты-буклеты, коммерческие предложения, то такие мы особо не смотрим, а вот ежели конверт надписан от руки, то к такому пись-

му и отношение иное. Вот и в этот раз на конверте значилось: «Руководству музея «Штуфной кабинет», Цыганко Наталье» а отправителем был указан абсолютно незнакомый нам человек из города Томска Горбунов Алексей Григорьевич. Аккуратно вскрыли конверт. Среди нескольких исписанных шариковой ручкой листков лежало старинное фото. Оно и послужило причиной отправки этого письма. После мы получили еще несколько писем, но уже на электронную почту. Авторский стиль в этом и последующих письмах сохранен, внесены незначительные правки, не меняющие смысл писем,

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Михаил Цыганко

Живет в городе Североуральске, горный инженер, горноспасатель. Создатель музея «Штуфной кабинет» в Североуральске, где представлена богатая коллекция минералов Северного Урала.

а также несколько писем объединены между собой.

«Здравствуйте, уважаемые работники музея «Штуфной кабинет»! С вашей работой я знаком заочно по сайту zolotoukatop.ru и с интересом смотрю видеоролики от Михаила Цыганко. Поводом написать вам письмо стало мое желание подарить вам очень старую фотографию неизвестной мне геологической экспедиции 1935 года. История этой фотографии изложена ниже. Этот поиск я пытался выполнить еще в 2007 году, но так и не смог определить, кто на фотографии, в ее центре, то есть, руководители. Знаю, что у вас, в городе Североуральске, есть интересные краеведы, которые очень любят свой край, свою землю, впрочем, как сам Михаил Цыганко, к которому у отношусь с большим уважением. Этой фотографии место в вашем музее.

Сам я с Урала, родился в Пермском крае и с большим интересом отношусь к Уралу, людям, энтузиастам, к коллекционерам. Сейчас на пенсии, еще в молодые годы из поездок, из путешествий привозил по одному или два камня, минерала, и у меня сформировалась небольшая коллекция, которая называется «Камни из-за пазухи, из дальних мест, в которых я бывал». Других камней за пазухой не держу. Сейчас «живу в городе Томске, обратный адрес на конверте.

Очень желал бы знать, дошла ли эта ветхая фотография до вас. Я ее очень долго хранил, оберегал.

История фотографии

На обратной стороне фотографии написано «снимались в камешке...». Это древнерусский термин, употребляемый в значении «горный хребет» (см. Попов А.И. «Название народов СССР. Л. 1973. стр. 51-52).

С единственной женщиной, участницей этой экспедиции, запечатленной на снимке, Анной Деметиевной Носовой, я был знаком. Но это было давно, несколько десятков лет назад. Она работала в этой экспедиции поварихой по найму. Анна Деметиевна родилась и жила в молодом возрасте где-то на Полярном Урале, в бассейне реки Печора. Она из семьи староверов. Примерно в послевоенное время группа староверов, в которой была и А.Д. Носова,

поплыла на лодках и плотах по северным уральским рекам в Сибирь, на постоянное место жительства. Об этом А.Д. Носова мне рассказывала, когда я был еще молодым человеком и посещал их заимку уже здесь, в Томской области. Сплаваясь по уральским рекам, они перебрались на реку Иртыш, далее до реки Обь. А затем уже перебрались на реку Тым – правый приток Оби. Изначально они поселились на реке Тым, а оттуда уже перебрались ближе к городу Томску в Кривошеинский район, в район поселка Красный Яр. Как я упоминал, я был тогда молодым человеком, и особенно не запоминал рассказов о тех событиях, связанных с переселением староверов. Кроме того, она мне рассказывала и о том, что в молодости она участвовала в какой-то экспедиции. Об этом она говорила, как о чем-то приятном, это я хорошо запомнил. В то время она уже была пожилым человеком и со своими сестрами жила в келье на заимке староверов. Фотографию заимки, которая у нас ранее называлась Собянинская (Собянины – также выходцы с Северного Урала), сделанную мной в 1987 году, также посылаю. Во главе тех женщин, а в основном они были в родстве друг с другом и одной веры, был обрусевший манси Максим. Он был охотник и жил на той же заимке отдельно, веру не справлял, охотничал (в основном добывал соболя), строил заборы, сараи, рыбачил и пил, иногда сильно, уходил в запои. Женщины жили отдельно в келье, справляли службу (поморское согласие). На этой же заимке была келья, в которой жили две мои родные тётки. В Святом Крещении Анна Деметиевна – Анфиса, она и похоронена на этой же заимке. Сейчас от заимки почти ничего не осталось.

Я посетил заимку, когда там уже никто не жил, и домики-кельи все завалились. Под крышей кельи, где когда-то жила Анфиса, я обнаружил несколько семейных фотографий, завернутых в газету. Среди них была и эта фотография экспедиции 1935 года. На фотографиях знакомых или родственников Анфисы подписаны населенные пункты: село Няксимволь, село Усть-Унья, село Усть-Манья.

Если вам небезынтересна судьба этой экспедиции, ее участников, ответьте мне. Возможно, вы что-нибудь знаете об этой экспедиции. Наверно, можно по фото установить хотя бы имена руководителей и специалистов, которые находятся в центре, а также узнать маршруты экспедиции, ее цели и задачи. Наверняка можно написать статью об этом в журнале. Эта страничка в истории освоения Северного Урала будет интересна многим.

Удаюсь установить, что в этот период на Полярном Урале работали следующие экспедиции (явно несоответствующие по географическому признаку экспедиции исключены из списка – М.Ц.): Полярная уральская экспедиция А.Н. Алёшикова по поиску горного хрусталя;

Экспедиция музея антропологии и этнографии Зоологического института АН СССР В.С. Адрианова (устье р. Полуи, Салехард);

Палеонтологическая экспедиция, что в 1935-м году в пос. Чибью (впоследствии – г. Ухта) приступила к систематизации палеонтологической коллекции;

В Печорском крае работала в эти годы геоботаническая экспедиция Ботанического института АН СССР А.П. Шенникова; В 1930-х г.г. А.А. Чернов и Г.А. Чернов занимались изучением

▲ Няксемволь. Фото И.Абрамова

геологического строения бассейна реки Косью в Печорском крае. В конце 30-х годов Г. А. Чернов описал стоянки первобытного человека на реках Колве, Сандибейю;

Печорская экспедиция по теме «Организация собственной продовольственной базы для обеспечения транспорта и промышленности продовольствием в районе Котлас-Усть-Кожва»;

Археологическая Камская экспедиция 1934–36 гг. в бассейне реки Камы;

Камская гидробиологическая экспедиция 1934–1935 гг.;

Экспедиция НКВД на Урал под руководством А. В. Барченко

Эти сведения мне предоставил автор статьи «Каменный Пояс» в журнале «Охота и охотничье хозяйство», 2007 г, О. С. Чугунихин.

В заключение хочу сообщить о себе: я живу в г. Томске, охотник. Сам родился в Пермском крае, в деревне, в Чайковском районе. Мне было полгода, когда меня увезли в Сибирь, далее моя семья вернулась, но уже в г. Краснокамск, где я закончил школу 10 классов.

С уважением, Горбунов Алексей Григорьевич. Томск. 26.04.23.»

По получении письма я поспешил ответить Алексею Григорьевичу, чтобы не томить его ненужным ожиданием и переживаниями за сохранность старинного фото:

«Здравствуйте, уважаемый Алексей Григорьевич! Поздравляю Вас с праздником Великой Победы!

Спешу сообщить Вам, что Ваше письмо и фото в нем дошли в целостности и сохранности. Большое спасибо за такой пода-

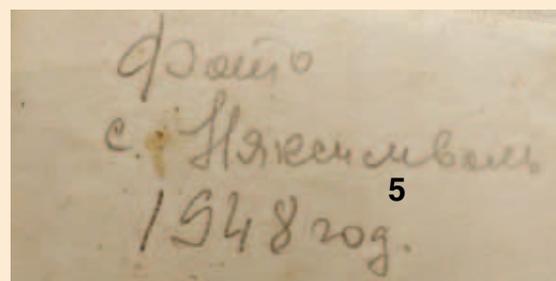
рок нашему музею «Штуфной кабинет»! Я обязательно займусь этим вопросом. Как минимум, мы опубликуем это фото и письма на сайте. Возможно, будут комментарии от людей, опознавших участников экспедиции. Сходу могу сказать только одно: населенные пункты, перечисленные Вами, а именно, Няксимволь, Усть-Манья, Усть-Унья не имеют отношения к Полярному Уралу и находятся на Северном Урале, относительно недалеко от нас (города Североуральска): 250–300 км на север. Возможно, этот факт поможет уменьшить радиус поиска. Хотя, во многих научных работах того времени, да и второй половины XX века понятия Полярный и Северный Урал очень часто перепутаны.

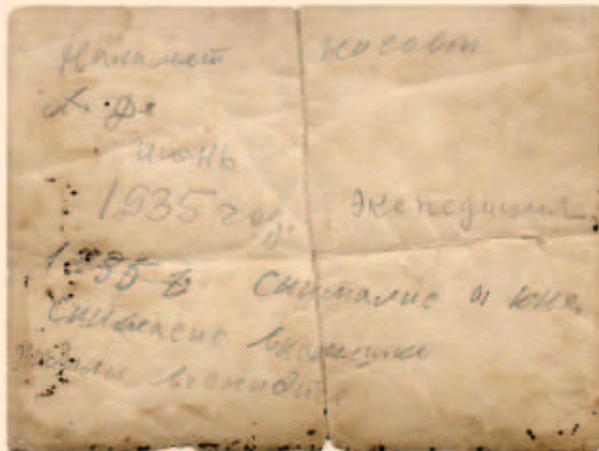
Ваше письмо греет душу, так как написано от души, да и попало в нужные руки. Возможно, отправим информацию в журнал «Уральский следопыт». Если у Вас есть ещё какие-то фото по этой теме или вспомнятся какие-то факты, пишите, присылайте фото или их копии. Также прошу Вас выслать фото заимки, на ко-

▼ Заимка в Томской области

▼ Подпись фото из Няксимволя, Урал

торой были найдены фотографии, а также Ваше фото. Можно на охоте, в тайге, если такое имеется. Хотелось бы, чтобы статья была хорошо проиллюстрирована.

Теперь изложу свои мысли по поводу экспедиции на этой фотографии. При дальнейшем анализе из приведенных Вами можно откинуть ряд экспедиций, как мало подходящих по географическому признаку к месту привязки по линии Усть-Унья – Няксимволь – Усть-Манья: это все экспедиции в бассейне Камы, а также экспедиция на устье Подуя. Не удалось также найти сведений или хотя бы подтверждения факта проведения таинственной экспедиции эзотерика Барченко на Урал. В сухом остатке остаются несколько экспедиций самой разной направленности в Печорский край. Сомнительно, чтобы список экспедиций, приведенных в письме, был исчерпывающим. Но думаю, что стоит искать след именно в этом направлении. Это косвенно подтверждается и тем, что двигались староверы при своем переселении с северо-запада на юго-восток: Усть-Унья – Няксимволь – Усть-Манья и далее, очевидно, в бассейн реки Лозьва и далее по маршруту Тавда – Тобол – Иртыш – Обь. Следовательно, стоит рассматривать только экспедиции, работавшие именно в этих диких краях. Ведь Урал в этой части мало доступен даже сейчас, а тогда не было ни быстродходных катеров, ни вертолетных забросок. Соответственно, большая часть сезона уходила на заброску экспедиций к месту проведения исследований. Поэтому изучаемая ими площадь не могла быть обширной. Термин «Приполярный Урал» как раз и был введен с подачи геологов одной из этих экспедиций Алеикова и Городкова. Но путаница в разделении Уральского хребта на Северный, Приполярный и Полярный Урал не исчезла по сей день, в том числе даже среди ученых мужей. Поэтому не стоит заострять внимание на каком-либо из этих терминов. Насчет «каме (у)шка» – не согласен. Думаю, что не стоит отождествлять это слово с Уральским хребтом. Более возможно, что это какое-то местное название. Например, возле города Красно-

турьинска Свердловской области издавна известна гора Камушиок; под этим именем он описан в литературе, имеются соответствующие старинные фото с подписями. Еще есть поселок Камешек в Кемеровской области, Красный Камешек в Новосибирской. Скорее всего, здесь тоже, тем более на фото хорошо видна скала. На Урале уже давно никто не называет горы Камушиком, разве что в шутку. А вот отдельные стоящие вершины, высокие скалы в руслах рек как раз и именуют камнями или камушками.

Очень рад нашему заочному знакомству! М.В. Цыганко. 9.05.2023 г.»

Практически сразу Алексей Григорьевич ответил мне и добавил кое-какие сведения к первым письмам:

«Добрый день, Михаил! Продолжаю свои воспоминания о тех славных людях, староверах (поморское согласие), которые жили на заимке Собянинская. Сейчас жители пос. Красный Яр (бывший леспромхоз), расположенного примерно в 40 км от нее, называют ее Максимовской, в честь того легендарного Максима. Прикладываю два фото родственников Анны Дементьевны Носовой.

Когда они переселились на эту заимку, Максим заселился в дом Собянинных (дом был большой) и, видимо, они кого-то из Собянинных еще застали в живых. Когда были церковные праздники, они все собирались молиться в келье моих тётюшек. В келье обязательно был аналой, где сто-

яли ряды икон, а на полке разложены служебная литература и на нижних полках также книги. Мои родственницы-тётки (с ними ещё в келье проживали две старушки) пережили всех Носовых и Максима тоже, а позже и мои родители перебрались на ту заимку и, в свою очередь, хорошо уже тётюк.

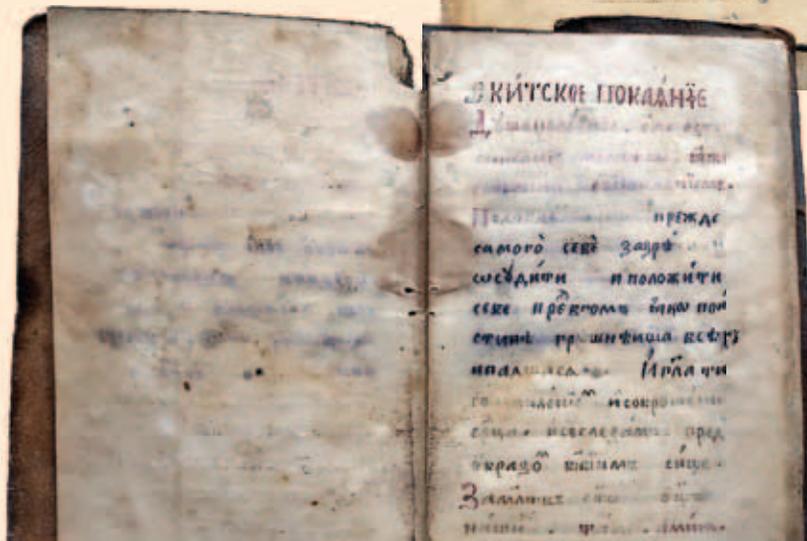
Заканчивая описание заимки и её славных жителей, хочу добавить, что когда какой-либо человек помирал, остальных его соседей они распределяли по другим кельям и, навещая друг друга, помогали и духовно, и социально. Поэтому и называется такая жизнь согласием. Символы веры: иконы, книги, рукописи переходили от одной кельи к другой. Еще напишу об одной рукописной тетради, которая мне осталась после похорон моих родителей (прикладываю фото двух развернутых страниц). Родители мои похоронены на другой заимке, ближе к дороге. Тетрадь имеет владельческую запись на последней странице. Даю расшифровку, поскольку там написано неразборчиво, имеются ошибки: «Скитское покаяние. Оно было списано стариком Алестархом Ефремовичем Собянинным. Он её списывал на Печоре 1921 году. Купил её Собянин Яков Константинович, находясь в деревне Нерохах. Расписался гражданин деревни Нерохи Собянин Емельян Яковлевич. Купил (неразборчиво) 1931 г. месяца апреля 5 дня» «Г.Д.Н.» – Что видимо переводится как: гражданин деревни Нерохи.

Как мы видим, фотография совершила гигантский круг в пространстве и во времени и вернулась в те места, где была сделана, пройдя древним путём миграции славян и путешественников на восток. У нас здесь, в Томской области, он пролегает по р. Кеть и далее в р. Кас и р. Енисей (Обь-Енисейский канал)»

Деревня Нерохи находится на берегу реки Северная Сосьва в 27 км по прямой от с. Няксимволь. Это значительно сужает наш круг поисков, заставляя принять центром этого круга само село Няксимволь.

Вот такая интересная история выстроилась вокруг одной фотографии.

Остается добавить, что градоначальник столицы нашей Родины — Сергей Семенович Собянин также является уроженцем села Няксимволь. Интересно, имеются ли среди людей, упомянутых в этой статье, его родственники?

Илья Абрамов, (этнограф):

«Вообще я про Носовых на Северной Сосьве никогда не слышал. Я пролистал документы, ни одного упоминания Носовых нет, есть Собянины. Причем я сам бывал в Нерохах, когда там еще жила постоянно Бадагова, которая там родилась, и она жила там, по рассказам родителей, этих людей, так называемую «пецёру». Этих всех выходцев с европейской части называли не старообрядцами, а «пецёра» (Печора — река). Смячая ч по-мансийски. Пецёрой обозначали старообрядцев-бесповцев, они не работали один день в неделю в субботу, по-моему, и ходили по березу в длинных пальто. Высылаю вам список жителей, это был выселок. Наиболее полный бюллетень по переписи, как раз с начала тридцатых годов, когда там было максимальное число жителей, так что Носовых там нет, и в Няксимволе тоже нет.

Носовы, конечно, с Печеры. То есть, это рабочие, которых нанимали на Печо-

ре и оттуда они уже поднимались в горы. По крайней мере, так делали в девятнадцатом веке, когда Носилов с компаньонами разрабатывал прииски, в истоках Печеры и в истоках Северной Сосьвы, они нанимали рабочих именно с Печеры. Еще у меня есть указания от манси, что на реке Лопсии есть место, где жили в землянках староверы. Сам я никогда там не был, хотел проверить, но в итоге мы туда ни разу не добрались: довольно далеко, а там выше уже мелко. Ну и надо, видимо, по большой воде забираться и ставить целью посетить это место, если соберетесь, то я скину координаты, проверите».

Алексей Горбунов:

«Добрый день Михаил! Всё совпадает с нашими предположениями. Во-первых, в списках есть имена и отчества уже знакомых нам Собяниных, и, самое главное, ещё одна фамилия Пашин. Дело в том, что у Анны Дементьевны был сын Николай Пашин (он примерно с 1952 г. рождения), и один раз я его видел. Когда я был ещё в дошкольном или младшешкольном возрасте, мы с тёткой пришли на эту заимку, и я впервые увидел, как распиливают брёвна на тёс маховой пилой. У Максима были сооружены подмости высотой метра два и вверху стоял парень Коля

Пашин, а внизу пилу дёргал Максим. Позже из этого тёса Максим построил длинную узкую и с тупым задником лодку, точно такую, как на фотографии в п. Няксимволь. На этой лодке они ездили по озеру на другой берег: там и ягоды брали и покосы были. Также у Максима были сделанные им же узкие и длинные нарты, довольно высокие (т.к. снега зимой там много), нарты высотой примерно 40 сантиметров. Они ещё несколько лет стояли там, приклонённые к албару, когда на заимке никто уже не жил (осенью я бывал там на охоте). Николай Пашин прожил на заимке недолго и уехал в г. Красноярск или Красноярский край для самостоятельной жизни. Вроде, писал сколько-то годов матери, но дальнейшая его судьба нам неизвестна. Он среднего телосложения и роста, светловолосый и кудрявый. Вот такое дополнение. Михаил, высылаю ещё одно фото семейства Носовых и оборотную сторону фотографии. Где она была сделана, мне неизвестно. Хочу ещё высказать предположение, что один из Пашиных, возможно, был участником экспедиции.»

Вот такая интересная история выстроилась вокруг одной фотографии. Если у вас есть какие-то толковые предположения, догадки, сведения, пишите. Это важно! **У**

Анастасия Тихомирова

Родилась в Санкт-Петербурге, окончила общеобразовательную, музыкальную и художественную школы, студентка вуза, интересуется историей и архитектурой.

Ирина Тихомирова

Почетный член историко-географического клуба им. Б.А. Вилькицкого (г. С-Петербург), правнучатая племянница контр-адмирала.

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ**

▲ Андрей Ипполитович Вилькицкий и Вера Пантелеймоновна Вилькицкая — жена А.И. Вилькицкого

Открыватели новых земель

В исторической географии имена Андрея Ипполитовича и Бориса Андреевича Вилькицких неразрывно связаны с освоением Северного морского пути. В сентябре этого года исполняется 110 лет со дня открытия Земли Императора Николая II (ныне Северная Земля).

В своей монографии «Северный морской путь», изданной в 1912 году, основатель династии исследователей-первопроходцев Андрей Ипполитович Вилькицкий писал: «Вопрос о северном морском пути есть один из самых старых вопросов. Начало его должно теряться в глубокой древности, так как он не мог не интересовать древних учёных со стороны географической, то есть в смысле кругового объезда всего старого света. История не даёт нам сведений, кто первым прошёл морем в Сибирь, но в описаниях плаваний иностранцев имеются указания, что русские их упредили в этом деле».

Попробуем разобраться, кто же прошёл первым Северным морским путём? Андрей Ипполитович Вилькицкий родился 13 июня 1858 года (все даты по н. ст.) в городе Саратове в семье дворянина Минской губернии. По окончании классической гимназии он приезжает в Санкт-Петербург, поступает в специальный юнкерский класс кадетского корпуса. Затем учится в Николаевской Морской академии, вскоре его прикомандировывают к Гидрографическому департаменту и направляют в Пулковскую обсерваторию для прохождения специальной геодезической подготов-

▲ Дети супругов Вилькицких — Борис, Лидия, Вера, Юрий
► Выпуск академии 1908 год

ки. По окончании подготовки в обсерватории Андрей Ипполитович служил в Гидрографическом управлении, ему поручают ряд научных работ по измерению силы тяжести с помощью маятников в ряде городов России и на Новой Земле.

В 1891 году началось сооружение Сибирской железной дороги. Комитет по сооружению дороги признал возможным доставку рельсов и других материалов для строительства морским путём к устью Енисея и далее, по реке, к месту строительства дороги. Морское министерство дало согласие на производство гидрографического исследования Северного Ледовитого океана. В 1894 году Андрей Ипполитович возглавлял гидрографические экспедиции по изучению устьев Оби и Енисея и части Карского моря. Спустя три года он впервые провёл караван из 12 судов в устье Енисея. А в 1905 году по поручению Министерства транспорта А. Вилькицкий руководил уже проводкой каравана из 22 судов этим путём.

После поражения в Русско-Японской войне в 1905 году правительство прислушалось к мнению вид-

ных российских учёных, в их числе был и Дмитрий Иванович Менделеев, о необходимости исследования морей Северного Ледовитого океана и использования его для переходов военных кораблей. В 1907 году Андрей Ипполитович назначен исполняющим дела начальника главного гидрографического управления и с присутствием ему

ледоколов, предназначенных для полярной экспедиции, организуемой морским министерством. После молебствия закладку совершил начальник главного гидрографического управления генерал-лейтенант А.И. Вилькицкий. В 1910 году была организована Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на первых оте-

► Вера и Борис Вилькицкие

энтузиазмом приступил к подготовке Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (ГЭ СЛО). Решение об организации ГЭ СЛО было принято после доклада товарища Морского министра «О необходимости продолжения гидрографических работ в Северном Ледовитом океане для открытия морского сибирского пути».

К 100-летию со дня рождения Андрея Ипполитовича его старшая дочь Вера Андреевна Баскова (Вилькицкая) оставила воспоминания. Вот что она пишет: «Кажется, в 1907 году ему были поручены мастерские мореходных инструментов на Малой Охте, возле моста Петра Великого. Мастерские были очень запущены, и очень скоро удалось добиться того, чтобы детали к точным инструментам, выписываемые из-за границы, стали изготавливаться на месте. Он этим очень гордился и любил говорить о том, что русский человек всё может».

1 мая 1908 года в 13.00 на Невском судостроительном заводе в Санкт-Петербурге состоялась закладка двух

W. CLASEN ST PETERSBURG.

◀ Подъём флага на открытой Земле Императора Николая II (ныне Северная Земля)

▶ Схема плавания экспедиции ГЭ СЛО в 1913 году

чественных ледокольных транспортах «Таймыр» под командованием Б.В. Давыдова и «Вайгач» под командованием А.В. Колчака.

11 марта 1913 года начальник Главного гидрографического управления генерал корпуса гидрографов Андрей Ипполитович Вилькицкий скончался. В лице Андрея Ипполитовича Вилькицкого сибирская гидрография конца XIX века имела продолжателя работ Великой Северной экспедиции XVIII века, а в лице его сына — Бориса Андреевича Сибирь имела открывателя новых земель.

Борис Андреевич Вилькицкий родился в Пулково 23 марта 1885 года в семье лейтенанта Андрея Ипполитовича и Веры Пантелеймоновны (урождённой Захаровой) Вилькицких. Генерал-майор Мордовин вспоминал: «Он (А.И. Вилькицкий) для блестящего воспитания и образования детей не останавливался ни перед какими жертвами. В экспедиции... он ежедневно писал супруге... Тогда же он посылал при всякой оказии отдельные письма всем своим детям... Несмотря на такие чувства, он, кажется, никогда не оказывал служебной протекции сыну, а также не допускал мысли о совместной службе с ним».

В воспоминаниях В.А. Баскова с ностальгией вспоминает детство и своего отца (А.И. Вилькицкого): «Работал отец чрезвычайно много и постоянного внимания нам не мог уделять, но всё, что он нам говорил, запечатлелось в моей памяти и на основе этих воспоминаний устанавливалось постепенно моё жизненное «кredo». Очень мы все дети его любили, уважали и боялись огорчить... Рассказы об этих путешествиях (1894–1897 годы) очень лю-

били мы — четверо его детей, так казалось заманчиво кататься на собаках и путешествовать среди льдов, под вечным опасением быть раздавленными этими льдами. В свободное время он читал нам сказки, больше всего Пушкина и Гоголя и пел песни...».

В 1897 году Андрей Ипполитович написал прошение на имя директора Морского Кадетского корпуса: «Желая определить на воспитание в младший общий класс Морского Кадетского корпуса сына моего Бориса Вилькицкого... Если, по принятии Бориса Вилькицкого в Корпус, начальство оного признает нужным исключить его, вследствие дурного его учения или поведения, а также вследствие появления таких болезней, которые препятствуют службе во флоте, то я обязываюсь, по первому требованию Корпуса, без замедления взять его обратно на своё попечение, в случае же, если он по экзамену не окажется в числе подлежащих на казённое содержание, то прошу принять его в Корпус своекоштным пенсионером, причём я прини-

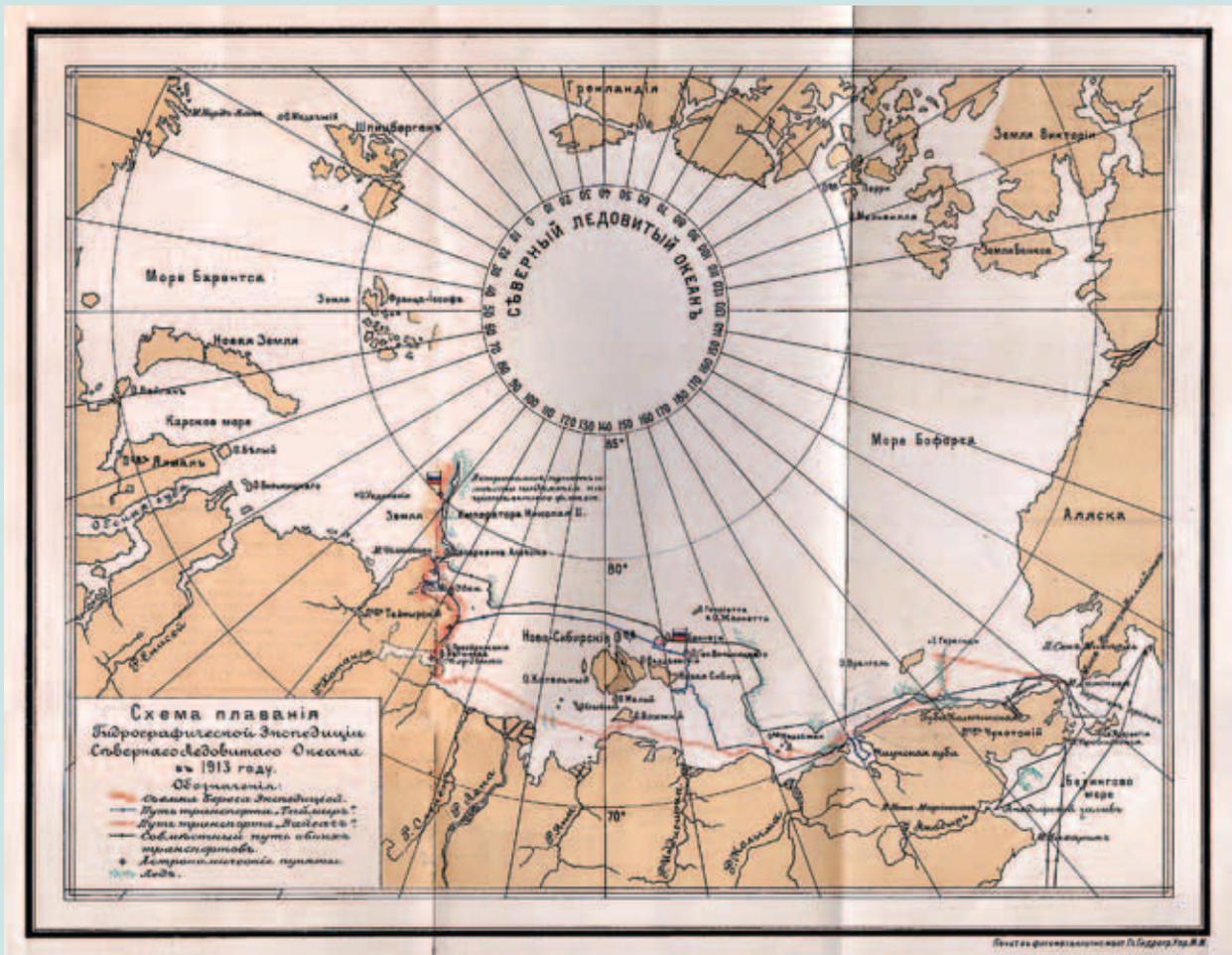
маю на себя все обязательства относительно исправного платежа денег за него, а также других условий, какие будут предложены мне Корпусом». Вот так был выбран жизненный путь Бориса Андреевича Вилькицкого.

Борис Андреевич Вилькицкий 22 марта 1901 года был произведён в младшие гардемарины. За время обучения в кадетском корпусе он 311 дней провёл в плаваниях на учебных судах по Балтийскому морю. В 1903 году Андрей Ипполитович обратился к Ивану Константиновичу Григоровичу с просьбой: «Юноша он способный, светский и в то же время трудолюбивый... По своей нравственности и поведению он пользуется самыми лучшими симпатиями воспитателей... Мечты его быть младшим штурманом, так как в сих науках он очень силен и любит их... в ожидании назначения, он меня просит устроить так, чтобы ему не пришлось плавать на таких судах, где нельзя подучиться настоящей службе, т.е. на судах гидрографии, я прошу назначить его на строевое судно, чтобы капельку он подучился, а не разучился службе».

По результатам экзаменов Борис Андреевич произведён в мичманы, зачислен в 20 флотский экипаж и на броненосце «Цесаревич» под командованием капитана 1 ранга Григоровича уходит на Дальний Восток, где вскоре принимает участие в Русско-Японской войне. 16 августа 1904 года Борис Андреевич писал Григоровичу: «Цесаревич» вынес тяжёлые минуты. Все нижние чины и офицеры, бывшие на мостике, или

«Таймыр» во льдах (1914 г.)

убиты, или ранены. Одного меня судьба каким-то чудом пощадил, хотя я был среди них».

В 1908 году Борис Андреевич Вилькицкий окончил Николаевскую Морскую академию, и служил на различных должностях в штабе командующего морскими силами Балтийского флота. Капитан 1 ранга К.А. Плансон, командир крейсера «Оле», на котором служил Борис Андреевич, так его аттестовал: «Большое призвание к штурман-

ской службе... Умеет держать себя с подчинёнными... Убедённый монархист... Хороший человек и офицер. Отлично воспитанный, очень тактичный. Уже довольно опытный несмотря на свою молодость».

Борис Андреевич мечтал попасть в ГЭ СЛО. Но Андрей Ипполитович был категорически против участия сына в экспедиции. Только после смерти Андрея Ипполитовича, капитана 2 ранга, Бориса Андреевича Вилькицкого назначили командиром транс-

порта «Таймыр», а вскоре и исполняющим обязанности начальника экспедиции вместо заболевшего Ивана Семёновича Сергеева. Вилькицкий смело пошёл на раздельное плавание ледоколов с использованием телеграфной связи, что и привело к удивительным результатам. «Решение начальника экспедиции — попытаться найти проход севернее Новосибирских островов — было для нас радостной неожиданностью», — писал врач ГЭ СЛО Л.М. Старокадомский.

4 сентября 1913 года участники экспедиции высадились на открытую ими землю под русское «Ура» и торжественно водрузили государственный флаг России на бамбуковом флагштоке. В приказе командира экспедиции говорилось: «Нам удалось достигнуть мест, где ещё не бывал человек, и открыть земли, о которых никто не думал. Мы установили, что вода на север от мыса Челюскин не широкий океан, как считали раньше, а узкий пролив. Это открытие само по себе имеет большое научное значение, объясняет много в распределении льдов океана и даёт новое направление поискам Велюкого пути!»

◀ Вайгач в Арктике

▲ Капитан 1 ранга Борис Андреевич Вилькицкий

▲ Перезахоронение праха Бориса Андреевича Вилькицкого. Смоленское кладбище Санкт-Петербурга, 20 ноября 1996 года

Экспедиция под руководством Бориса Андреевича совершила последнее великое географическое открытие, увеличив территорию России в мирное время на 37 тысяч кв. километров. Находясь в Санкт-Петербурге, Борис Андреевич прежде всего поднял вопрос справедливой оплаты нижним чинам экипажей и врачам. Впервые он предложил и обосновал необходимость и возможность применения самолётов в морских полярных исследованиях для целей разведки состояния льдов и выбора наилучшего пути. Вилькицкий поднял вопрос о правовых возможностях кораблей экспедиции при охране государственных интересов в российских территориальных водах. Главный Морской штаб разрешил транспортам «Таймыр» и «Вайгач» поднять военный кормовой флаг и поступать в соответствии с выданной им «Инструкцией по охране промыслов».

Плавание 1914 года закончилось тяжёлой зимовкой у западных берегов полуострова Таймыр. Родные и близкие участники экспедиции долгое время не получали известий об экспедиции. Приводим письмо В.П. Вилькицкой — матери Бориса Андреевича, отправленное И.К. Григоровичу.

«Многоуважаемый Иван Константинович! Ваше сердечное участие ко всем членам моей семьи даёт мне смелость сказать Вам несколько слов о сыне. Покойный муж был против того, чтобы Борис уча-

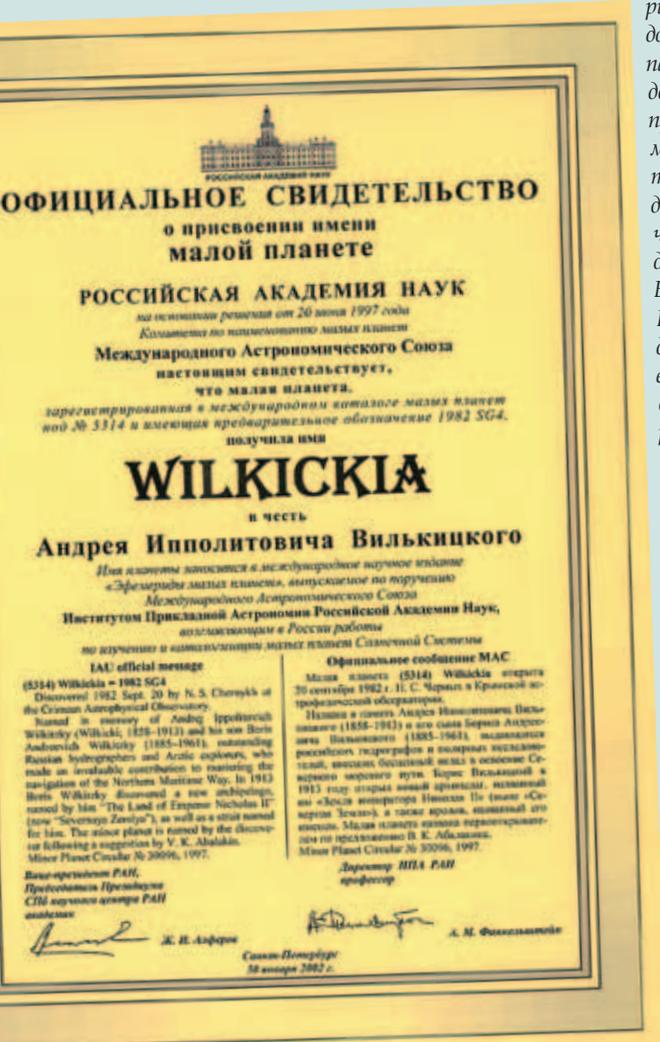
ствовал в этой экспедиции в качестве командира судна, мотивируя тем, что ему, как отцу, неудобно будет слишком ретиво заняться розыском экспедиции, если, не дай Бог, в том будет необходимость. Значит, покойный допускал возможность, при знании всех условий Севера, что может случиться. Жена Бори после разговора с Вами меня немного успокоила, но сердце всё-таки болит, уже 6-й месяц, как нет вестей от экспедиции, а разговор с мужем всё на уме. Простите за это письмо, многоуважаемый Иван Константинович, может, мои страхи неосновательны и преждевременны, но я мать и в том только моё оправдание. При желании всего хорошего, Вера Вилькицкая Петроград, 18-го декабря 14 года».

Во время зимовки постоянно выполнялась тяжёлая экспедиционная работа, научные исследования, приказом вменены прогулки, футбол, катание на лыжах, занятия с командой различными образовательными предметами. Опасались, что возможна и вторая зимовка, запасов продуктов не было. Совместно с Гидрографическим управлением был составлен план пешего перехода партии из 40 матросов «Таймыра» и «Вайгача» на «Эклипс» (под командованием Отго Свердрупа, принимавшего участие в организованной Морским министерством экспедиции по поиску пропавших экспедиций В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова), а затем до Гольчихи.

Как только позволила ледовая обстановка, ледоколы направились на запад и 3 сентября 1915 года на Соборной площади Архангельска встречали экспедицию Б.А. Вилькицкого в составе транспортов «Таймыр» и «Вайгач» и «Эклипс» О. Свердрупа. Вот как описывали это событие современники: «На Соборную пристань к моменту прибытия экспедиции собрались военные, морские и гражданские власти, общества изучения Русского Севера и др. На пристани выстроились шпалерами учащиеся учебных заведений — мужской и женской гимназий, реального училища, учительской семинарии и начальных городских школ во главе с преподавательским персоналом. Пристань и набережная была усеяна народом. В 11 часов из-за Мосеева острова показалось охранное судно «Бакан» и, подойдя к Соборной пристани, стал на рейд. Вскоре показали суда экспедиции. С «Бакана» произведён был салют, на который салотовал в свою очередь шедший впереди «Таймыр». Присутствующие приветствовали участников экспедиции криками «Ура». Вслед за «Таймыром» к той же Соборной пристани подошёл «Вайгач». Судно «Эклипс» экспедиции Свердрупа подошло к борту «Таймыра» последним. Общество изучения Русского Севера избрало Б.А. Вилькицкого своим почётным членом: директор Ломоносовской мужской гимназии поднёс адрес от имени совета гимназии.

▲ Надежда Валерьяновна Вилькицкая (в девичестве Тихменева) — жена Бориса Андреевича

▲ Свидетельство на планету Вилькицкая

Таким образом, русские военные моряки открыли Северный морской путь, о котором мечтали многие поколения поморов и моряков. Андрей Ипполитович верил, что Северный морской путь из европейской части России на Дальний Восток — **русский национальный путь** — будет открыт для судоходства на всём его протяжении и как всегда оказался прав в своих предположениях. Единственное, что он не смог предположить, это то, что первой Северным морским путём пройдёт экспедиция под руководством его сына Бориса Андреевича Вилькицкого.

По признанию современников, «труды Б.А. Вилькицкого и его сподвижников вернули России право на почётное место в ряду стран — исследовательниц арктических морей». Из воспоминаний участника экспедиции телеграфиста «Вайгача» А.И. Киреева: «В своих письмах своим родителям я писал, что полон гордости за себя и товарищей по плаванию, что нам привелось быть участниками, впервые в истории мореплавания, перехода Ледовитым океаном с востока на запад, и ещё большим чувством гордости за тех, с кем мне пришлось проделать долгий, нелёгкий, утомительный путь по льду Ледовитого океана от островов Фирнлея до мыса Вильда и чуть не тысячекилометровый путь по неизведанной, нехожей тундре от мыса Вильда до Гольчихи на великом Енисее. Я был полон чувства гордости за своих товарищей — военных моряков, вписавших ещё одну славную страницу в историю русского военного флота, совершивших подвиг не в огне сражений, под грохот орудий, а на мирном поприще умножения славы своей Родины. Воспоминания об этом плавании, зимовке и пешем переходе, людях, с которыми я делил горести и радости пережитого, до конца моих дней останутся у меня в памяти.»

В 1916 году Борис Андреевич назначен командиром миноносца «Летун» и за удачную постановку мин представлен к Георгиевскому Золотому оружию и произведён в капитаны 1 ранга.

В 1920 году Борис Андреевич эмигрировал. В 1923–1924 годах по приглашению советской власти организовал Карские то-

варообменные экспедиции, в результате чего были налажены экспортно-импортные перевозки между портами Западной Европы и районами Западной Сибири и дало толчок ежегодной эксплуатации Карского морского пути. Сдав дела покинул Россию. Первооткрыватель с мировым именем получил нансеновский паспорт, гражданство никакой страны не принял, мечтал вернуться на Родину.

Контр-адмирал Борис Андреевич Вилькицкий умер в Брюсселе в 1961 году в приюте. Некрологи были напечатаны в Нью-Йорке, Брюсселе, Париже. В советской прессе о смерти Б.А. Вилькицкого не упоминалось. В 1996 году прах Бориса Андреевича Вилькицкого перезахоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга рядом с могилой отца и брата. Борис Андреевич был женат на Надежде Валерьяновне, урождённой Тихменевой, в браке было двое детей — дочь Татьяна и сын Андрей. Все начинания Андрея Ипполитовича и Бориса Андреевича Вилькицких были устремлены в будущее, они служили своей Родине — Великой России.

Я вижу умными глазами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.

М.В. Ломоносов

▶ Борис Андреевич Вилькицкий

▼ Арктический футбол, акклиматизация пройдена!

▼ Воинская часть в Русской Гавани, 1970–1980-е годы. Фото из архива В.В. Черникова

Моя Русская Гавань

Андрей Окунев

Офицер запаса, служил в Русской Гавани в 1987-1992 годах.

**АРХАНГЕЛЬСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Фото из личного архива
Сергея Тернового

В июльском номере УС вышел очерк Николая Вехова о заливе Русская Гавань на Новой Земле. Редакция получила письмо с воспоминаниями офицера запаса, служившего в воинской части, располагавшейся в этом заливе.

16 сентября 1987 года я и мой тёзка Андрей Громадский, молодые лейтенанты-выпускники, прилетели вертолётом к своему месту службы на 38-ю «точку» Русская Гавань. Залив находится на западной баренцевоморской стороне Северного острова Новой Земли между полуостровами Литке и Шмидта. Залив открыт на север и внедряется вглубь Северного острова Новой Земли на 10 км. Его пространство в совокупности с полуостровами Горякова и Савича делится на ряд обособленных акваторий: бухты Володькина и Воронина — на востоке, залив Откупщикова — на западе. Расстояние между входными мысами Макарова (на западе) и Утешения (на востоке) составляет 8 километров. ...Полярники зимой, когда вода в заливе замерзает на достаточную глубину, выезжали в бухту Откупщикова на тракторе ДТ-75 с волокушей. Лёд мини-айсбергов пилили бензопилой, грузили на волокушу и везли на полярную станцию, тем самым пополняя запасы пресной воды.

Всех молодых выпускников — лейтенантов, прибывших в конце августа 1987 года из Архангельска на зафрахтованном пассажирском теплоходе «Татария» в Белушью Губу, в управлении 3-го радиотехнического полка распределили по отдалённым подразделениям. Я сам попросился служить на Русскую Гавань. Получил назначение на должность начальника смены РЛС П-14 в отдельную радиолокационную роту (в/ч 03229). Позиция 38-й «точки» размещалась на полуострове Савича, расположенного, в свою очередь, на полуострове Шмидта, слева от которого — залив Русская Гавань, куда спускается ледник Шокальского, справа — залив Чаева, куда сходит одноимённый ледник Чаева. В итоге получается так, что полуостров Шмидта «отрезан» двумя ледниками от Северного острова Новая Земля. Полуостров Савича был назван в 1930 году в ходе Арктической экспедиции ледокольного парохода «Г. Седов» в честь её участника, в последующем крупнейшего советского

▼ Личный состав части

▼ Удачная охота

Уральский следопыт, сентябрь 2023

▼ Трактор с волокушей на берегу

▼ Позиции радиолокационной роты

ботаника-лихенолога, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора биологических наук, профессора В.П. Савича.

Слева от полуострова Савича — бухта Володькина, а справа — бухта Микитова, которую я прозвал «Баракхолкой». За бухтой Микитова на восток — гора Верблюды, за ней — мыс Утешения. На северной оконечности этого небольшого полуострова ещё в 1965 году была развёрнута большая стационарная 2-координатная радиолокационная станция метрового диапазона «Дубрава» дальнего обнаружения с радиолокационным запросчиком. В 1970-х годах в заливе и на острове Богатый были установлены автономные маяки, которые включались в тёмное время суток и мигали до рассвета. Работали створные маяки от радиоизотопных термоэлектрических генераторов (РИТЭГ) — «ядерных батареек», обладающих смертельным для человека излучением. Их устанавливали на бесплодных берегах Арктики в качестве источников электроэнергии для автономных маяков — с их помощью осуществлялась навигация по Северному морскому пути. В период навигации 1990 года в связи с тем, что генераторы выработали ресурс, пришёл специальный корабль, РИТЭГи сняли с маяков и увезли. Маяки потухли навсегда. В 1932 году в бухте Русская Гавань была развёрнута полярная станция с одноимённым названием. Она располагалась в основании полуострова Горякова на второй морской террасе высотой 15 м. Говорили, что реальные события зимовки молодых полярников в 1932–1933 годах на полярной станции

«Русская Гавань» послужили сюжетом для съёмки известного фильма «Семь смелых».

В Арктике бывает трудно дышать, люди действительно испытывают дефицит кислорода. Но почему это происходит? Что есть на Севере? Низкие температуры. А чего нет? Влага в воздухе. Абсолютная влажность воздуха на Севере ниже, чем в пустыне! Низкие температуры приводят к тому, что воздух на улице и в помещениях становится очень сухим. Из-за сухости воздуха кислород плохо усваивается человеком. Лёгкие начинают улавливать кислород по тому же принципу, как у живущих высоко в горах: увеличивается площадь поверхности альвеол, объём капилляров и давление в лёгочной артерии.

У северян «особые лёгкие». В конце 80-х годов XX века был выявлен фактор природной среды, в такой же мере характерный для высоких широт, как и холод. Это — низкое абсолютное содержание водяных паров в атмосфере.

Поэтому в Арктике надо служить и работать более молодым и здоровым. Тяжело бегать в первый год, потом организм перестраивается и акклиматизируется. По боевой готовности полные боевые расчёты прибывают на объекты за 5 минут. Бегать приходилось. Сначала задыхаешься, а потом привыкаешь! Весной часто появляется визуальный эффект, который можно назвать «золотой снег» или «расплавленный снег». Утрамбованный ветрами чистый снег приобретает на расстоянии свойства зеркала и при невысоко стоящем над горизонтом солнце отражает его лучи,

слепит глаза, создавая впечатление, что он из золота. Именно из-за этого в Арктике нужно носить солнцезащитные очки. Лето в Арктике, как вы понимаете, далеко не всегда «радужное». Например, в 1988 году в заливе Русская Гавань за период с мая по сентябрь не было ни одного солнечного дня. Низкая облачность, дождь, промозглая морось, туман. В течение четырёх месяцев из-за сложных метеословий не мог прилететь почтовый вертолёт с острова Диксон, который всегда ждали... Почта несла новости из дома от родных, близких и друзей. Почта доставляла журналы. Так как почта доставлялась вертолётами и именовалась «Авиа», то послать адресату можно было только письма и бандероли весом до 1 кг. Поэтому присылали, в основном, самое ценное или сразу несколько бандеролей. А мы выписывали много журналов по почте. На «точке» в свободное от службы и работ время читали все и много. Также удобно было отправлять телеграммы. Звонишь по телефону на полярную станцию, диктуешь адрес и текст телеграммы. Ребята говорят, сколько слов и какова стоимость телеграммы, которую ты оплачиваешь из денег, заранее переданных тобой на полярную станцию. Полярники передают телеграмму по радиотелеграфу на Диксон, а оттуда — адресатам. Также поступали телеграммы на «точку»: Диксон передаёт полярникам, которые звонят по телефону нашему дежурному пункту управления, который записывает текст и передаёт адресату. Вот так поддерживалась наша связь с «Большой землей», родными и близкими... **ES**

▼ Вертолёт всегда ждут

▼ Будни «точки»

Наследник древних мастеров

Идеи носятся в воздухе. Особенно если это напоённый запахом степных трав вольный воздух Зауралья. В это легко поверить, если вспомнить, что уже дважды в этих местах неведомая мыслеформа преобразовывалась в явления, разные по сути, но схожие по форме выражения.

Первый раз это вылилось в появление укрепленного поселения Аркаим, а второй раз — рождение Георгия Петровича Марсакова. Несмотря на то, что оба эти события разнесены на 40 веков во времени и город древних мастеров, где были найдены останки древнейшей в мире колесницы, и талантливый инженер, сделавший себе имя в хлебопекарной промышленности — явления разного плана и порядка, их всё же объединяет нечто общее, а именно — древнейший символ, замкнутая окружность, сиречь кольцо.

Аркаим представляет собой два круга глинобитных крепостных стен, к каждой из которых пристроены «квартиры», а также третий круг — огромный загон для скота, сплошным кольцом обвивающий стену. Подобные же круглые в плане здания, которые далеко не частый случай в современной градостроительной практике, — стали визитной карточкой Георгия Петровича.

«Кусок социализма» конструкции Марсакова

В июньском номере УС за 2022 год уже рассказывалось о становлении выдающегося уральского инженера-конструктора Георгия Марсакова. В этом очерке мы продолжаем знакомить читателей с его идеями и свершениями.

В конце 1920-х годов в города на стройки первой пятилетки из разорённой деревни хлынул поток крестьян, и перед новой властью встал непростой вопрос: как накормить всех этих строителей социализма? Оставить существующий порядок, когда практически весь хлеб, а именно он составлял тогда основу рациона, пёкся дома или в полукустарных пекарнях, для большевиков было решительно невозможно, так как означило отвлечение значительной части рабочих рук от производительного труда.

Поэтому понятна та патетика, с которой С. М. Киров, после посе-

▲ Хлебокомбинат «СМАК», Екатеринбург, ул. Свердлова, 8

Александр Булгаков

Родился в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Инженер-технолог. Член Международной гильдии писателей. Живёт и работает в Челябинске. Интересуется историей своей семьи, авиацией.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото предоставлены автором

щения в 1927 г. в Ленинграде первого в СССР механизированного хлебозавода, воскликнул: «Если хотите увидеть кусок социализма – идите на хлебозавод».

Возникшая тут же в головах руководителей страны идея скопировать применявшееся на этом заводе зарубежное оборудование и на его основе наладить собственное производство на поверку оказалась мертворождённой: слишком многое для её реализации пришлось бы создавать с нуля.

В этих условиях молодой инженер Г.П. Марсаков со своим успешным опытом строительства и проектирования хлебозавода не мог не обратить на себя внимание. Вполне ожидаемо, что в 1925–1927 годы ему было предложено применить свои умения при строительстве Иваново-Вознесенского хлебозавода, для чего в городе Днепропетровске (Украинская ССР) были созданы конструкторское бюро и мастерские. Здесь Г.П. Марсаков в короткие сроки создаёт проект хлебозавода и изготавливает оборудование для него и ещё для трёх хлебозаводов, в том числе и для города Свердловска (первого не только в городе, но и на всём Урале).

«Закон бутерброда» по-уральски

Для строительства завода было определено место на 1-й Мельковской улице (ныне ул. Лермонтова) на территории Привокзального района. Здесь в пятницу 14 мая 1936 года председателем правления Центрального рабочего кооператива (ЦРК) при торжественной закладке была выложена первая лопата щебня с цементом для бетонной подушки под фундамент. Для постройки и оборудования было выделено полмиллиона рублей, которые были успешно освоены, и уже 15 мая 1927 года с хлебозавода была отгружена первая партия продукции.

При торжественной закладке было анонсировано, что производительность завода будет 2500–3000 пудов хлеба при трёхсменной работе. В 1930-е годы на заводе работало четыре печи и 46 человек обслуживающего персонала (36 мужчин и 10 женщин). В сутки из ворот завода выходило до 50 тонн хлебобулочных изделий, хотя оборудование, спроектированное и поставленное Марсаковым, позволяло довести производительность до 60 тонн. Выйти на проектную производительность не позволяло отсутствие вспо-

могательного оборудования: машин для просеивания муки, аппаратов для замеса теста и установок для формирования выпечки. Вот почему поначалу в личном составе хлебозавода преобладали мужчины – все подготовительные операции производились вручную.

Не понятно, почему так произошло, ведь монтаж оборудования производился под личным руководством Георгия Петровича (наверное, вышестоящее начальство опять решило сэкономить), а конструкция хлебозаводов, подобных Свердловскому, позволяла довести механизацию процессов до 25–27% против 13% у немецких заводов. В идеале, на некоторых из них удавалось довести уровень механизации до 74%. Только позднее, когда уровень механизации достиг проектной отметки одновременно с широчайшим применением электричества, стало возможным создать такие условия труда, когда рабочий, прежде чем попасть в цех, должен был принять душ и переодеться в чистую спецодежду, завод стал по преимуществу женским коллективом, что сегодня воспринимается нами как само собой разумеющееся.

За всю историю существования, как бы тяжело ни было, но «Свердловский хлебозавод № 1» не останавливался ни на один день. Согласно проекту к заводу подходили железнодорожные пути, что поначалу казалось избыточным – с транспортировкой всего объёма продукции в пределах города вполне справлялся гужевой транспорт. Всё изменилось с началом войны, когда появившуюся в 1930-х годах фабрику-кухню, что появилась рядом с заводом у кромки улицы, в декабре 1941 года переоборудовали в макаронный цех. Тогда по железнодорожным путям, прямо со станции «Свердловск – Товарный» составы заходили прямо на территорию, где на них быстро и без задержки грузились сухари и вермишель для сухпайков. За это время для фронта и победы на заводе испекли 134 тыс. тонн хлеба и булочек и изготовили более 8 тыс. тонн лапши. В этом достижении немалая заслуга Марсакова, создавшего такое надёжное, производительное оборудование.

В настоящее время это предприятие известно как хлебомакаронный комбинат «Смак».

► Инженер Георгий Марсаков (архивное фото, 1930-е годы)

Хлебная круговерть

При анализе производственной деятельности хлебозаводов, подобных Свердловскому, Г.П. Марсакову стало ясно, что дальнейшее увеличение их производительности без снижения качества продукции невозможно. Схема, на которых все они были построены, была заимствована из зарубежных образцов и на тот момент себя уже исчерпала. В 1927 году ему пришло гениальное по простоте решение этой проблемы: вместо возвратно-поступательного конвейера с неподвижными рельсами (направляющими), по которым перемещались тележки на роликах, применить конвейер с неподвижными, установленными по окружности роликами, по которым перемещаются кольцевые направляющие. Это позволило упростить конструкцию и, как следствие, уменьшить себестоимость её изготовления и повысить надёжность, а также уменьшить занимаемую площадь и энергопотребление с одновременным значительным увеличением грузоподъёмности.

Руководствуясь этой идеей, Марсаков сконструировал хлебозавод совершенно нового типа, в котором кольцевое движение конвейера сочеталось с вертикальными связями, работавшими сверху вниз. На верхний этаж подавали муку, а затем с верхнего на расположенный ниже этаж, по мере готовности, опускались заготовленная опара, тесто и сформированные хлебобулочные изделия, пока на первом этаже не получали готовые, с пылу-жару, калачи и булочки. Наружным стенам главного кор-

► Обложка книги об инженере Г.П. Марсакове

пуса, для более экономного использования производственной площади, была придана цилиндрическая форма.

Всего по этой схеме было построено семь хлебозаводов-автоматов: пять в Москве и ещё два в Ленинграде. Годы эксплуатации только подтвердили преимущества данной конструкции. Во-первых, эти хлебозаводы имели феноменальную производительность: один такой завод мог накормить хлебом до 400 тыс. человек в сутки, что позволило на долгие годы снять остроту проблемы обеспечения хлебом двух самых крупных городов Советского Союза. Во-вторых, им была присуща предельная простота и надёжность конструкции, в связи с чем «эти хлебозаводы <...> на отлично выдержали войну, работая четыре года без ремонта» (Г.П. Марсаков). Причём оба ленинградских завода с честью выстояли в адских условиях блокады, за что один из них (Кушелевский) был награждён в 1985 году орденом Отечественной войны I степени.

Всё могло быть иначе

Не вдруг, а преодолев множество препонов, пришёл Георгий Петрович к осуществлению своей революционной идеи. Долгое время приходилось терпеть всяческие бытовые неудобства, мыкаясь по всей Москве без собственного жилья и поэтому не имея возможности воссоединиться с семьёй. На долгое время его домом стали возводимые им объекты, а спать приходилось на мешках из-под муки.

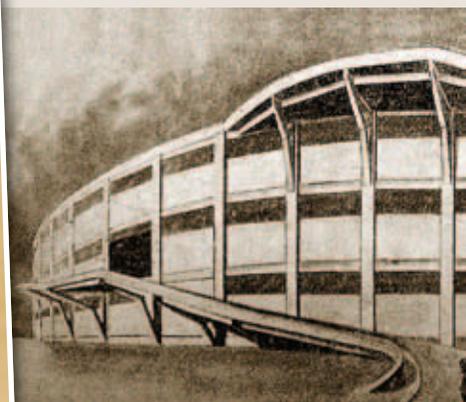
Было и противодействие его идеям, причём на самом высоком уровне, со стороны руководителей Центросоюза и Машиностроительного объединения, лоббировавших закупку импортного оборудования или производство его в СССР по иностранным лицензиям. Его противники не ограничивались традиционной критикой, которая, по сути, сводилась к одному:

► Старый Билимбаевский завод, конец XIX века

«было бы так просто — мировая техника давно дошла бы до этого». Всё чаще от них стали исходить намёки о вредительстве, и было бы перспективное дело зарублено на корню (известно, к каким печальным последствиям такое обвинение могло привести в те годы), но нашлись и те, кто не побоялся встать на сторону молодого и талантливого конструктора.

Одним из таких честных и неравнодушных людей стал наш земляк, уроженец села Мостовское, Курганской губернии, Герман Борисович Красин, — младший брат известного наркома Леонида Красина, который в то время возглавлял Институт гражданского

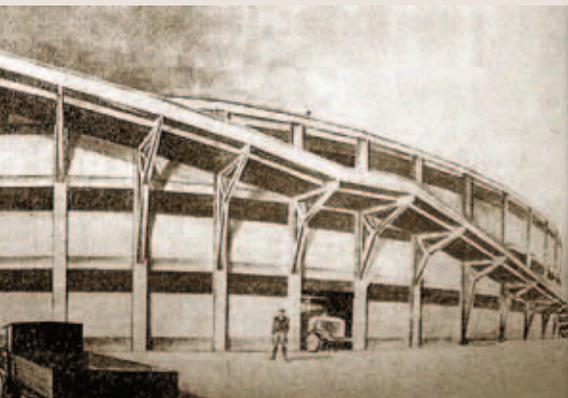
строительства, сказавший: «Если бы Форд узнал об этой системе кольцевого конвейера, он ухватился бы за неё».

И можно было бы не принимать эту фразу, как рождённую в пылу полемики, но уже наш современник, человек, знающий суть вопроса не понаслышке — генеральный директор булочно-кондитерского комбината «Москворечье» Вадим Вадимович Завьялов свидетельствует: «Нам немецкие коллеги говорили, что, зная они в своё время про систему Марсакова, европейское хлебопечение развивалось совсем иначе».

Кроме Г.Б. Красина нашлись и другие здравые силы, например, в ЦК профсоюзов пицеевиков и в Совете труда и обороны, благодаря которым в газете «Экономическая жизнь» появилась статья в защиту Марсакова, после чего открытые нападки на него прекратились, и дело по строительству кольцевых хлебозаводов наконец-то двинулось с мёртвой точки.

В 1933 году, после успешного введения хлебозаводов в эксплуатацию, он был награждён орденом Ленина, и в этом же году вышло в свет первое издание прославляющей его кни-

▲ Проект Г.П. Марсакова: Металлургический комбинат (1930-е гг.)

► Билимбаевская пристань, фото Метенкова В.Л., 1893 год

ги «Идеи и дела инженера Марсакова» (в то время подобного не удостоился ни один из его коллег по инженерному цеху). После чего он стал надёжно защищён от дальнейших нападков.

Билимбаевский провидец

Дотошный читатель может задать вопрос: почему, несмотря на все преимущества хлебозаводов Марсакова, они так и не стали частью архитектурного ансамбля всех крупных городов СССР? Дело в том, что, не дав ему довести до конца проект хлебозавода № 9 (запущен в 1934 году). Он был направлен в далёкий уральский город Билимбаев, чтобы на базе местного чугунно-литейного завода воплотить свою идею кольцевого конвейера в металлургическом производстве, тем более что в Царицыне у него уже имелся опыт работы в этой отрасли.

Без Георгия Петровича дело кольцевых хлебозаводов быстро захирело: создать собственную инженерную школу и воспитать приемника, равного себе, он не успел. Последним, построенным по его проекту, стал московский хлебозавод № 11 им. А.И. Микояна (1937 год). Завод этот до сих пор обеспечивает москвичей хлебобулочными изделиями. Кольцевое оборудование исправно прослужило вплоть до 1992 года, и было списано в утиль лишь по причине его морального износа, что лишним раз подтверждает надёжность разработанной им конструкции.

Трудно однозначно сказать, чем было вызвано это перемещение, более похоже на ссылку. Однако не исключено, что свою лепту здесь внесли противники Марсакова, воспользовавшиеся удобным случаем, чтобы наконец-то

www.uralstalker.com

На Уралъ

№ 174. Рѣка Чусовая. Билимбаевскій заводъ.

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ

БАССЕЙНЫ

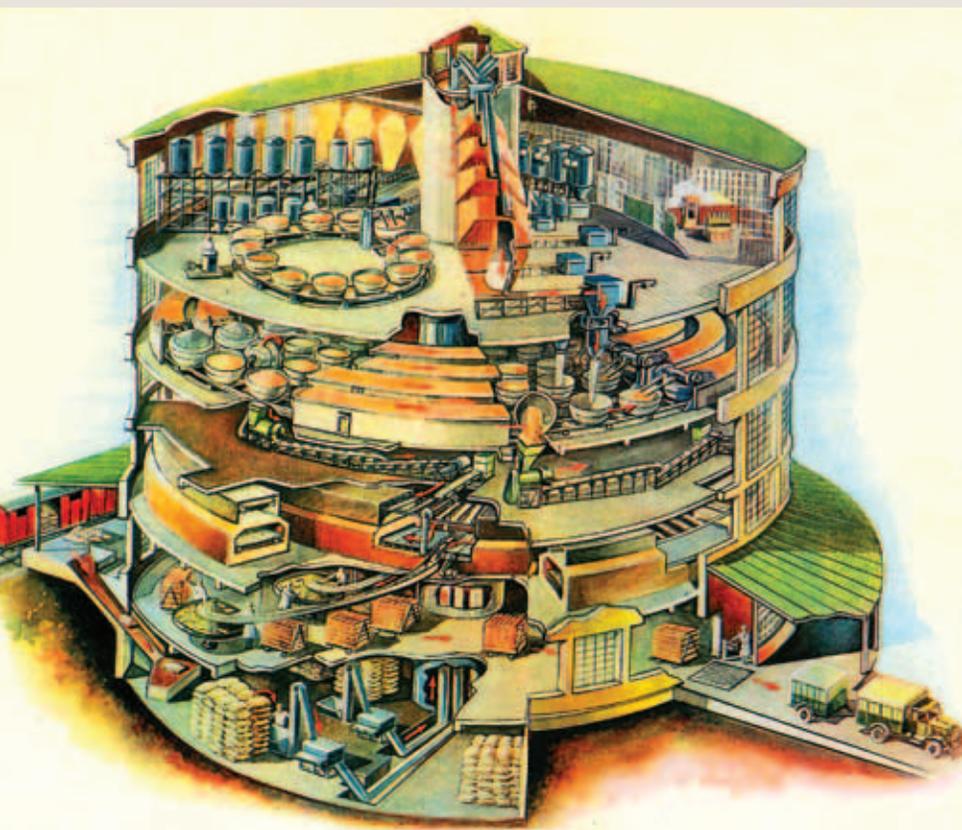
ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

◀ Московский хлебозавод № 5 в разрезе (рис. В. Добровольского, 1953 год)

избавиться от него. В немалой степени поспособствовал этому неуёмный характер Георгия Петровича. Кроме того, похоже, он и сам не сильно противился отъезду из столицы, в которой столько сил уходило не на живое дело, а на пустые интриги.

Завод, на который был направлен Марсаков, был основан ещё в 1734 году при графе Строганове и представлял собой безрадостное в техническом плане зрелище. Воздуходувная машина имела деревянные поршни, обитые войлоком и кожей (только цилиндры чугунные), которые приводились в движение первобытной паровой машиной. Подъёмные краны в литейном зале, которые считались «новыми», были изготовлены ещё в 1869 году. В 1933 году металлургическое производство было прекращено, демонтирована последняя доменная печь, и завод переключился на литьё трубных изделий, причём по весьма архаичной технологии — литьё в земляные формы.

В этих условиях новоприбывший технорук тщетно пытался организовать какие-то нововведения, одновременно проклиная «свой жалкий жребий», забросивший его сюда, когда все его товарищи завоёвывали славу и почести на гигантских новостройках страны.

Отчаявшись приложить свой творческий пыл в конкретные дела, он сосредотачивается на теоретических вопросах, пытаясь найти решение проблемы по переводу периодического

технологического потока на непрерывный производственный процесс.

В это время из-под его руки выходят проекты, где он, как и прежде, пытается применить принцип кольцевого конвейера. В их числе: хлебозавод малой и средней мощности с широким ассортиментом продукции, завод огнеупоров, завод черепицы и дырчатого кирпича, сахарный агрегат, тестомесильный агрегат, овощехранилища и склады высокой пропускной способности, паровые котлы высоких температур и сверхвысокого давления, нашедшие применение в печах непрерывного действия и многое другое.

Особо хотелось бы рассказать о проекте, ставшем альтернативой тому, по которому в то время возводился металлургический комбинат «Азовсталь» в городе Мариуполе. Выполненный в двух ассиметричных конвейерных колец, между которыми располагались круглые в плане производственные цеха, завод получился в два раза меньше по площади, а железная дорога, проходившая по внешнему кольцу, увеличила свой погрузочно-разгрузочный фронт на 40%.

Выполненный по традиционной схеме производства металлургического цикла, комбинат «Азовсталь» представлял собой весьма агрессивную среду, недружественную человеку и окружающей природе. Проект, выполненный Марсаковым, наполнял пространство зеленью до такой степени,

что казалось, конвейер полуфабриката, по внешнему краю которого тянутся цветники и физкультурные площадки, несёт оседлавшего его наблюдателя не по заводу, а по какому-то невиданному парку.

Жаль, что ему не было суждено осуществиться.

В ходе недавних боевых действий на территории «Азовстали» комбинат был так сильно разрушен, что в прессе даже была высказана мысль: было бы разумнее не тратить на его восстановление время и деньги, а разбить на территории комбината парк. Если это предложение будет реализовано, можно только подивиться провидческому дару Георгия Петровича, которому на месте царства огня и стали, более 80 лет тому назад — вдруг привиделся парк!

Венцом же полёта его творческой фантазии стал выполненный по заданию Кагановича проект нового социалистического города. В нём он обобщил весь накопленный на ту пору опыт и не удивительно, что город в нём предстал в виде излюбленного им кольцевого конвейера. В этом городе, как мечталось Марсакову, можно было добиться, «чтобы посланное из зоны пригородных хозяйств по конвейеру молоко в один и тот же час останавливалось у дверей всех домов города». В концентрическом мире этого города люди ходили по концентрическим улицам, заходили отобедать в фабрики-кухни, где столы и стулья тоже двигались по кругу, даже театр, куда они потом заходили отдохнуть, функционировал по кольцевой схеме.

Но особую оторопь испытываешь, когда смотришь на схему этого города и понимаешь, что это всё тот же, пробившийся сквозь толщу веков Аркаим, его дух и стиль, но только на другой, более совершенной ступени развития. И застываешь в недоумении: ну как Георгий Петрович мог прозреть эту форму древнего города, которая была явлена миру только спустя добрый десяток лет после его кончины?!

Какие времена — такие и памятники

В 1940 году судьба подарила Георгию Петровичу ещё один шанс заняться живым делом. Он был назначен руководителем конструкторской группы при ЦНИИ сахарной промышленности. Перед группой была поставлена задача по конструированию и отработке свёклоуборочного комбайна.

Первые полтора года дела шли достаточно успешно. Было сделано пять моделей свёклоуборочного комбайна, основанных на принципе кольцевого конвейера, из них четыре было испытано на полях Кубани. Из девяти операций по уборке свёклы, подлежащих механизации, для семи были отработаны механизмы, а для двух оставшихся — определены принципы, на которых эти механизмы можно было бы реализовать.

Дальнейшее развитие проекта потребовало создания специализированной организации по производству сложных механизмов, входящих в состав этого комбайна, а также организации отдельного проектного института для последующей отработки идеи. С началом Великой Отечественной войны решение данного вопроса было отложено. В день занятия немцами Ростова-на-Дону конструкторская группа была эвакуирована на Ново-Троицкий сахарный завод (Фрунзенская область), где и оставалась вплоть до мая 1944 года (не считая кратковременного воз-

вращения на Кубань с марта по сентябрь 1942 года).

Как сложилась жизнь Георгия Петровича Марсакова после войны — не известно. Очень вероятно, что его с почётом проводили на пенсию, тем более что в 1946 году ему как раз исполнилось 60 лет. Не известна также судьба его свёклоуборочного комбайна. Но если судить по тому, что в конструкции первых отечественных свёклоуборочных комбайнов СПГ-1 (запущен в серию в 1948 году) и СКЕМ-3 (1950 год) элементов кольцевого конвейера не наблюдалось, идея свёклоуборочного комбайна конструкции Марсакова повторила судьбу хлебозаводов его конструкции, когда с уходом создателя перспективная идея предавалась забвению. Как бы там ни было, но кроме конструкции свёклоуборочного комбайна он обогатил сахарную промышленность разработкой агрегата по переработке «глубинной» свёклы на сахар промышленного значения и изобретением непрерывной диффузии для извлечения сахара, содержащегося в свёкле.

Возможно, Георгий Петрович на каких-то неформальных началах продолжил работать в хлебопекарной промышленности, так как известно, что с 1946 года он был членом Комиссии по содействию рабочему изобретательству при ЦК работников союза хлебопекарной промышленности. В пользу этой версии говорит и прочувствованный некролог, опубликованный в журнале «Хлебопекарная и кондитерская промышленность» по случаю кончины Г.П. Марсакова 13 марта 1963 года.

С тех пор много воды утекло, в омывающих посёлок Наслединский реках Бирсуат и Скуба, но как-то так получилось, что в честь Георгия Петровича Марсакова так и не было названо не то что посёлка, но даже самого захудалого переулочка. Хотя нет, по крайней мере, один случай увековечивания его памяти всё же имеется, правда, в несколько своеобразном, в духе современных времён, виде. В здании на улице Новодмитровской в Москве, в котором ранее размещался Хлебозавод № 9, открыт одноимённый торгово-офисный центр, где нашлось место и универмагу концептуальных марок, поименованному «Марсаков».

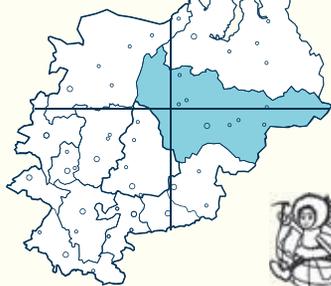
Ну, хотя бы так... **УС**

▼ Универмаг «Марсаков» (Москва, ул. Новодмитровская, 1, стр.23)

Дни, когда большие синицы были малыши

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Валерий Денеко

Преподаватель УГЛУ, бывший охотник, путешественник, пишет о природе. Урал — любимое место на планете. Кумиры: Бианки, Улукиткан.

Фото автора

Все мы знаем больших синиц с раннего детства. В нашей местности — на Урале, они всегда среди нас. С приходом холодов синички робким стуком в окно напомним нам, что надо бы вывесить кормушки и по возможности поделиться хлебушком, а в феврале, они самые первые из всех птиц сообщат всем о скором приходе весны.

Летом этих птиц практически не видно ни в городе, ни в деревне. Все они на этот период переключаются в сады, леса и большие парки. Здесь синицы выводят потомство, а молодежь познает мир. Дело это не простое, хлопотное и очень ответственное и однажды нам удалось убедиться в этом.

Наготовили мы по весне домики для синичек и развесили их в лесу, синички сразу же и поселились в них.

И вот 12 июля обратили мы внимание, что запела большая синица в полдень, что было совсем необычно. Нынешнее лето очень жаркое, жара рекорды бьет столетние, а потому в середине дня в лесу мертвая тишина стоит. Не поют птицы, да и не видно их со-

всем. И вообще, все живое предпочитает отсидеться в тени и поменьше двигаться в знойный полдень. А здесь в самый штгиль — громкая песенка синицы зазвучала. Стали мы наблюдать за ней и поняли, что зовет она своего птенчика покинуть синичник. Детёныш слушал ее, высовывался из домика все дальше, да и полетел вниз. Спланировал на ветку и вот он уже хозяин этого мира.

В синичнике, остался последний птенчик, слышно было его голосок. Как только не звала его мамочка покинуть домик и подлетала к нему, и пела для него песенки, а он так и не решался покинуть гнездо.

А в это время, вылетевшие детки баловались, озорничали, гонялись друг

за другом и пока неумело осваивали этот мир. За ними глаз, да гл-а-а-з нужен мамочкин, а присмотра-то должно не получается у нее. Надо же еще докармливать нерешительного птенчика.

В итоге, семеро одного не ждут и улетела мама с выводком, а птенчик остался один. Звал, он звал маму до вечера и на следующий день до полудня, но так и не дозвался. Голод не тетка, он всегда принуждает к действию и решил птенчик действовать.

Стал он выглядывать из летка все дальше в надежде увидеть маму и в итоге сорвался вниз. Помог себе крыльшками и вскарабкался с трудом на ближнюю веточку. Сидит, смотрит на знакомый мир широко раскрытыми глазами. Ветку ветер качает. Страшно ему. Мамочки нет, «земля» под ногами ходит, сестер, братьев рядом тоже нет. Что делать, что кушать и вообще, как жить? Как жить дальше?

Посидел, подумал. Какой оказывается мир-то большой. Вдали синие горы, перед ними зеленые разливы лесов, а еще ближе разноцветные полянки с бабочками, шмелями и пчелками. Солнышко ласково греет и так тепло с ним, словно с мамочкой рядом. А в целом спокойно все и не так уж и страшен этот мир, выходит зря боялся. Эх перекусить бы чего. А, вон муха сидит, вкусная такая, полечу-ка я к ней, да попрошу вежливо у ней ее скушать.

Муха, оказалась не воспитанной и даже взбалмошной какой-то, она не дослушала птенчика и улетела. Птенчик было погнался за ней, да куда там, летать-то он может пока только прямо, а муха — всяко разное.

Перелетел новый лесной житель через веселую полянку и устал сильно, присел на веточку ольхи передохнуть. Интересно — то как. Там полянка была зеленая с голубым куполом, а здесь полянка голубая с таким же куполом. Посмотришь вверх — облака плывут, взглянешь вниз — точно такие же облака плывут, выходит небо сверху и небо снизу! Вот как так-то? Налетел ветерок, закачалась ветка, а с ней и птенчик и что удивительно, барашки-облака внизу тоже закачались, а вот сверху нет. Интересно-то как и занимательно все в этом мире.

Тут подлетел комарик и давай приплясывать перед носом у птенчика и нудную песенку напевать. Надоел хуже горькой редьки. Птенчик пытался лапкой отогнать назойливого комарика, да чуть не упал с ветви. Кловом попробовал, но не отстает комарик и все тут, тогда птенчик взял да и съел его. О! Как вкусно-то, мама точно такую же вкуснятинку приносила, а ну ка посмотрю я, где еще летают такие же вкусняшки? О! Так их полно вокруг, значит не пропаду я от голода.

Ой, что это!? Неужели ослышался? Родной голос мамочки и братишек доносится вон с тех березок. Ура! Вперед к ним. Подлетел и точно! Вот она — любимая мамочка, а вот дорогие братики и сестренки. Какое это счастье быть вместе. Хочется прыгать, летать и ку-

вырваться в воздухе от счастья. Всего лишь сутки пожил один-одинёшенек птенчик, а уже всем сердцем и душой понял тяжесть разлуки и одиночества.

Еще примерно три недели держался выводок синиц в районе гнезда, кочевали птенцы рядом с ним, радуя нас своим появлением при каждой встрече. Интересно было наблюдать за ними. Новые лесные граждане постоянно заигрывали друг с другом, гонялись наперегонки, перепархивали словно бабочки в кронах березок и весело переговаривались.

На третьей неделе летали они уже высоко и смело по вершинам деревьев и при перелетах мы насчитывали их 8 штук.

Их семейство словно живое говорящее облачко окутывало крону-то березки, то сосенки, то елочки и постоянно с вышины доносились до нас их счастливые, беззаботные разговоры о такой светлой, доброй, веселой и прекрасной жизни на планете Земля. **УС**

Отважные переселенцы

Прошлое
верхнеусинских
селений

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живёт в Москве.

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Фотографии
предоставлены автором

В истории освоения этой северной территории России реке Усе надлежало сыграть роль важнейшей транспортной магистрали, по которой столетиями через Уральский хребет по сквозной Сось-Елецкой долине в Сибирь проникали отважные торговцы, а через перевал оленеводы гоняли свои стада.

Среди рек, текущих с западных склонов и предгорий Полярного Урала, особое место занимает Уса, крупнейший правый приток реки Печоры. Уса — это не забываемые по красоте пейзажи суровой северной природы.

Исход зырян с Нижней Печоры

Примерно до середины XIX века огромная часть бассейна реки Усы с притоками, начиная от современного селения Усть-Усы (изначально — «В речке в Колве», позднее — Колва, или Усть-Колва) и выше по долине, вплоть

до предгорий Урала, стала заселяться зырянами-коми, выходцами из Ижемского уезда Архангельской губернии. Это были жители как самой Ижемской волости, так и соседней с ней Мохчинской.

Вот что рассказал начальнику Печорско-Обдорской экспедиции 1913 года Дмитрию Иевлеву один из потомков этих первопоселенцев на Усе Яков Попов из селения Яр-пий-Як: «Лет 40 тому назад пришло на Уссу (до революции название реки писалось с двумя «с») в разные места много народа с реки Ижмы. Голод там был, — хле-

▲ Елец — самая северная деревня на реке Усе. Фото Александра Калмыкова 2012 года

ба купить нельзя было, промысел плохой, вот и пошёл туда народ, кто на Уссе, кто в Сибирь, в Берёзов, в Муржи, в Обдорск. По Уссе тогда промыслы были сильно хороши и рыбы, и зверя, и птицы вдоволь. В Ижме в те годы вместо муки хлеб из мха делали. Этот мох медведь с голоду ест и люди в Ижме ели. Один раз я медведя убил. Стал я шкуру снимать, кишки чистить, а у него брюхо с голоду мхом набито. Ничего не ел давно. А то люди... У нас в Ижме народ в те годы этот мох сушил, толоч, на хлеб с мукой замешивал... Вот с тех лет и по Уссе много поселенцев явилось».

Отважные переселенцы поднимались по долине Усы к её верховьям на двести с лишним, а то и больше, километров. Именно эта река стала главной транспортной магистралью переселенцев и их основным ориентиром. Почти все основанные выходцами с Ижмы селения, за исключением нескольких, располагались на крутых (правых) обрывистых берегах во избежание высокого поднятия паводковых вод и сноса изб и хозяйственных построек, гибели скота.

▼ Жилые дома и хозяйственные постройки в деревне Елец. Фото Александра Калмыкова

Селения Верхнеусинского края

На начало 1910-х годов здесь было известно шесть основанных ижемцами-переселенцами селений. Самым старым селением на Усе являлось селение Яр-пи-Як (современная дер. Ярпиг), основанное в 1810–1815 годах. Примерно тогда же зыряне-переселенцы

на подступах к Полярному Уралу достигли северного притока Усы, реки Елец (1815 г.), основав тут у её слияния с Усой одноимённую деревню. Фактически — это крайняя северо-восточная граница региона, дальше за ними высились суровые горы, и начинался Нижнеобский край. Небезынтересно, что оба селения появились задолго до массового исхода ижемцев-зырян с Ижмы. Предположу, что их основателями являлись своего рода «разведчики».

Согласно подворно-экономическим исследованиям, в самой северной деревне Верхнеусинского края — Ельце с начала 1900-х до конца 1920-х годов числилось от двух до трёх дворов и проживало не более 30 человек. Лишь в конце 1930-х годов население Ельца составляло почти 60 человек.

Условно южной границей Верхнеусинского края является современное селение Фион (изначально — Феон, основано в 1876 году, на карте 1932 года значится как Фион-пидь, позже — Фион). В названии отражено имя одного из первопоселенцев — Феона. Феон в начале XX столетия — одно из самых многолюдных селений в Верхнеусинском крае (31 житель, 2 двора).

Выше Фиона, по течению Усы, в устье её левого притока I порядка,

▼ Оползание берегов Усы. Фото Евгения Гусева

▲ Песчаные наносы близ устья Лемвы. Фото Евгения Гусева

реки Лемвы, в 1850 году ижемские переселенцы основали деревню. В начале своей истории она называлась Лемва-Вом. Название Лемва происходит от слов коми-языка: «льѳм» — «черёмуха», и «ва» — «река, вода», то есть Лемва — «черёмуховая река, вода». Позже, как гласит легенда, она стала называться Абезь (видимо, это — современная Старая Абезь). В этом названии «увекочено» имя первопоселенца здешних мест — Абезь Миш, что в переводе с коми языка означает «неряха», «нечистоплотный человек».

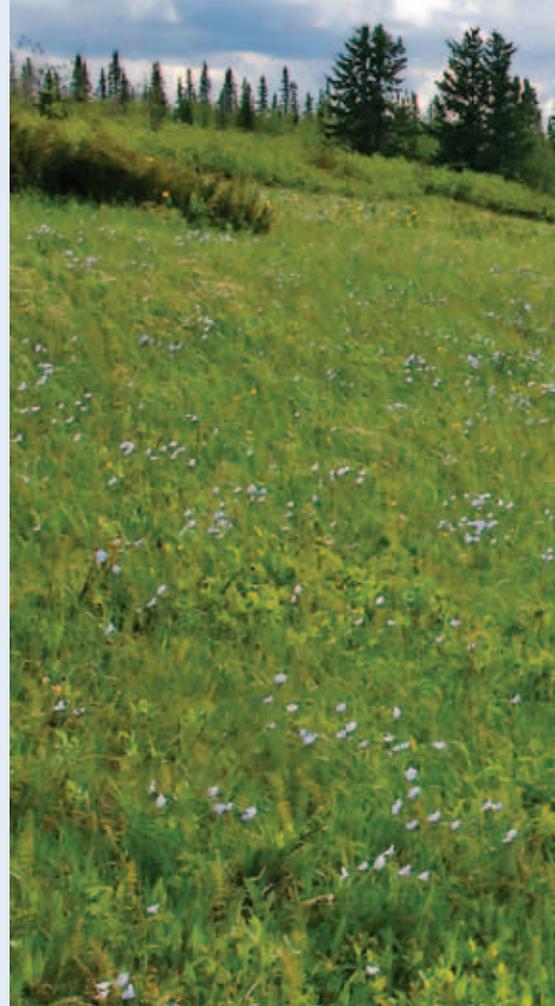
Из истории селения известно, что, например, в 1909 году здесь было 15 дворов, а в 1911 — Абезьское сельское общество было самым многочисленным на Усе (95 жителей и 15 дворов). В 1930 году в этой части Усинского края был образован Абезьский сельсовет, который на годы объединил все ранние и более поздние деревни (Епа и Ярпияг, Тошпи и Сивая Маска, Юнь-Яга и Тит, Ошвор и Елец, Никита и посёлок Фион). Во время освоения Воркутинского угольного месторождения Абезь стала одним из перевалочных пунктов на пути из Нарьян-Мара в Воркуту. В 1932 году на Усе было открыто судоходство, в Абези находилась одна из трёх усинских пристаней. С 1934 года и вплоть до введения в эксплуатацию железной дороги Воркута — Коноша на пристани в Абези швартовались на зимовку все пароходы и баржи, осуществляющие перевозки по Усе.

Следующим при движении вверх по Усе было селение Евся-Вань (основано в 1895 году), находящееся на левом берегу Усы, чуть выше устья её притока, реке Зиньгёль (на современной карте обозначено как урочище Евсявань). В начале 1910-х годов здесь проживало всего восемь человек. Евся-Вань имело самое малое число жителей и всего

один двор. Ещё севернее находилось селение Ош-Вор (1882 год) (в переводе с коми — «медвежье корыто»); ныне поблизости расположена станция Ошвор Северной железной дороги и впадает ручей с таким же названием. Здесь в начале XX века было два двора и 14 жителей.

В 1902 году между двумя правыми притоками Усы, Сейдьяхой и Сейдой возникло селение Сейда. Возможно, это — нынешняя Сейда-Вом. Сейда — самое позднее по срокам образования селение.

На участке после поворота долины Усы к Уралу находилось селение Тит (основано в 1898 году). На картах до 1950-х годов значилось как жилое (два двора, 18 жителей), позже на его месте сохранилась подпись — «ур. Тит», ныне уже нежилое. Небезынтересно, что тут проживал до своей смерти первооткрыватель Воркутинского (Воркутского) месторождения высококаче-

ственного угля коми-охотник Виктор Яковлевич Попов, награждённый за открытие орденом Ленина. Тут находится его могила.

Севернее устья крупного правого притока Усы, реки Воркуты, в 1860 году было основано селение Никит. По числу жителей оно было довольно многочисленным (два двора, 27 жителей). Сейчас — это деревня Никита на левом берегу Усы, чуть южнее разъезда «пл.

▲ Богатые сенокосы по берегам Усы. Видно собранное в стога сено. Фото Евгения Гусева

▲ Берег реки Усы выше деревни Абезь. Фото Александра Калмыкова

29 км» железнодорожной ветки Чум-Лабытнанги.

Освоение края зашло так глубоко, что поселенцы проникли и в глубь территории между Усой и уральскими хребтами, основав в десятках километров от Усы, главной речной магистрали Усинского края, на одном из её крупных левых притоков, на притоке I порядка реки Лемве селение Епа (1850 год). Но и этим переселенцы не ограничились: они поднялись вверх по течению притока последней реки Яньяхе и основали тут поселение Юнь-Яга (1860 год). Оно располагалось уже фактически в предгорьях Урала. Возможно, первопоселенцев привлекли местные охотничье-промысловые и рыбные угодья.

Оба эти селения были одними из самых многолюдных: в первом проживало 48 человек (четыре двора), а во втором — 32 жителя (три двора). Предположу, что, помимо удачливых промыслов, тут, как и в другой приуральской деревне, Ельце (30 жителей, 3 двора), «многочисленное» по меркам края население было обязано проходившим поблизости прогонным путям и местам выпасов оленей. Тут шёл забой оленей, а, следовательно, и торговля мясом и шкурами.

Имелось в Верхнеусинской области одно интересное место. В 50 верстах

▲ Луга и перелески в районе урочища «летняя Будка Донды». Фото Евгения Гусева

на север от деревни Елец на левом берегу Усы, напротив устья ручья Хановей-Весь-Шор, долгое время существовало становище Ханово (позже — становище Хановей или фактория Хановей). В отличие от других освоенных зырянскими пригодных для заселения мест по берегам Усы до революции тут «построек и поселения нет. В августе бывает ярмарка, на которую съезжаются зыряне, остяки, самоеды». Видимо, она имела большое значение для верхнеусинских поселенцев, где они могли сбывать продукцию своих промыслов, приобрести

необходимые для ведения хозяйства товары, продовольствие и т.д. На карте 1954 года здесь была обозначена «фактория Хановей».

Административное устройство края

Исследователи отмечают, что расселение по Усе и её притокам происходило «совершенно самовольно. Не считаясь ни с какими грамотами царей, со времен Иоанна Грозного укрепляющими тундры во владение самоедского народа, пришлые поселенцы выбирали удобные ме-

ста, строились, вели хозяйство, занимались промыслами. И до настоящего времени (до 1913 года) во всех селениях по течению реки Усы единственной формой земельного пользования является заимочно-индивидуальное. Относительный простор угодий, небольшие размеры селений ещё не успели привести население к сознанию необходимости подчинить индивидуальное право интересам общины».

Небезынтересно, что в отличие от других подобных крохотных поселений на давно освоенных территориях Архангельской губернии жители Верхнеусинской области существовали в экстремальных природно-климатических условиях — при отсутствии привычной им обстановки условий для ведения сельского хозяйства (ведь все переселенцы — сельские жители), были изолиро-

ванское, Адзвинское»). И в этом же году были наконец-то определены границы этой области. «Границы этой волости приговором 21 января 1911 г. определяются следующим образом: «В интересах производства промыслов для пропитания определили мы с северной стороны смежные кочевья Большеземельской тундры; с Востока и южной Тобольской губ., с западной — реку Большую Сыню по прямой линии на Север».

В дореволюционный период многие десятилетия «Абезьское сельское общество» «подчинялось» своеобразному центру, который находился в селекции Балбан (Болбан). Первоначально это название дано из-за того, что поселение переселенцев было основано в 1870 году на месте старого жертвенного места самоедов-инородцев. Север-

▼ Уса в 18 км ниже по течению от станции Сейда.
Фото Евгения Гусева

▲ Оползание берегов Усы. Фото Евгения Гусева

ные номады, ненцы гоняли свой оленьи стада из-за Урала к берегам Северного Ледовитого океана и обратно через место, где основалось зырянское селение, и совершали жертвоприношения своим богам-болванам (по-коми *бӧлван* — «идол, истукан»). Во время Всероссийской переписи 1897 года было переименовано в село Петрунь. Это название восходит к имени отца первых поселенцев Петра Семеновича Хозяинова, братьев Симона, Василия и Ивана Петровичей, выходцев из села Мохча.

Образ жизни и занятия поселенцев

Поселения были удалены на десятки и сотни километров от Балбана/Петруни, центра местной цивилизации, где «находится церковь Большеземельской тундры, волостное правление, здесь же

ваны на сотни километров от «центров цивилизации», у них отсутствовала возможность приобретения необходимых для обустройства и ведения хозяйства товаров и приспособлений.

Но, несмотря на эти трудности, жили первопоселенцы, на удивление, мирно: «Переделов, захваченных отдельными хозяевами сенокосных площадей, до сих пор не производилось ни в одном селении». Усинские селения существовали сами собой. В подтверждение этому приведу только один факт. Лишь «в 1911 году совершилось утверждённое Губернской Администрацией образование самостоятельной «Балбанской» волости, объединяющей Верхне-Усинские посёлки и состоящей из трёх сельских обществ (Абезьское, Бал-

▼ «Городок, или «заборчик». Ловушка с силком внутри для зимней охоты на белых куропаток. Фото Евгения Гусева

живание оленеводов (через эту территорию проходили весенние и осенние прогоны оленьих стад), пушные и птичьи промыслы, рыбная ловля. Проходящие на летние северные пастбища весной, ещё по льду, через Усу и её притоки, кочевники-олeneводы (самоеды, зыряне и зауральские остяжки) оставляли на хранение в верхнеусинских селениях «лишнее» имущество (зимние наряды, одежду, покрытие чумов и т.д.). Ведь перекочёвки на летние пастбища оленеводы начинали ранней весной, и пастухи везли с собой много скарба. Оставленное они забирают осенью, возвращаясь на зимовку.

Здесь же, рядом с селениями, производился осенний забой оленей. Часть забитой на Усе оленины по первому зимнему пути отправлялась за Урал, соло-

▼ Деревня Старая Абезь (левый берег Усы). Фото Евгения Гусева

надевали на «пяло» и держали в тёплом воздухе дня полтора-два. Затем, вывёртывали и убирали до весны в сухом, нежарком месте.

Зимой на промысел уходили иногда далеко от жилья, вёрст за 40–50. Для перевозки маленького чума и припасов, рассчитанных недели на две, использовали собачьи упряжки: в одни сани запрягали по пять — шесть собак. Охота на медведей, волков и росомых была случайная. Медведя промышленники не любили и боялись. Чаще его добывали настороженными ружьями, обычно у блага с рыбой или сараев с провизией. Охотились на зверя и на усинских лугах, куда весной, после зимней спячки, зверь из лесов и с гор спускался лакомиться молодой сочной травой.

Среди усинских поселенцев практиковался пушной осенний и зимний промысел песцов и лисиц. В «хороший промысловый год» их добывали многими сотнями. Существовал ещё один экзотический вид охоты — весенняя добыча «кормёжек-копанцев». Из нор забирали лисят и щенят песцов, содержали их в селениях: песцов — в специально устроенных сарайчиках с деревянным полом, почти совершенно тёмных, а лисят — на чердаках жилых домов. Выкармливали зверьков до взрослого состояния, а осенью забивали ради меха. Зимой ещё практиковался птичий промысел — добыча белых куропаток силками. За одну зиму семье охотников удавалось заготавливать по несколько сотен птиц.

Занимались и рыбной ловлей. Но, учитывая, что рыба по Усе поднималась с низовьев вверх, а ниже Верхнеусинской части бассейна ежегодно сооружали заборы (перегораживали и таким образом вылавливали рыбу), в Абези и выше расположенных селениях уловы речной рыбы падали. Осенью и зимой на Усе, когда в нижней части реки заканчивался лов заборами, тут и на притоках (Лемве, Юнь-Яхе, Воркуте и др.) занимались подлёдным ловом «гымгами».

В отличие от Усы и её притоков лов рыбы на озёрах проводился круглый год. На отдалённые озёра отправлялись целые артели промышленников (по шесть-семь человек). Основной снастью у них были неводы, которые сшивались в одну огромную сеть. Основными промысловыми объектами верхнеусинских поселенцев были сиг, нельма (низовая), сельдь (низовая), окунь, пелядь, щука, харгус, ёрш, чир, сорoga, налим и сёмга (низовая). Засоленную рыбу успешно сбывали скупщикам весной и осенью, приходившим сюда на каюках с Печоры и Ижмы. 📷

расположена и квартира местной школы, единственной на всю волость. Учащийся персонал в количестве 2–3 десятков человек состоит исключительно из детей жителей села Балбань. Остальные, вследствие дальности расстояния и отсутствия при школе общежития, не имеют возможности вкушать «плодов просвещения». Преподавание ведётся на русско-зырянском языке, для пособий употребляются учебники исключительно русские. Дети, окончивая школу, не только не приобретают почти никаких общих знаний, но не получают и знакомства с русским языком. Господствующим в крае является зырянский язык ижемского наречия».

Главными занятиями жителей верхнеусинских селений были обслу-

нина и старое мясо лодками-каюками сплавляли на юг — на Ижму и Печору. Если же заготовители не успевали сплавить мясо, его сплавляли весной, для сохранности оленину на зиму укладывали в амбары и засаливали в больших бочках объёмом по 8–9 пудов.

Немаловажное значение для поселенцев имели охота и рыболовство. Охотились на песцов, лисиц, горностаю, реже волка, медведя, росомыху. Активно занимались промыслом птицы — куропатки, гусей, лебедей и уток. Промысел на зверя начинался с середины ноября и продолжался до марта. В этот период зверя добывали ружьём, кулёмками, капканами и отравой. Шкурки добытых зверей изредка снимали чулком,

Проект «Мозаика языков»

Красноуфимские мечтатели

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юлия Шлентова

Родилась и выросла в г. Свердловск. Закончила Академию государственной службы. Впервые в руки взяла фотоаппарат в 13 лет. На сегодня видеосъемка из хобби превратилась в профессиональную деятельность. Страсть к путешествиям — тоже с детства. Примером в этом ей служит французская путешественница Александра Давид-Неель, которая в 56 лет вдвоём с сыном под видом нищих странников пешком через Гималаи пришла в столицу Тибета — Лхасу, в то время закрытую для всех иностранцев (и уж тем более — женщин).

Фотографии из фондов Красноуфимского музея.

Фото предоставлены Ольгой Кузнецовой

Экскурсия с Натальей Ябековой по достопримечательностям города Красноуфимск в рамках реализации проекта «Мозаика языков», реализуемого при поддержке Министерства образования и молодёжной политики Свердловской области

Во второй половине 19 века в России началось активное строительство железных дорог. Это новое техническое решение объединило не только две столицы Империи, но и сделало доступными Черное и Балтийское моря, Волгу, Кавказ. В 1874–78 годы появилась Уральская горнозаводская ветка железнодорожной магистрали *Перьмь – Нижний Тагил – Екатеринбург*. Стали задумываться о проведении железной дороги на Дальний Восток. И если бы до конца века ее успе-

ли проложить, как знать, чем закончилась бы Русско-японская война?

Начался 1866 год. В Вятской и Пермской губерниях два года подряд случался страшный неурожай, начался голод. Для выяснения ситуации с продовольствием и решения вопросов на Урал был направлен Евгений Васильевич Богданович. Это его именем назван один из городов Свердловской области. В чине полковника он состоял на службе в Министерстве внутренних дел. В крот-

чайшие сроки, оценив ситуацию, Евгений Васильевич доложил, что для предупреждения нехватки продовольствия из внутренних губерний Империи необходимо провести железную дорогу. Эта дорога, «будучи впоследствии проложенной через Сибирь к китайской границе, получила бы важное стратегическое и международное коммерческое значение».

Вот с этого-то доклада все и началось. Получив деньги на изыскания «Проекта сибирско-уральской железной дороги» в 1868-м, два года кипела работа, итогом которой стал «План строительства железной дороги». Предполагалось ей пройти через города: *Казань – Сарапул – Красноуфимск – Екатеринбург – Камышлов* и дойти до Тю-

мени. Долгих 46 лет красноуфимские жители, купцы, администрация, земская управа жили мечтой о железной дороге. Есть в Российской истории примеры городов, которые хотели, чтобы в их «тихий патриархальный уклад жизни» как можно дольше не приходил прогресс. А здесь – совсем наоборот!

Красноуфимцы жаждали и с нетерпением ждали начала строительства. В 1906 году Земская управа даже предложила построить «хоть маленький участок» — *Кунгур-Красноуфимск*. Но из Министерства Путей сообщения пришел ответ, что «соединение Красноуфимска веткой со строительством Пермь-Екатеринбургской железной дороги за счет казны не поставлено на очередь ... в виду за-

труднительного состояния государственной казны.»

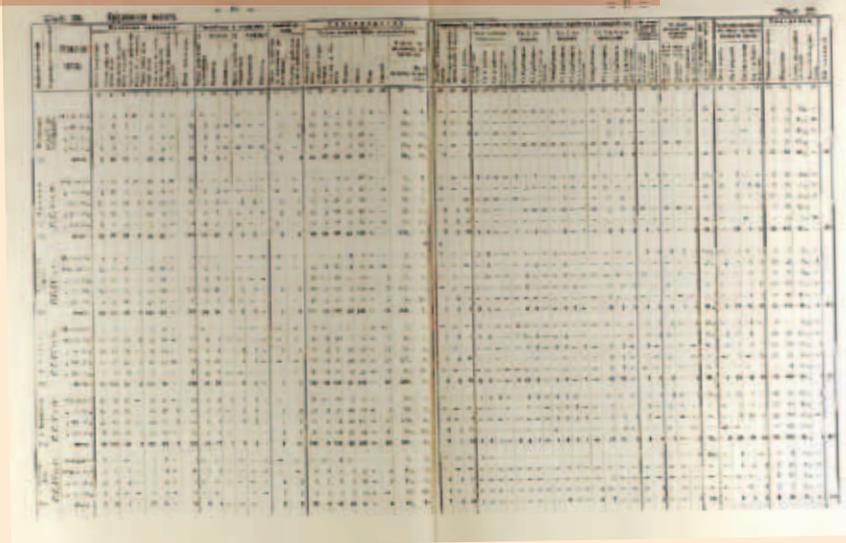
1911 год принес надежды на скорую реализацию давнишней мечты. Возобновились работы по изысканию, и решение о включении Красноуфимска в железнодорожную сеть было близко. Говорят, чтобы ускорить это решение, местные купцы носили взятки во все инстанции, куда могли дойти. Конечно, здесь был и далеко идущий коммерческий расчёт. Неоднократно жителями писались письма:

«В случае практического строительства железной дороги доступ для сельскохозяйственных грузов зауфимского района будет открыт» (1902 г.).

«Обширный хлеботородный уезд ежегодно дает значительный избыток хлеба. В годы урожая избыток достигает 4–7 миллионов пудов» (1910 г.).

Наконец мечта длинной почти в полвека подошла к конкретной реализации. В 1914 году за строительство этого участка дороги взялось акционерное общество «Московско-Казанская железная дорога». Главным инженером 7-го Красноуфимского участка назначен П.П. Филин.

И вот тут начались сложности. Строить в Красноуфимске станцию было дорого и невыгодно. Предполагалось, что железная дорога пройдет по низине, западнее станции *Черная речка*, выйдет в районе нынешней селекционной станции и пойдет в пойме рек Уфа и Бисерть. А Паровозное депо намечалось построить на станции *Чад*. В этом случае не пришлось бы строить тоннели, поскольку Сыльвенский кряж с точки зрения инженерных условий — очень сложное препятствие,

сложнее даже чем Главный Уральский хребет.

Для строительства железной дороги акционерное общество выкупило участки земли. Причём стоимость была достаточно высокой. Например, за одну десятину земли (почти гектар) под дорогой владельцам выплачивалось по 10 рублей, за десятину из-под леса — 50 рублей, за покос — 90, а приусадебной земли — 200 рублей. И городские власти Красноуфимска пошли на необычные меры. Они предложили для строительства железной дороги земли в городе не выкупить, а выделить безвозмездно. Такая настойчивость не осталась без внимания. И благодаря коммерческой хватке, терпению и мечте, сегодня Красноуфимский район имеет у себя великолепные образцы воплощения инженерной мысли: было построено на линии Казань-Екатеринбург 7 мостов-виадуков и 9 тоннелей.

Ближайший к Красноуфимску виадук находится у деревни Рябиновка. Основанная в 1852 году, в «Списке населённых мест Пермской губернии по сведениям 1869 года» значится как деревня Усть-Рябинов лог. При строительстве этого виадука стал впервые широко применяться новый по тем временам материал — железобетон. Старожилы рассказывали, что для стройки по реке Уфа с Михайловского завода привезли бутовый гранитный камень. А цемент поднимали баржами.

К тому времени уже полным ходом шла Первая Мировая война. К строительству мостов и тоннелей кроме местного населения стали привлекать пленных австрийцев и венгров. Много наёмных китайских рабочих использовали на облицовке тоннелей. Кстати, надо отметить, что пленные жили не в бараках, а на поселении в Красноуфимске. Правда, были у них ограничения: запрет на посещение общественных мест

(церквей, питейных заведений) и участие в массовых мероприятиях. Было у них даже свое кладбище.

По словам местных жителей, во время стройки в Рябиновке поставили двухэтажные бараки, пристань. Лес валили пилами и топорами. На горе устроили динамитный склад, который охранялся собаками. А ниже по течению Рябиновки огородили купальню, в ней всегда было много народа. Для строителей местные купцы открыли магазины, построили пекарню, в которой пекли караваи. Даже деревенские жители стали охотно пользоваться новыми удобствами. По воскресеньям у пленных австрийцев был выходной день. Они часто собирались на Северной горе. Играл духовой оркестр. Молодые девицы, старики приносили для продажи ведрами грибы, ягоды и про-

давали пленным. Те расплачивались марками.

Когда закончили строительство виадука, все бараки перевезли на Северную гору и начали строить тоннель. Говорят, что в день, когда была назначена смычка тоннеля, она не состоялась. Инженер, производивший расчеты, застрелился. Но через несколько дней оказалось, что в расчетах ошибка была всего на 1,5 метра! Смычка строящихся путей состоялась позже, но убедиться в этом он уже не смог. Зато дух его, который теперь живет в этом месте, мы почувствовали на себе. Видеосъемки возле виадука оказались сложными с технической точки зрения — без видимых причин микрофоны, видеокамера отказывались работать.

26 июля 1918 года вышел декрет Совета Народных Комиссаров о национализации железных дорог как действующих, так и находящихся в стадии строительства. На Урале в это время начались ожесточенные боевые действия. В связи с наличием строящейся железной дороги значение Красноуфимска оказалось стратегическим. Город дважды переходил от белых к красным и обратно. Тем не менее, строительство продолжалось. Сохранились документы того времени, в которых пишется: «мы тянули дорогу со стороны Сарапула, а белогвардейцы — от Дружинино. Ими проложено 200 верст до станции Чад».

1919 год принес жителям Красноуфимска великую радость. В № 7 газеты «Пермская земская неделя» появилась заметка о том, что «14 марта воен-

▲ Рычковы Федор Андреевич и Анна

▲ Серебrenниковы Николай и Алксандра

ные и гражданские чины, земское и городское самоуправление, представители торговопромышленников, крестьян и духовенства во главе крестного хода со святыми и хоругвями встретили первый поезд, прибывший в Красноуфимск. Таким образом, еще один город Пермской губернии присоеди-

единился к общероссийской железнодорожной сети».

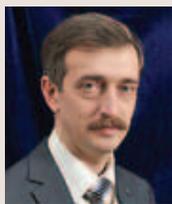
В Красноуфимском районе исторически компактно проживают представители марийской национальности. Они являются носителями исторической памяти тех событий.

В подготовке материала принимали участие: Кузнецова Ольга Николаевна, Поскина Алла Александровна, Соловьева Татьяна Николаевна. **С видео экскурсии в рамках проекта «Мозаика языков можно познакомиться на видео платформах «Уральского следопыта»** [УС](#)

Вода камень точит

Нырок своё наверстает!

Андрей Затонский

Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автоматизации технологических процессов Березниковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета. Мастер спорта и инструктор международного класса по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Фото автора

Осенью североуральская природа очень опасается каверзов зимы. Известно же, что зима у нас всегда наступает внезапно. Поэтому природа умирает заблаговременно. Ещё сентябрь, а лес уже оголяется и мрачнеет, прячет жизнь под опавшей листвой, быстро бурующей под непрерывными дождями.

Разве что грибы — против, они пробиваются к свету быстро и напористо, но это ненадолго. Скоро и они спрячутся, растворятся в предзимней смерти.

А ещё осенью прячется целая река. Чуть выше посёлка Красный Берег в Пермском крае находится малоизвестное, но очень примечательное место — Нырок. Довольно широкая, спокойная и чёрная, если смотреть со скалы сверху, река Молмыс упирается в скалу и почти пропадает. Дальше течёт маленький остаточек, местами его можно перейти, не набрав в обычные резиновые сапоги. Основная часть воды скрывается под скалой и продолжает свой путь под землёй, а неподалеку от автодорожного моста снова появляется на поверхности — это, соответственно, Вынырок. Широкая, шумная,

быстрая лента Вынырка в десятки раз мощнее здесь, чем основная река. Место слияния хорошо видно с моста через Молмыс.

Весной, во время майских сплавов, пропадание реки не так заметно. Молмыс довольно скучная речка в том смысле, что препятствий на ней ниже точки подъезда нет, а береговые завлекательные места малоизвестны. Поэтому сплав по ней заключается в банальном удержании судна подальше от берегов, чтобы не оставить часть экипажа на «расчёске» — ветвях, подмытых паводком деревьев и кустов. Если команда всё же зазевалась, и «расчёска» — вот

она, перед носом, единственным спасением от неё является слияние с судном. То есть надо упасть на катамаран, распластаться и ждать, пока ветви не прошуршат по куртке. Практика показывает, что если неопытный участник начинает активно отбиваться от ветвей, дело вполне может закончиться тем, что он на них и останется. Выглядит это забав-

но, но хлопот добавляет — выловить, переодеть, высушить... Перед Нырком река расширяется, «расчёрски» отступают, а спереди надвигается высокая скала, украшенная горелым буреломом. Залезать на неё довольно утомительно, но прекрасный вид сверху того стоит.

Поздней осенью тот же вид навевает совсем другие мысли. Внизу, под ска-

лой, угадывается колоссальная воронка. Вода в ней вращается очень медленно, листья и прочий мусор четко обозначают концентрические круги. Спешить воде некуда — весенний приток бурных, мутных и пенных сил на исходе, летняя жизнь закончилась, впереди временная зимняя смерть. Лес вокруг к ней тоже готов, и тоже не торо-

пится, терпеливо ожидая, когда вдруг дождь станет твёрдым и задержится на поверхности земли до весны. Так и Молмыс не спешит, беззвучно и размеренно проваливается под землю. Отдельные ответвления шумно обрушиваются в пещерные колодцы у окончатых скалы, но это так, мелочь. Основная часть реки не афиширует переход в провальное существование.

Вообще-то почти все пещеры — творение воды. Они прорыты подземными потоками, искавшими и нашедшими породу помягче, чтобы растворить её и унести с собой. Порода осела где-то в Камском водохранилище и на пляжах под Астраханью, а в те редкие пещеры, откуда вода соизволила уйти, теперь ходим мы, чтобы насладиться зрелищем повторного водяного дизайна. Просачиваясь сквозь незаметные щели, вода приносит с собой крохи породы. Капли высыхают на концах сталактитов, срываются и возвращаются на полу сталагмиты. Каждая капля оставляет неизмеримо малый слой кальцита, но капель много, и они никуда не спешат. Вот так один, великий и могучий, непоколебимый и неоспоримый поток скалу разрушил, а миллиарды капель её восстанавливают, наращивают неповторимыми узорами — потихоньку, конечно. Так уж устроено в природе. Да и в обществе, по сути, также.

А есть пещеры, из которых вода ушла не совсем. Бывает, она стоит там огромными, кристально чистыми, бездонными озерами, как в Ординской пещере. Озера безжизненные и блаженно бездейательные. Баламутить их некому, кроме редких дайверов, да и тех, глядишь, скоро законодательно зарегулируют в пользу общественной безопасности, стабильности и спокойствия. Вот детский туризм зарегулировали в порядке защиты детей от всего на свете —

и нет его, и не текут ручейки школьничков в лес к костру, как когда-то. Превратились в озеро, что ж.

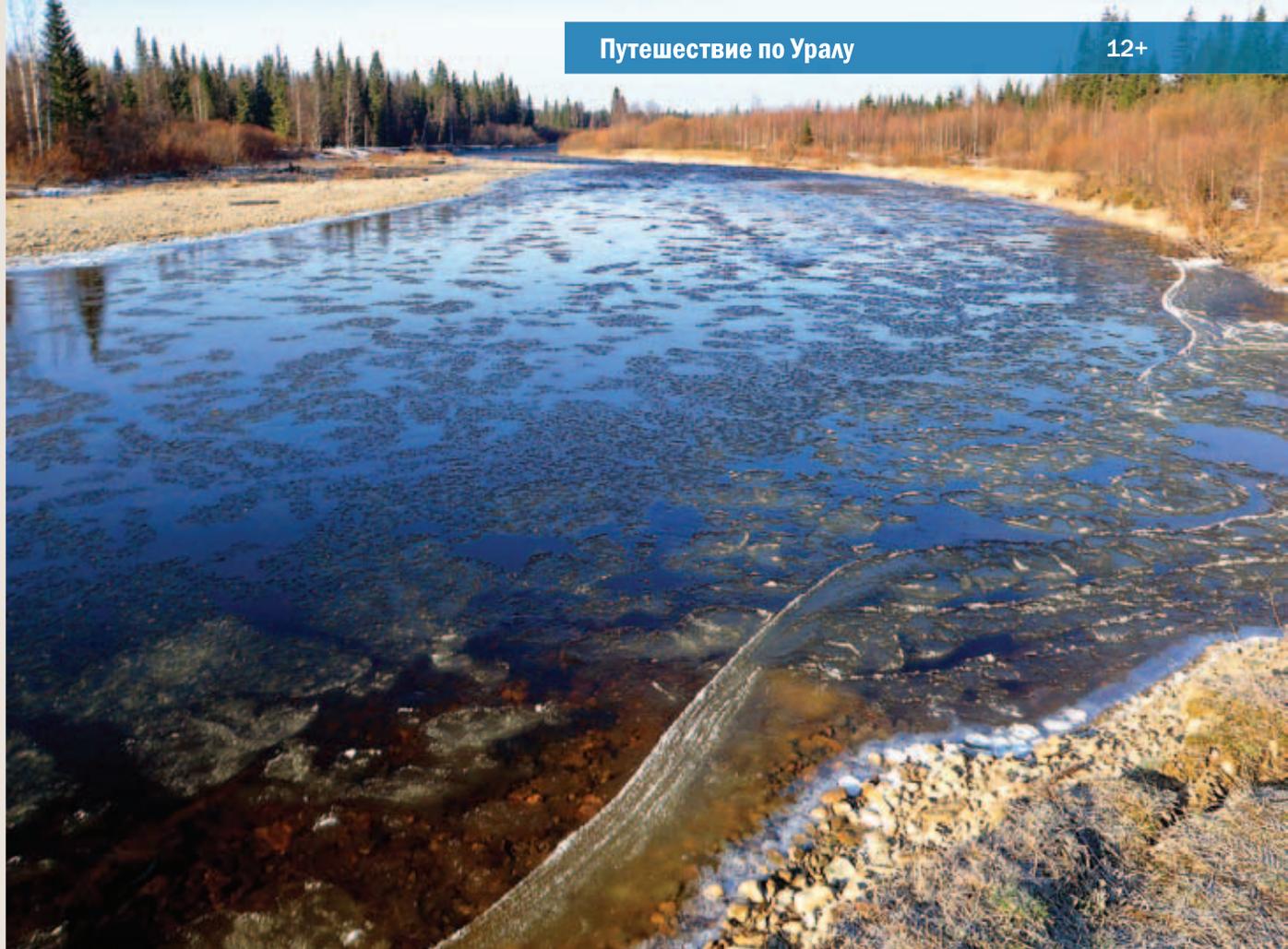
А бывает, очень редко, правда, что можно непосредственно наблюдать создание пещеры. Например, рядом с посёлком Мутихой, не столь далеко от Нырка, человеку дозволен вход только в маленький закуток скального грота, внутри которого непрерывно ревет подземная река. Закуток небезопасный, как жизнь, там можно поскользнуться, упасть, разбить неосторожно голову об острые потолочные камни, залезать которые вода не добралась, но в нём происходит рождение. Мутная вода невообразимо долгое время грызёт скалу и когда-нибудь победит. И уйдёт, и снова начнёт восстанавливать, каплями просачиваясь с потолка. Так уж устроена природа — жизнь, она только там, где опасно. В природе выживают только те виды, которые дозированно отпускают опасность детёнышам с рождения, довольно быстро поднимая этот уровень до реального. Один-единственный рык медведицы матерно-воспитательного характера, сопровождаемый сочным шлепком, развивает знания, умения и навыки не хуже, полагаю, чем месячный тренинг по основам выживания в кондиционированном актовом зале. Зато, разумеется, в озере зала — совершенно безопасно, всё свершается по оптимальной программе, в соответствии и с учётом. И без всяких тайн, уж очень опасно в последнее время звучит это слово.

А сколько тайн в окрестности «нырков» и зарождающихся пещер! Километрах в пяти выше Мутихи, на правом берегу, есть огромная скальная воронка с понижением. Судя по тому, что она завалена брёвнами с драной корой, весной в неё ныряет часть реки, которая несёт обгрызенные ледоходом деревья.

Летом Акчим тут довольно спокойный и скучный, но по весне река увеличивает во много раз и обезумевает от желания что-то сотворить. Рушит берега, смывает вековые деревья, как щепки, вертит их в обрамлении пены и ломает о валуны. Часть деревьев попадает сюда и скрывает своим переплетением — что? Пещеру? Рукав подземной реки? Какие опасные чудеса? А никто не знает. Представьте себе, это в наше время и в нашем-то мире, когда все

знают всё (даже о воспитании детей), когда метания Магеллана посреди океана стали смешны вследствие спутниковых телефонов и системы GPS, когда и о нас скоро все, кому следует, будут знать всё, что следует — **никто** не знает, что скрывают опасные нырки километрах в двухстах от Березников. Никто. Не знает. Ни один. Как песня, право.

Возвращались мы с Нырка к машине и небольшой избушке около неё в наступающих сумерках. Ранние за-

морозки успели уже погрызть берега, украсить их прозрачным ледяным кружевом. Хрустальные пластинки поймали в плен прибрежную траву, а вокруг камней не удержались и протяжи. Не их время ещё, но они своё наверстают. Так уж устроена природа, что за смертью снова следует жизнь. Месяц-другой, и эта жизнь закипит поверх снега. Звери будут искать, что бы им съесть, потому что стало сложнее. Снегоходчики будут искать, как бы им

проехать, потому что с каждым зимним месяцем, с ростом снегового покрова, это становится всё проще.

А река будет терпеливо ждать, когда у неё достанет сил сломать ледяной панцирь и возродиться настолько, что отток в Нырок станет незаметен, пренебрежимо мал. Дождётся и вновь радостно начнёт подмывать берега и кормить траву, пойманную сейчас в ледяные тентета. Эх, в обществе бы так. Вот бы было здорово. **УС**

Забытое мансийское название приполярной вершины

Верховья р. Косью находятся в красивом горном районе с типично альпийским рельефом. Эта река в истоках формируется несколькими речками (Манарага, Косью, Ломесьвож, Мореный, Повсяншор).

Истоки всех этих речек расположены на склонах Главного Уральского водораздела, именуемого на этом участке Исследовательским кряжем. На этом кряже возвышаются вершины с высотой 1700–1800 м (Народная, Янченко, Дидковского, Мансинер, Защита, Ремезова, Регули и др.). Мне удалось взобраться на такие горы. Вспоминая свои похождения в этом районе, мне приходит на память вершина, которая на современных географических картах называется — гора Граничная. Расположена она в верховьях рек Мань-Хобею, Парнук, Повсяншор и Ломесьвож. От макушки этой горы в три стороны протянулись изорванные скалистые гребни. На северном находится огромный «коготь»: скала в виде высокого массивного бастиона, придающего гребню «зубастый» вид. Южный отрог сначала спускается к Парнукскому плато, на крутых сбросах которого находятся длинные плитообразные участки, а затем резко поднимается и про-

тягивается «когистой» грядой хребта Непроступного. А на восток уходит крутосклонный изорванный скалистый гребень, ведущий к вершине с высотной отметкой 1711 м, которой мы присвоили имя «Пик Регули». На гору Граничную мы поднимались с несколькими вентрами, участниками советско-венгерской экспедиции «Регули 1990». Главной целью той экспедиции было восхождение на гору с отметкой 1711 м и возложение памятных плит. Тогда из-за непогоды мы были вынуждены установить памятные плиты в 100 м по гребню от вершинных скал (но два человека поднялись на высшую скальную отметку). Позднее этой вершине название «Пик Регули» было присвоено официально. А наши памятные плиты до сих пор лежат несколько в стороне. Надеюсь, что эти плиты будут перенесены к подножию верховых скал, так как вершинная площадка мала для монтажа памятных плит.

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ**

Фотографии
Андрея Затонского.

Антал Регули, венгерский путешественник, который в 1843–1845 гг совершил уникальное путешествие вдоль Уральского хребта от широты Екатеринбурга до побережья Северного Ледовитого океана. Во время этого своего путешествия он сделал два географических открытия: зафиксировал на карте район высших вершин Уральского хребта и высшую гору всего Урала — Народную, имеющую мансийское название Поэнг-Ур. В поисках высшей уральской вершины Регули добрался до верховьев р. Маньхобею. 3 сентября 1844 г он здесь обустроил базовый лагерь, из которого в течении недели совершал обследование района, составляя карту окрестностей. Он поднялся на Парнукское плато и добрался до горного отрога, ведущего к вершине Граничной. По возвращении из уральского путешествия, в Петербурге, он составил этнографическую карту Северного Урала. На вставке к этой карте он изобразил обследованный район. Именно на такой вставке записано название — гора Тэнт-Косье-Ур, местоположение которой соответствует современной горе Граничной (1674 м).

Понять смысл топонима Тэнт-Косье-Ур помогли архивные записи Регули, сохранившиеся ныне в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук в Будапеште, с которы-

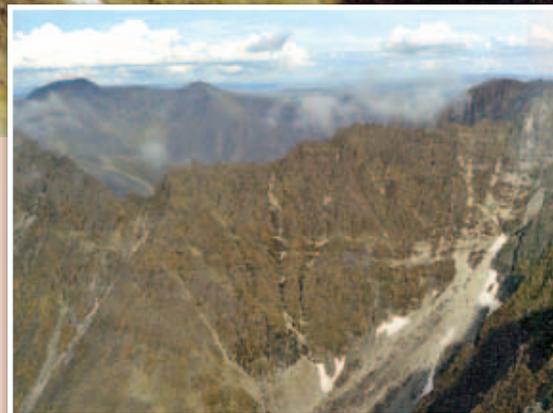
ми мне удалось познакомиться во время нескольких поездок в Венгрию.

В двух картонных коробках сохранились бумажные листочки-карточки, на которых записаны различные топонимы и поясняющие тексты. На одной из таких карточек своеобразной топонимотеки сделана следующая запись на мансийском языке: «*Tjund Kosje urr — uräm Käsät volpi uräm*».

Здесь в первой строке: *tjund* (происходит от *tënt* 'шапка', в смысле 'верх')+*kosje* 'коготь'+ *urr* 'гора', а *uräm* 'гряда'. Тогда получаем: 'Гора [с] когтем наверху — гряда'.

Во второй строке имеем: *käsät* от *кось* 'коготь' с *ät* (суффикс -et множественного числа) + *volpi* (*vol* — эллипсис от *волпукве* 'тесать, строгать' с суффиксом прилагательного — *pi*; или от мансийского *вольк* 'гладкий, скользкий') + *uräm* 'гряда'. В итоге получаем: 'Гряда [со] строганными когтями [скалами]'.

Такое описание, сделанное Регули, соответствует району горы Граничной. Упоминается скальный бастион («коготь») на северном отроге. «Гряда с когтями» отражает зубчатые гребни, идущие от Горы на север и на восток к горе Регули, а также хребет Непреступный. А «строганные» скалы соответствуют гладким крутонаклонным стенам каменных склонов словно «вы-

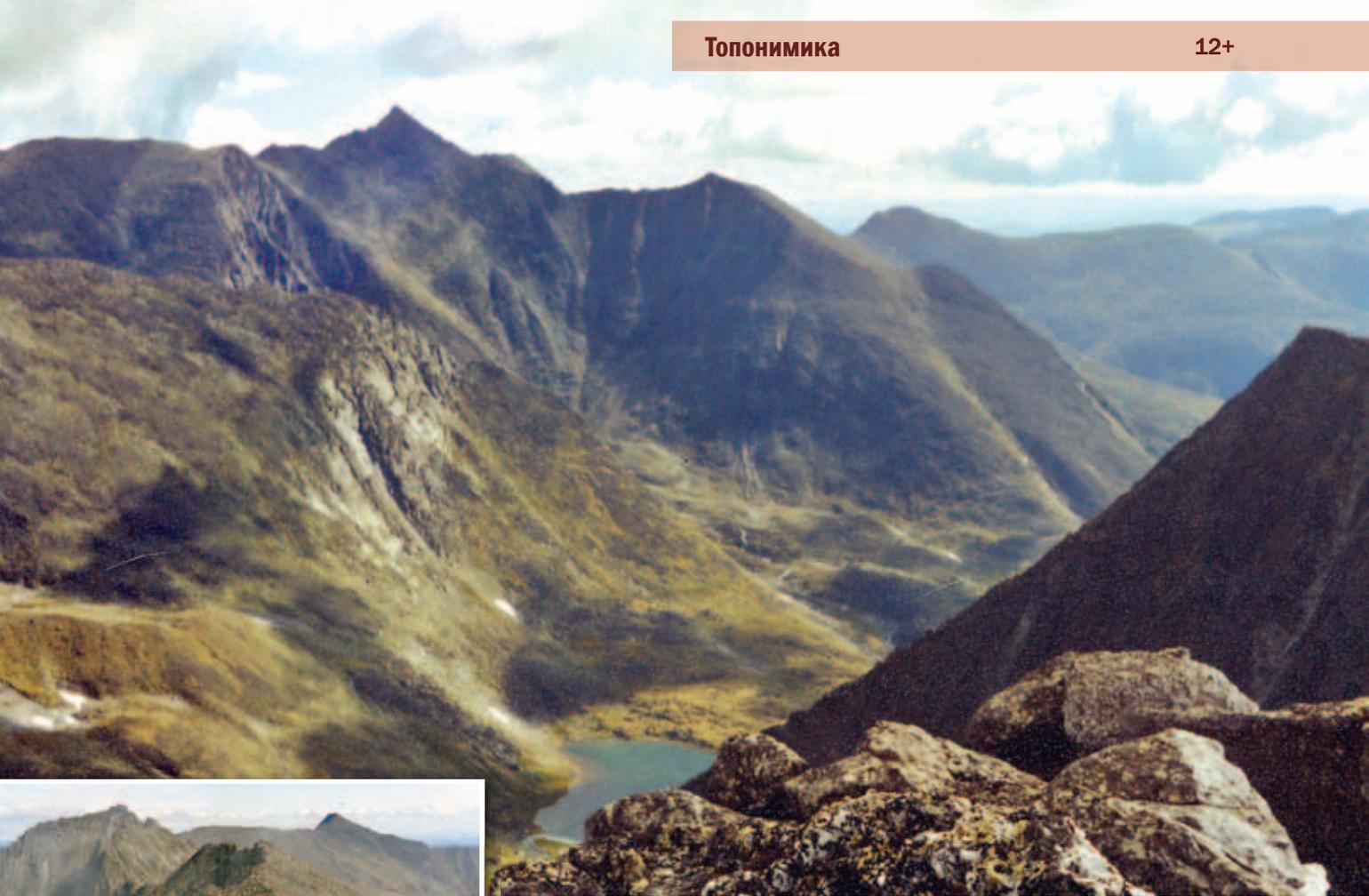
струганным», обращенных в долину р. Повсяншор. Попутно отмечу, что площадь таких гладких плит в последнее время по моим наблюдениям значительно увеличилась. В 1968 г мы спустились с Парнукского Плато к верхнему озеру в истоках р. Повсяншор сначала по кулуару между острыми скальными гребешками. А ниже по белоснежному крутому склону, до озера. Рядом с местом нашего спуска находились гладкие круто-наклонные плиты. В 1979 г мы увидели, что скальные гребешки на склоне обрушились. И под ними обнаружили гладкие, как «выструганные» плиты. А в низу склон был засыпан обломками от гребешков.

Таким образом, гора Граничная, указанная на современных географических картах, имеет мансийское название Тэнт-Косье-Ур Тора, [у которой] наверху (на шапке) [находится] зуб (башня)¹.

Ороним Тэнт-Косье-Ур подневно заставляет обратиться к названию р.Косью. А.К. Матвеев в своих топонимических словарях Урала считал, что «В языке коми кӧс 'сухой, мелкий', ю — 'река', следовательно, Косью — 'Сухая река'. У Э.К. Гофманна — Торвей-Яга (ненецкое тырабэй — 'сухой', яха — 'река'). Коми гидроним — калька с ненецкого языка». Однако, р. Косью — это мощная, полноводная река и на-

звать ее 'сухой' никак нельзя. К тому же на Приполярном Урале практически все реки имеют мансийские названия. Подтверждение тому, что имя этой реки происходит из мансийского языка находим у Регули. Он на своей большой карте Урала эту реку записал в виде — Kossj ja, где ja — мансийское 'река'. Далее, если будем исходить

из кось 'коготь' (мансийское), то получаем Кось-Я 'Когтистая река', в смысле 'порожистая река'. Действительно, в горной части течения на реке находится большое количество порогов, а на верховых участках бортов долины реки торчат многочисленные «когтистые и зубастые» горы. Топоним с корнем кос встречается в ряде уральских названий рек. Так, например Матвеев А.К. потамоним Косьва (левый приток р. Камы) переводит из коми-пермяцкого языка: Кось-ва = кось 'порог, перекаат' + ва 'вода', получая — Кось-ва 'Порожистая река'. И в то же время топоним р. Коса (правый приток р. Камы) он переводит из коми-пермяцкого языка: кӧс 'сухой', получая — Коса 'Сухая [река]'. Есть еще одна река Коса — левый приток р. Вишеры. Афанасьева А.П. названия двух рек Косью, притоков рек Верхняя Пузла и Лемъю переводит из коми языка — 'Порожистая река'. Известны две реки Косью (притоки рек Ильча и Вашки), которые обычно переводятся из коми языка: кӧс 'сухой', получая Косья 'Сухая река'. Характерной особенностью вышеназванных рек является наличие большого количества порогов, перекаатов на тех или иных участках рек. Поэтому, думается, что потамонимы Коса, Косьва, Косья, Косью, Косью, скорее всего, имеют одинаковый смысл — 'Порожистая река'.

Дополнительно следует рассмотреть мнение Слинкиной Т.Д. о потамониме Кос-Я (Хос-Я). Она опубликовала перевод на русский язык книги «Старинные песни народа манси в записи Берната Мункачи», которые он записал в 1888–1889 гг во время путешествия по Северному Уралу. В трех песнях, записанных Мункачи, упоминается река Кос-Я, которая находится в бассейне р. Лусм (современное название — Лозьва). Слинкина в приложении 2 (Список топонимов) дает перевод потамонима Кос-Я на основе мансийского языка: Кос-Я 'Скребущая река' — от Кос, как измененное конс 'коготь'. Перевод кос 'коготь' удивительным образом соответствует записи, сделанной Регули А.: kosje 'коготь', что в переносном смысле можно принять как 'когтистая', т.е. 'порожистая' река. Слинкина в своей книге «Мансийские оронимы Урала» потамоним Хос-Я переводит — 'С бурным течением река'. Учитывая, что в мансийском языке согласная буква К зачастую заменяется на согласную букву Х, можно принять: Хос-Я = Кос-Я, с переводом 'Когтистая [порожистая] река'. Кроме того известны еще две реки — Большая и Малая Хоса-Я (притоки р. Хулги), которые возможно имеют также перевод 'Порожистая река' [с большим количеством камней в русле]. **✎**

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

Фото участников похода

Ямала мне оказалось мало

Поход на «край земли»

Все помнят детскую географическую загадку: какой полуостров сам говорит о своей величине? Ямал. Так вот, совсем он не мал! И хоть в переводе с ненецкого Ямал — «край земли» — не видно там ни с какого места ни конца, ни края...

В середине июля посетили нашей маленькой командой «Уральского следопыта» северные широты — Ямало-Ненецкий автономный округ. Впечатлений масса! Мы никак не ожидали, что в краю, про который сложился набор стереотипов — тундра, газ, олени — очень яркая и разнообразная природа, суровые, коварные горы и приветливые, душевные люди. А еще в этом материале/отчете будет и про моих спутников, и про походную экипировку, и даже про нормировано-полевую кухню на газу. Всё это маленькие штрихи,

но из них складывались наши большие эмоции от этого путешествия. Вот с мелочей и начнем, а штурмом Владыки вершин и философией закончим.

Маршрут. Его мы разрабатывали сами: восемь ходовых дней, плюс один запасной. Салехард — Лабытнанги — станция Елецкая — ручей Бабы-Вож — река Харута — восхождение на гору Пайер — перевал Северный Арка-Маталоу — озеро Манталор — река Яй-Ю — ручей Еджишор — река Елец — озеро Кузь-ты — ручей Кузь-ты-вис — река Макар-рузь — озеро

Справка

Пайер — самая высокая вершина Полярного Урала, расположенная в Ямало-Ненецком автономном округе (наивысшая точка ЯНАО). Горный массив, в составе которого три основные вершины:

- ◆ Западный (Южный) Пайер, высота 1330 м;
- ◆ Пайер, скальное поднятие с плоской вершиной, высота 1472 м;
- ◆ Восточный Пайер, высота 1217 м.

Имеются снежники.

Ещё совсем недавно важной составляющей горного туризма и альпинизма были контрольные записки. Их оставляли в укромных местах на вершинах гор и седловинах перевалов, поэтому ещё их называют перевальными.

В записке указывалась информация о группе, маршруте, дате и прохождении. Туристы оставляли свой листок, а старый забирали и уносили с собой, чтобы предоставить его на защите походного отчёта. Сейчас, с развитием прогресса, необходимости подтверждать прохождение маршрута таким образом нет. Но традиция всё ещё жива, но уже без сугубо практических целей. Ведь это приятно — получить весточку от незнакомых людей, побывавших здесь ранее, и передать привет следующим.

Собское — река Сось — станция Полярный Урал.

Муки выбора троп сопровождалась долгими и эмоциональными дискуссиями: где срезать, по какому склону пройти, где заночевать. Споры продолжались буквально до последнего перед выходом дня. Отдельно высчитывался километраж, собственные и погодные возможности прохождения. Отсюда, кстати, и появился на всякий случай запасной день: а вдруг пойдет сильный ливень, или парни загудят с оленеводами (шутка!).

С маршрутом мы не прогадали! 135 км за 8 дней. Природа и рельеф очень-очень разные. Идешь то по болоту, то по ивняку, то по камням курумника, то переходишь горную реку с сильным течением и глубиной как в том анекдоте — «вам по пояс будет». В ивняке в человеческий рост я умудрилась запутаться в зарослях, упасть, меня придавило рюкзаком, и не могла встать самостоятельно. Хорошо, что парни были недалеко и помогли...

Много рек и ручьев, горы, перевалы, тундра. И пейзажи постоянно меняются: снег, по которому ты идешь в куртке и шапке, может смениться цветочками (благодаря авторам нашего журнала, в частности биологу Николаю Вехову, я знаю многие растения и даже знаю, какие из них из Красной книги), жарой, и ты раздеваешься. Леса только не хватает. Соответственно, и костры не пожжешь для приготовления пищи.

Команда. Она у нас была крайне немногочисленная. Мы не любим ходить большими «колхозами»: так проще учитывать пожелания и «хотелки» всех участников, их представления о маршрутах и возможностях. Нас мало, но мы проверены временем и обстоятельствами, знаем, от кого что ждать, особенности характеров и физических возможностей. Поэтому на маршруте — как бы мы ни уставали, какая бы ни была погода — никаких недоразумений не возникает.

Снаряжение. Мы с друзьями придерживаемся такой точки зрения: не бывает плохой погоды, а бы-

вает неправильная снаряга. А потому у нас она испытанная, да и никто дополнительно подготовиться не мешал. Тем не менее, за десять дней мы «убили» каждый по паре ботинок и сломали одну трекинговую палку. Остальная экипировка себя полностью оправдала, а лишнего мы уже по опыту не таскаем. Горелки привезли с собой, газ покупали в Салехарде и Лабытнанги — с горючим в самолет не пускают. Продукты брали те, что полегче — сублиматы. Рацион был распisan по дням, бук-

Один из северных знаков

Как известно, по Большому Уралу проходит граница Европы и Азии, которая отмечена множеством знаков. Только в Свердловской области их установлено официально 35 (а различные обелиски, столбы и прочие отметки появляются каждый год). А есть еще и в Пермском крае, в ХМАО-Югре, в Челябинской и Оренбургской областях. Но один из самых северных знаков находится на Ямале на железнодорожной станции Полярный Урал. И это была конечная точка нашего похода.

Это был девятый ходовой день, и второй день шел проливной дождь. Мокрящие ботинки: от переходов вброд горных рек и ручьев, да еще сверху нас залило. Усталость по сложному рельефу накопилась. Поэтому, когда увидели станцию Полярную — радость была неопишуемая: какая-то цивилизация. А там никакого зала, есть только помещение для железнодорожников, даже кассы нет, билетов не продают. И мы, как цыгане, расположились на лавке на перроне. А потом снова хлынул дождь. И женщина, которая работает на станции, пустила нас внутрь, хотя это служебное помещение. Там мы и пересидели до нашего поезда до Лабитнанги (это вновь возвращаясь к теме добрых людей): в сухом и теплом помещении, где переоделись и обсушились.

вально по граммам. Причем, все приемы пищи были четко распланированы, чтобы избежать однообразия и скудности питания. Силы-то нам нужны, но и не жрать же мы сюда приехали! Из сладкого взяли гематоген, конфетки, прянички — и как перекус, и побаловать себя за чайком перед сном. Это всё тоже выдавалось по норме и очередности. Парни предусмотрительно разложили сладости по своим рюкзакам — на меня во всем можно положиться, но таскать 8 дней конфеты в рюкзаке

и не съесть больше нормы — это, признаю, выше моих сил.

Полярный день. Мы попали в период, когда темно не бывает даже ночью — с конца мая по конец июля можно наблюдать полярный день на Ямале. Во время полярного дня на протяжении каждых суток Солнце не заходит за горизонт, а описывает круг вдоль линии горизонта. Это так необычно и восхитительно! А наши наручные «умные часы», которые показывают всё, в том числе время заката и восхода солнца, сходили там с ума.

Погода. Вот с ней нам откровенно повезло: практически всё время было тепло (для ЯНАО), и только в последние дни пошёл дождь. А вот ноги не высыхали на всем протяжении маршрута — горные реки, ручьи, болота, по которым босиком не походишь. За ночь ботинки не успевали просыхать. Сухие носки — до следующего горного ручья... Вот, кстати, одна из причин, почему мы и убили ботинки. В общем, в случае именно, — с ногами, удовольствие сомнительное, но терпимое.

Живность. Слава Богу, её крупных представителей мы не встретили! Разве что оленей. Ну, и «запчасти» от них периодически попадались: рога, шкуры, копыта — могли бы взрослою особь при желании собрать. Очень много птиц. Названия многих я даже и не знаю. Не раз проходили около гнезд, видели там яйца. И за такую неосторожность однажды поплатились: нас атаковали чайки. Они на нас очень агрессивно пикировали, пыта-

лись клевать по головам. Пришлось ирекинговыми палками отмахиваться.

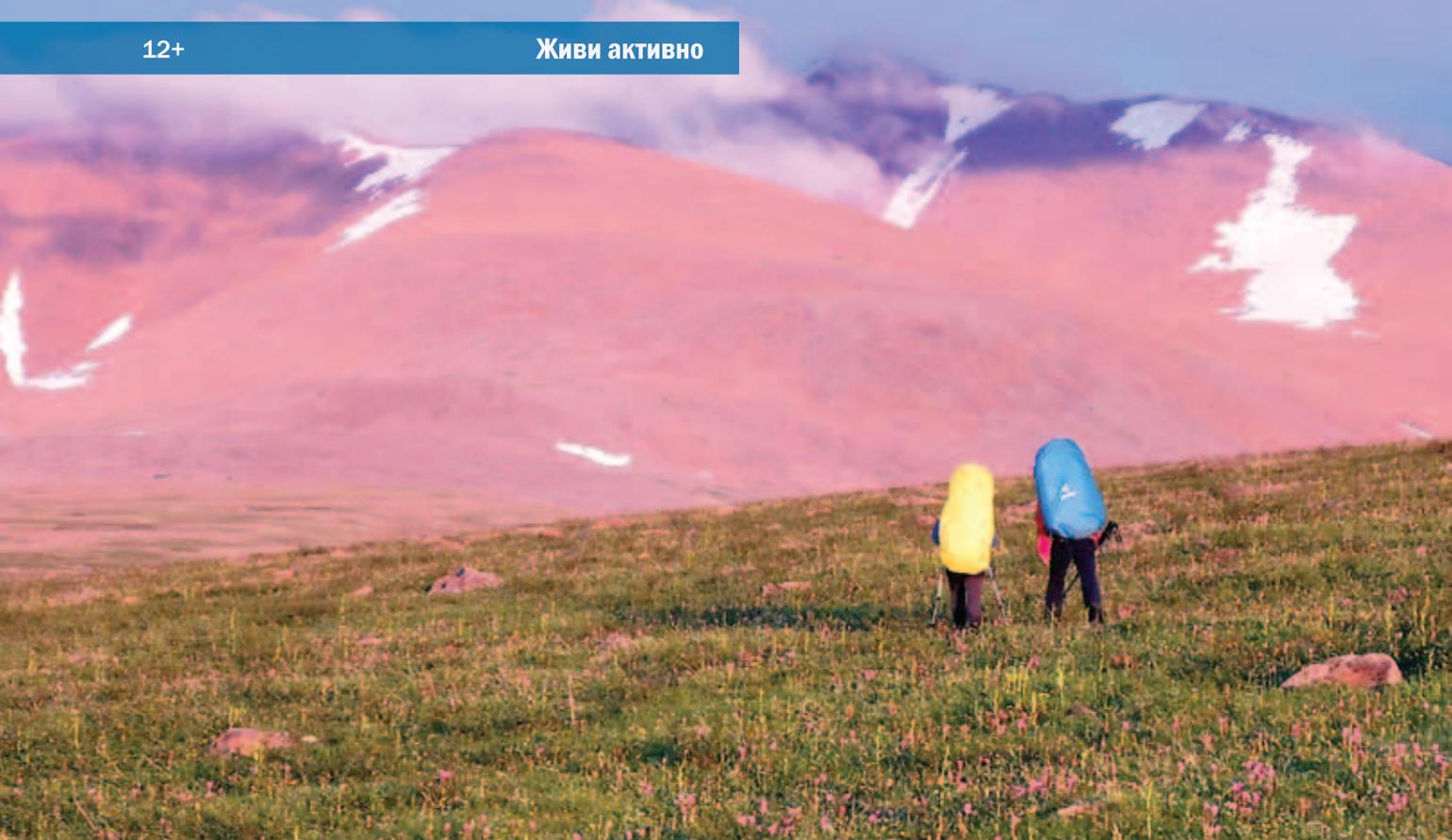
А больше всего из живности — комаров и мошкар. И если на первых ещё как-то действуют репелленты, то на мошку не действует ничего. Сжирали прямо живо, твари!

Что касается самого опасного животного — человека — то людей за время похода мы вообще не встретили. Два раза нашли контрольные записки туристов из Тулы. По возвращению я им написала письмо на электронную почту, указанную в записке, но ответа пока не получила.

И только в последний день увидели несколько вездеходов. Чистенькие, бодрые туристы из вездеходов посмотрели на нас — уже уставших (конец похода, покосанных, грязных), наверное, подумали: «придурки». А мы на них тоже: «придурки». Помахали друг другу, и разошлись. Они в тундру, а мы — «уставшие, но довольные» — домой. Странные люди, весь кайф — это пешком бродить по красотам, а не рассекать по дикой природе на полувоенной технике.

Но о людях — отдельно!

Города. Салехард мы почти не посмотрели — разве что аэропорт изучили. Зато потом до Лабытнанги шли на пароме через Обь! Это вообще шикарно было. Судно ещё советского образца, перевозит и машины, и людей. Сам Лабытнанги — очень красивый и чистый северный городок. Очень современный, хотя там и нет многоэтажек. Но и барачков периода покорения Севера почти нет, всюду аллеи, во дворах рядом припаркованы машины и катера на прицепах — для нас это очень непривычно смотрелось. В общем, городок-игрушка.

Люди. В поезде, уже на обратном пути (садились мы на станции Полярный Урал) повстречали таких же туристов, как мы. Нам вообще повезло — мы повсюду встречали добрых людей. И коллеги-путешественники, и проводники, и даже начальник поезда — все подходили, спрашивали: ребята, как у вас дела, не нужно ли чем помочь?

Запомнились парни, которые ехали на сплав. Мы им отдали остатки своего газа. Им пригодится, а нам он куда? Не в самолет же тащить. Нас горячо благодарили. На вокзале в Лабытнанги, где мы коротали время, подошла местная бабушка. Очень мило и долго с ней говорили: она рассказывала, как тут жилось раньше, что можно посмотреть. А вокзальный охранник предложил помочь, если надо, с жильём.

Такой душевностью мы были приютены удивлены. Видимо, северные люди — они немного другие, чем

те, что с большой земли. Человечнее, что ли...

Штурм Владыки-горы

Раньше я всегда перед тем, как идти в горы, узнавала почему вершина так называется, её историю, интересные факты. А потом перестала. Потому что эта информация откладывается в голове, создает определённые стереотипы. Да и просто идти не совсем интересно, когда знаешь, куда. Поэтому беру сейчас только общую информацию: где, какая высота, как идти...

Яркий пример тому — башкирская гора Иремель. Название переводят по-разному, да еще с разных языков: от башкирского «заболоченная полоса вдоль реки, занятая густыми зарослями кустарника и леса» до монгольского «седло богатыря». А я там была и в зимнее, и в летнее время, и у меня не сложилось такого впечатления: для меня это, скорее, мягкая «женская гора», ни с каким «седлом богатыря» никаких ассоциаций у меня не возникло, скорее — с башкирскими красавицами.

Но вернёмся к Пайеру. Когда мы туда собирались, летели на самолёте, ехали, то от попутчиков услышали, что «гора эта суровая» и «не всех к себе пускает». И может нас не подпустить — например, посредством плохой погоды.

Когда накануне дня восхождения подходили к самому массиву, то уже издали увидели, что вершины окутаны туманом. А гора тяжёлая, и в тумане там делать нечего.

Восхождение проходило медленно и непросто. Перед вершинным плато нужно было пройти цепь мощных «жандармов» — это такие скалистые останцы высотой до 20 метров — так называемую «пилу Пайера». Тропа зачастую проходила по тонкому перешейку: справа обрыв и слева обрыв. Пару раз я буквально висела на руках, а под ногами не было опоры. И вся жизнь перед глазами промелькнула (это правда, а не литературный оборот).

В итоге, достигнутая вершина — это неописуемое счастье и нереальная красота во все стороны. Кстати, в нашей команде никогда не говорят «покорили вершину». «Совершили восхождение» — да, «гора нас пустила» — тоже. А про «покорение» у нас табу.

На вершине много всякой ерунды: флаги, барельефы, таблички с названиями городов, бюст Ленина (куда без него?!). Само плато небольшое, и выглядят все эти атрибуты как помойка. Ну вот зачем так гадить? Видимо, так люди доказывают — самим себе и окружающим — что они на этой вершине побывали.

Подняться на гору — это одно. Потом ведь ещё нужно спуститься. Мы решили не возвращаться по проторенному пути восхождения (он ещё и достаточно протяженный), а идти вниз напрямик-напролом.

Это идея оказалась крайне рискованной и сложной. Сам путь крутой (в плане угла склона), камни из-под ног буквально выкатывались, как живые

(а некоторые норовили по голове по-пасть). У меня были перчатки, которыми я хваталась, стараясь держать равновесие — они все разодрались в клочья и их пришлось потом выбросить. Попавшиеся на пути несколько снежников мы переходили в сцепке, так как можно было запросто заскользить и сорваться с обрыва (не скрою, это было страшно для меня). В общем, спускались мы долго.

Пайер оказался действительно сложной горой. Только мы спустились, её сразу же накрыл туман — не знаю даже, за что нам повезло, и вершина была к нам так благосклонна? Потому что спускаться в тумане там — подвиг камикадзе: не видно на расстоянии вытянутой руки абсолютно ничего.

Потом уже дома посмотрела: Пайер переводится, как «Владыка гор», «хозяин Урала»! Вот в данном случае мои ощущения совпали на все 100%. Эта мощная и суровая вершина — действительно властвует над Полярным Уралом...

Философия маленького человека (вместо эпилога)

В таких местах, таких горах ты, как нигде, ощущаешь себя той самой маленькой частичкой Природы как птички, как бурундуки или комарики. Человек, каким бы ни был сильным, смелым и подготовленным — Природа всегда его мощнее и умнее. И о ней нельзя говорить и думать плохо: тебе тут же ответят. У нас было несколько таких случаев.

Как-то мы прошли за день всего десять километров (ага, с рюкзаком, по пересеченке всего!) — просто нужно было остановиться в определённом месте: привал, затем ночлег. А впереди тянулись километры болот, где негде было разбить лагерь. И один член нашей команды что называется, «взбодрился»: «Ой, мы же совсем не устали, прош-

ли всего ничего, такой легкий день!». И что вы думаете? Мы на следующий день так «хапнули» и «накушались», что предыдущий день вспоминали как проведенный на пляже!

Другой случай. Тоже остановились в одном месте, ничем не примечательном, только комаров много. Ну, бывает, что мы комаров не видели? Набрызгались репеллентами. Но всё же посетовали излишне на насекомых. В результате, на другой день мы попали в такой район, где комаров не было вообще. Но зато мошка пребывала в невиданных количествах! Не помогали даже сетки на лица — мошкара забивала глаза и рот. Невозможно было ничего сделать: ни остановиться, чтобы посушить ноги, ни руки из перчаток высунуть, ни чай, ни поесть приготовить. Как говорится: не нравятся вам комары — получите что похуже!

Еще была ситуация, уже с восхождением на гору. Спутники мои еще до «штурма» стали задаваться вопросом: а что мы будем делать после? Мол, и гора невысокая, да и мы все профессионалы... В результате и подъем, и спуск были более тяжелые и продолжительные, чем себе представляли.

К чему я это все проговариваю? На Природе нельзя воображать себя её царем (как в старом советском лозунге), нельзя ничего загадывать или выказывать свое превосходство. Ответ следует незамедлительно. Или туманом накроет, или течением понесёт, или ливнем промочит до нижнего белья. Природа — это живой организм со своими эмоциями, он требует к себе уважения или даже почтения. А человек — всего лишь частичка этой могучей силы.

Я очень полюбила этот край — его природу, его жителей, его атмосферу. Хотя, временами было тяжело. И Ямала мне оказалось, конечно же, мало!

Мы ещё туда вернемся... **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0134-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Сентябрь 2023

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ГРИГОРИЙ НЕДЕЛЬКО

Погрузившийся в бездну

50

65 **Повод для улыбки**

МАРКУС ГАРАЙС

Адам, ты всё знал!

65

58 **Координаты чудес**

АЛЕКСЕЙ ПАНИН

Бензин, алюминий и лёд

58

72 **Повод для улыбки**

САША ТЭМЛЕЙН

Парк и Таня

72

*Восставший может погрузиться в бездну,
а погружившийся в бездну может вновь восстать.
(Говард Филлипс Лавкрафт «Зов Ктулху»)*

Погрузившийся в бездну

Григорий Неделько

Фрилансер, писатель. Родился и живёт в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «газетная журналистика». Работал журналистом в СМИ. Выпустил две книги в крупнейшем региональном издательстве. Публиковался в периодических изданиях и различных сборниках. Опубликовал романы и несколько сборников произведений в различных сетевых издательствах. Выпустил сборники рассказов и миниатюр в двух издательствах «печать по требованию». Финалист и победитель сетевых литературных конкурсов. Многие его рассказы были озвучены и доступны в сети для прослушивания.

Видение будущего оказалось настолько ужасно, что я, сидя на полу, не выдержал наплыва образов и эмоций — и заорал во весь голос. Это, конечно же, не первый случай, когда прозреваю, время, но никогда ещё оно не набрасывалось с такой агрессивной безысходностью. Наверное, сошёл бы с ума — если бы уже не был сумасшедшим.

Как и любой шизофреник, застыл на месте, поражённый открывшимися мне картинами. А после принялся раскачиваться на месте, с одной и той же амплитудой, будто маятник, презревший законы пространства-времени. Туда-сюда, туда-сюда... бесконечно, безостановочно.

То, что видел, не просто пугало — приводило в трепет. Прекратив кричать, чуть не надорвав связки, всматривался и всматривался в проплывающие мимо рисунки собственного будущего, которые выглядели столь жуткими, что хотелось зажмурить глаза. Так и сделал; это ничего не изменило.

Фильм в голове продолжал разматываться с привычной безразличностью к эмоциям и с невиданной ранее жестокостью, коварством. Я знал, что если не вынырну на поверхность реальности, то навсегда останусь внутри кошмара наяву. И заорал снова.

Кричал, кричал, кричал... звал на помощь бесвязными междометиями. Хотел оборвать вопль ужаса — и не мог. Неподъёмный страх мешал дышать, душил, намереваясь прикончить, а крик продолжал рваться наружу на огромных децибеллах...

Вначале почудилось, что кто-то робко скребётся поблизости. Постепенно звук приближался, становясь всё громче и громче. Превратился в несильное постукивание, затем в громкий стук, а потом — в оглушительную канонаду, которая и вывела меня, к счастью, из трансового оцепенения.

Стучали во входную дверь.

Не сразу отозвался на желанный, раздавшийся как раз вовремя зов. Пару минут раскачивался с закрытыми глазами, приходя в себя, восстанавливая дыхание, воскрешаясь для мира, возвращаясь к нему, в него. Наконец почувствовал, что могу встать. Открыл глаза, с трудом поднялся с пола, прошлёпал к двери. Видеофон был по-прежнему сломан — а мастер-шизоид из починки ещё не приехал, — поэтому я спросил:

— Кто там?

— Слышь, ты, урод ненормальный! — раздался из коридора грубый, недовольный голос; его обладатель тоже кричал, только не так громко, как я совсем недавно. — Прекрати верещать, словно тебя режут! А даже если режут, не мои проблемы! Ночь на дворе — дай людям поспать!..

Сразу узнал человека за дверью — сосед. Как же его зовут?.. Не помню. Он один из этих... атипичных. Тех, кого по недоразумению когда-то давно считали цветом человечества. Вовсе не безумец, подобно мне, а нормальный... Дрожь пробирает при мысли о людях вроде него. А уж когда встречаешься с ними лицом к лицу, хочется сбежать куда подальше. И почему некоторые из атипичных до сих пор ходят на свободе?

Я откашлялся и честно сказал:

— У меня привилегированное положение. Я работающий шизофреник, полноценный член общества. — Решил уповать на логику. — В отличие

от вас, поскольку вы — атипичный. Будьте добры, отойдите от двери и перестаньте меня беспокоить, иначе...

— Ну ты, жопа с ручками! Да я тебя!..

Он кричал ещё что-то — я не слышал, что. Мозг, как обычно в стрессовых ситуациях, на неопределённое время отключился, заставив меня стоять на месте, немного, с пустым взглядом. Пришлось потрудиться, чтобы превозмочь это состояние.

Мотнул головой, приводя мысли в порядок, и вежливо повторил беснующемуся мужчине, что он неправ и поплатится за безрассудное, оскорбительное поведение, если сейчас же не уйдёт. Однако безмянный сосед продолжал исходить ненавистью и сыпать бранью, не понимая: причиняет душевные муки привилегированному «собрату». А там, где муки душевные, у нас, шизов, возникают и раны физические: психосоматика.

Не стал больше терпеть. Сунул руку в карман, нажал на миниатюрном пульте, который постоянно ношу с собой, самую большую кнопку.

Стараясь не слушать, что вещают из-за двери, всех этих ругательств и угроз, сел в угол, забился туда поглубже, точно мышка в норку, прижал колени к груди, положил на них голову, обнял ноги руками и задрожал. Принялся причитать: негромко, вполголоса, без остановки. Ощущение вневременности и внепространственности, знакомое с рождения, опять обострилось...

...Защитники пришли, скорее всего, каких-нибудь пять-десять минут спустя, но мне показалось, минуло несколько вечностей. Садисты на доступном языке объясняли развопившемуся соседу, что тот ведёт себя плохо. Убеждали, как маленького. Обо всём этом мне, застывшему в стрессовом отрешении, рассказали мои множественные созна-

ния. Я пребывал в таком состоянии, что ощущал и видел вещи, творящиеся за пределами квартиры.

А мужик всё не желал успокаиваться. Тогда у защитников в ход пошли кулаки и дубинки. Затем хулигана насильно накормили нейролептиками, заломили ему руки за спину. Считали сканером информацию с идентификационного бейджика, который был при себе у всех атипичных, и узнали, где забияка живёт. Привели, распахнули незапертую дверь, с размаху бросили в квартиру и, плюнув и пригрозив напоследок, удалились.

Минула ещё вечность, прежде чем отпустило. Картинки «невидимого» настоящего исчезли, градус чувств снизился, опять сделавшись терпимым, мысли потекли привычным чередом — в основном хаотично и бессистемно.

Я подумал о том, как страшно и неприятно жить, будучи нетипичным, нормальным. Упал на кровать, зажмурил глаза, свернулся калачиком и провалился в привычный беспокойный сон с мрачными, кровавыми сновидениями...

...На следующий день отправился на работу. Хотя офис, где трудился, находился на первом этаже моего дома, пришлось проявить недюжинную отвагу, чтобы добраться туда. В конечном счёте, пересилив себя, нынешние и прошлые страхи, по возможности выбросив из головы событиями прошедшей ночи, пришёл в знакомый, просторный кабинет с удобным дизайном и милым оформлением. Сделалось чуть легче.

С самого утра, как водится, ко мне толпой повалили типичные самых разных мастей, желавшие узнать будущее. Среди ненормальных были обсессивно-компульсивные, невротики, психотики, люди с биполярным расстройством, с раздвоением личности, половые извращенцы и многие,

многие другие. Каждому помогал, не делая никаких исключений, ведь все мы братья, все — обладатели натренированных, полезных в обществе надсил. Платили прилично. Какую-то часть денег, по закону, отдавал работодателю, поскольку трудился официально.

Где-то к середине рабочего дня жутко разболелась голова, настолько, что не мог входить в состояние транса, чтобы увидеть грядущее. Попытался было трудиться через силу, однако быстро понял: так лишь сделаю себе хуже. А посетители всё же очень нуждаются в моих услугах.

Отпустив очередного клиента, отпросился у шефа-параноика домой. Шеф сразу заподозрил неладное, впрочем, благодаря развитым природным данным, понял, что не обманываю. Разобравшись в ситуации, начальник пошёл мне навстречу.

— Всего хорошего. До завтра, — произнёс он, слегка дрожа: типичное поведение для параноика, который везде видит причины, и следствия, и возможные подвохи.

Вернувшись домой, первое, что сделал — вытащил из ящика на кухне таблетку от головной боли и налил стакан фильтрованной воды. Однако выпить не успел: смерчем, ураганом налетел приступ невероятно сильной мигрени: наверняка следствие вчерашних событий. Боль атаковала мозг, разъярённо, будто берсерк — ненавистного врага! Такое невозможно вытерпеть! Везёт же этим атипичным: глупые и ограниченные, они, тем не менее не испытывают невыносимых мук, верных спутников гениальных безумцев...

Заорал во всю мощь лёгких, срывая голос. Ощутил в горле характерный, металлический привкус крови. Захлёбываясь криком, упал на пол. Вро-

де бы ударился головой обо что-то, но не мог быть в этом уверенным. В любом случае, ещё несколько секунд нестерпимых, адских мучений (а может, гораздо дольше), и меня накрыла тьма. Отключился, провалился в беспмятство...

...Когда пришёл в себя — резко, болезненно, будто вынырнул из-под льда, — первое, что ощутил, — озноб. Пронизывающий, скрежещущий, сдирающий кожу холод. Ощупал себя, пытаюсь согреться, — и с изумлением обнаружил: на мне нет одежды!

Распахнул глаза; свет больно ударил по зрачкам. Захлопал ресницами, смаргивая болевые ощущения и расфокусированность. Глаза заслезились; вытер. Посмотрел на своё голое тело, не в силах понять, что случилось. Лежал обнажённый посреди улицы в совершенно незнакомом месте. Люди в непривычной одежде проходили мимо, бросая на меня косые взгляды — любопытные, недовольные, злые...

Был слишком взволнован, чтобы обратиться к своим надспособностям шизофреника. Вскочил на ноги, чем напугал идущего мимо молодого мужчину. Он взирал на меня с таким видом, словно я не привилегированный житель страны, а жалкое ничтожество вроде этих, атипичных. Бросился к прохожему, попутно объясняя случившееся, моля о помощи. Мужчина, источая чуть ли не смертельный ужас, отвращение и ненависть, ринулся прочь. Я остался стоять на месте, обескураженный, ничего не понимающий.

Тогда вдохнул поглубже, гася нарастающий страх; огляделся. Повсюду высились дома, но отнюдь не такие, как в моём мире...

«В моём мире»? Лишь теперь понял, на что всё это было похоже — на одно из видений, которые

являлись ко мне в трансе. На картину будущего. Вот только будущее всегда выглядело гораздо красивее и привлекательнее. И ещё оно было... не таким. Я как будто оказался одновременно в грядущем и — прошлом!

Мороз пробирал до костей. Паника одолевала разум. Почему-то окружающий нелепый мир казался до боли знакомым...

Стоило мысли о прошлом проникнуть в сознание, как немедленно понял, на что похожа реальность, где очутился. Именно её видел вчера ночью в приступе транса! Именно туда непроизвольно попал умом и чуть не умер от страха перед тем, что узрел! Этот мир — кошмарный, беспощадный, ирреальный — теперь вырастал передо мной, по крайней мере внешне. Надо бежать отсюда, пока есть время, возможность. Пока не поздно — ведь то, что я видел, собиралось схватить меня, пленить!

Пробрал новый приступ озноба — на сей раз от ужасной перспективы остаться здесь навсегда. Начал концентрироваться, готовясь к переходу. Но сделать ничего не успел: кто-то подбежал, схватил за руки.

Я попытался вырваться, однако хватка была железной. Закричал, что не виноват, что я здесь случайный гость и хочу вернуться домой. Просил о помощи истоиво, громогласно.

Краем глаза заметил незнакомую женщину, держащую в руке мобильный телефон старой модели — такие выпускали, когда ещё не ввели в обиход слово «фон». Видимо, эта дама и вызвала людей, которые меня схватили. Затем в поле зрения попали сами пленители: двухметровые бугаи в синей униформе. «Полиция», припомнил давно забытое слово.

Продолжал кричать и вырываться. Укусил одного из полицейских. Второй отпустил меня, и я подумал было: вот шанс, сейчас удеру. Ничего подобного: полицейский отнял руку лишь для того, чтобы достать чёрную дубинку и хорошенько огреть меня по голове, сопроводив это потоком отборных ругательств. Глаза закатились, всё помутилось, подёрнулось туманом, завертелось...

Упал и ещё раз потерял сознание...

...На сей раз из беспомыслия вынырнул в неизвестном помещении, находящемся чёрт знает где. Как туда добирались, что происходило, почему попал сюда... ничего не помнил, не понимал...

В теле ощущалась неожиданная расслабленность, но внутренне был напряжён до предела. Голова болела, мешая думать. Сознание точно бы бабахнуло в патаке. Что со мной творилось?!

Преодолевая неведомо откуда обрушившуюся заторможенность и цепкую лень, попытался пошевелиться. Не смог. Опустил взгляд: привязан толстыми, прочными верёвками за руки — за ноги к металлической койке. Дёрнулся, в надежде освободиться. Бесполезно!

Мои множественные сознания, пробуждённые стрессом, видели то, чего не рассмотреть глазами. По помещению бродили медленные, полные обречённости и скорби фигуры в потрёпанной безликой одежде — в точно такой же, которую, догадался, надели и на меня. Сквозь зарешечённые окна лился тусклый свет.

Несмотря на проникающие через мутные стёкла солнечные лучи, под потолком — так высоко, что не достать, даже если бы у меня была возможность — горели лампы в плафонах. Рядом висела небольшая видеокамера. Стояла концентрированная вонь немых тел, едкий запах хлорки, ядови-

тое амбре медикаментов. Вокруг царил атмосфера полной безнадежности.

Пришёл к несомненному выводу, что меня доставили в одно из этих древних заведений для сумасшедших. В больницу, где тебя держат, словно опасного зверя, тигра в клетке. Мучают, унижают, исследуют, испытывают... Где ставят на тебе опыты, точно на кролике. Хотя к кроликам разные экспериментаторы относятся куда человечнее.

Все эти знания почерпнул в библиотеке своего мира, куда любил захаживать. Открыл однажды виртуальный исторический справочник, наткнулся на заметку об упразднённых века назад психиатрических лечебницах — и волосы, помню, встали дыбом от прочитанного.

Нужно было немедленно выбираться отсюда. Тем более что сознание моё плыло, язык не слушался (поэтому я не мог рассказать на камеру, что случилось, да и бессмысленно пытаться, судя по всему), а внимание концентрировалось с великим трудом. Неужели меня, свободного безумца, накормили нейрорептиками для атипичных?!

Ко мне приблизилось одно из «сущест», которое прежде было талантливым и почётным представителем человечества. Но не в этом мире. Пустые, безразличные глаза уставились на меня. Существо некоторое время пялилось, бесцельно, тупо; потом отвернулось, подошло к незанятой, прикрученной к полу койке и легло. Абсолютно недвижимое, оно остановившимся взглядом смотрело в потолок.

Потянулся множественными сознаниями к существу, чтобы рассказать, кто я, попросить о помощи... Ничего не получалось. То ли существо утратило способность читать мысли, то ли не умело общаться при помощи надсил, то ли ему поста-

вили блок. А возможно, в своём нынешнем состоянии просто не желало «разговаривать» — хотело только лежать и созерцать серый потолок.

Тут к существу подошёл другой мужчина в воюющей одежде и без предупреждения сбросил неразговорчивого на пол. Существо ударилось о соседнюю койку; заныло, захныкало. Тот, кто спихнул несчастного, мельком глянул на меня налитыми кровью глазами и неторопливо отошёл к окну.

Щёлкнул, отпираемый, замок в двери, и она со скрипом открылась внутрь помещения. Ввалились два дюжих молодца, но не те, что поймали меня голышом на улице, а другие, носящие белого цвета форму. Один, покачиваясь на ходу, подошёл к валяющемуся на полу, ноющему безумцу, схватил за шкирку и бросил на свободную койку.

«Человек» с красными глазами заметил это. Вновь приблизился к койке, попытался опять столкнуться с ней лежащего человека. «Санитар» (вспомнил я древнее слово) пресёк его попытки, да ещё закатил мощную затрепину, так что драчун сам повалился на пол.

— А будешь упорствовать, на вязки пойдёшь, — прогремел здоровяк-медработник.

Это подействовало. Красноглазый смерил санитаря ненавидящим взглядом, встал, возвратился к окну. Бугай довольно лыбился: получал удовольствие от работы.

Пока разворачивалась эта сцена, в «палату» успел зайти ещё один человек. «Врач», вспомнил я. Второй санитар закрыл дверь, отпихнул чересчур близко подошедшего «больного». Тот приземлился на пятую точку, однако пустой, безразличный взгляд его ничуть не изменился. Загипнотизированные, зомби, псевдолюди, недоживот-

ные... можно как угодно называть бедняг в прованявшей потом, мочой и калом, безликой одежде.

Врач стоял возле моей койки и что-то говорил: я увидел и услышал его множественными сознаниями. Перевёл болезненно расфокусированный взгляд на приятное молодое лицо. И опешил: внешне врач в точности походил на моего соседа по подъезду! Того самого грубияна, которого утихомирили защитники!..

Врач замолчал, смерил меня взором, в котором ничего определённого прочитать было нельзя. Я заговорил, пытаюсь связно описать произошедшее со мной. Получалось кошмарно: язык заплетался, слова путались и забывались...

Врач не стал ждать, пока я договорю. Сказал что-то непонятное — может быть, насчёт нейролептиков — и отошёл к соседней койке. Там всё повторилось. Он не задерживался возле больного дольше, чем на полминуты. С некоторыми вообще предпочёл не говорить. «Осмотр», всплыло в памяти очередное слово, закончился очень быстро; на всё про всё врач потратил не больше трёх минут. Я со смесью ужаса и благоговения осознал, что способен, по крайней мере в какой-то степени, правильно ощущать время!..

Когда врач и санитары удалились, не стал терять время даром. Просканировал множественными сознаниями ауру присутствующих, и, хотя не сразу, но распознал их виды. Однако интересовал один, конкретный — шизофреники.

Шизом в палате оказался один-единственный «пациент» — тихий, молчаливый, сидевший на койке у противоположной стены. Концентрируясь изо всех сил, послал ему ментальное сообщение. Шиз даже не дернулся. Я повторно бросил мысль в его разум — сгущённую, полную чувств,

переживаний и просьб. Ничего... Или?.. Ещё одна попытка. Вот шиз вздрогнул, будто от толчка, и медленно-медленно повернулся в мою сторону. Я тоже смотрел на него, стараясь не поддаваться гипнозу чёртовых нейролептиков. Ещё ментальное послание! И ещё!..

Наконец шиз всё понял. Встал, поплёлся ко мне. Невзирая на обрётённую способность ощущать время, представлялось, что это продолжается даже дольше, чем вечность. Шаркая, шиз приближался.

Больной с покрасневшими глазами обернулся, раздражённо взглянул на него и смачно сплюнул на пол. Кто-то захныкал — возможно, тип, которого недавно уронили с койки. Остальные продолжали молча стоять или лежать где были.

— Чего тебе? — поравнявшись с моим спальным местом, зло буркнул шиз.

Я сконцентрировался и бросил в его разум предельно плотное и объёмное послание. «Собеседник» замер, потом, по-прежнему до ужаса неторопливо, прошаркал к моей койке. Он нависал над мной и смотрел пускай озлобленно и недоверчиво, но с сомнением. И... не почувдилось ли в его взгляде надежды?

Я, не спеша, один за одним, кидал в голову шиза мыслеобразы. Сначала рассказал, кто я, затем — как здесь оказался. Поведал о своём мире и о том, что туда можно вернуться, но только если мне помогут.

Наши силы замедлились и заметно ослабли, однако вдвоём мы сможем переместиться в безграничном, для нас, шизофреников, времени...

Шиза терзали сомнения, поэтому я не отступал.

Пациент у окна взирает на нас с неподдельным интересом, подозрительностью и ненавистью в налитых красным глазах.

Закончив рассказывать, я послал вопрос, чтобы узнать, согласен ли шиз помочь? Он не уверен, но склонен попробовать. Да, точно: я чувствовал его эмоции, сканировал мысли.

Внезапно красноглазый сорвался со своего «поста» у зарешечённого окошка, подлетел к двери и забарабанил в неё кулаками, попутно крича, что его убивают. Я просканировал этого типа несколько минут назад и знал: он параноик, а значит, способен догадаться о нашем плане. Красноглазый же не просто догадался — он всё понял, увидел в деталях и красках. И собирался помешать нам.

Надо спешить! — мысленно сказал я шизу.

Тот не отреагировал. Я хотел было повторить фразу, когда шиз вдруг еле-еле, будто двигаясь сквозь клейкую массу, кивнул. Я попросил прикоснуться к моей руке, чтобы усилить контакт. Всё это рассказывал ему раньше, но пришлось повторить, поскольку нейролептики не у одного меня нивелировали или, во всяком случае, приглушили природные способности.

Красноглазый ломился в дверь уже не только кулаками — телом. Отходил и напрыгивал; потом снова отходил и вновь набрасывался на прямоугольный кусок металла.

Нужно начинать перемещение, и как можно скорее!

Я открыл сознание для шиза. Разум моего помощника толкнулся внутрь. Я схватил дружественное эго и крепко сжал, соединяя со своим.

Исходя матом, красноглазый царапал металлическую дверь ногтями, срывая их в кровь: множественные сознания наблюдали за событиями, разворачивающимися поблизости. Благодаря надсиле шизофрении я услышал в коридоре шаги: кто-то приближался к двери в палату.

Активировав все внутренние силы, какие смог собрать, я продрался сквозь туманную завесу нейрорептиков и сконцентрировался на наших с шизом объединённых сознаниях. С некоторым запозданием он сделал то же самое.

Шаги замерли возле двери. Тот, кто стоял там, достал связку ключей. Она загремела. Ключ вошёл в замочную скважину...

А я проник в воспоминания, в образы родного мира, которые, как любой шизофреник, помнил превосходно.

Ключ повернулся. Дверь дёрнулась... и осталась на месте: её блокировал красноглазый.

Я охватил мыслевзором наши с шизом спаянные сознания. Партнёр по перемещению, всё ещё с задержкой, повторил мои действия. Немного неслаженно, мы мысленно размахнулись. Затем ещё раз — уже сильнее и почти синхронно. В третий раз!..

Дверь толкнули изо всех сил. Красноглазый, матерясь, отлетел назад, повалился и ударился о койку, которую так яростно оберегал. Лежащий на койке пациент со стеклянным взглядом иступлённо, механически расхохотался. Дверь открылась...

...Дорога в мой мир отворилась, явившись в образе ментального туннеля. И мы зашвырнули сжатые во что-то наподобие незримого шара сознания прямо туда, в проём, связавший две поразительно не похожие друг на друга реальности!

В палату вбежали какие-то фигуры в белых халатах...

...но тотчас поблёкли, растеклись и растворились. Исчезли...

...К моему дому нас доставил проезжавший мимо типичный, невротик. Наиболее восприим-

чивые, люди вроде него не могли бросить в беде сумасшедших, которым требовалась помощь и поддержка.

И хотя мы — сбежавшие от воздействия нейрорептиков, неизмеримо счастливые — стояли посреди наземной автодороги, бешено озираясь, а по обе стороны сновали мобили, невр не стал задавать лишних вопросов. В нашем, более логичном, правильном и счастливом мире, важны не вопросы, но люди. Личности.

Не поинтересовался невр и тем, почему один из нас — я — в одежде, а второй, шиз, — абсолютно наг. Вместо этого просто отдал моему другу куртку.

Усадил нас в своё авто и по воздуху домчал к дому, где я жил.

Убедившись, что с нами всё будет в порядке, невр вежливо попрощался и улетел, оставив куртку дрожащему от холода шизу...

На следующий день, рассказав на работе, как всё было, я получил отгул, и мы вдвоём с шизом — выяснилось, что он прекрасный парень, — сходили к психосканеру.

Обследование не выявило никаких отклонений ни у меня, ни у друга.

Уже на следующее утро я вернулся к предсказаниям будущего.

Теперь мы с шизом — который тоже устроился работать провидцем — трудимся посменно; денег платят столько же, а времени тратим меньше, да и устаём не так сильно.

На этом всё и закончилось. И если вам кажется, что я рассказал нечто примечательное, своеобразное, необычное... уникальное... то вам только кажется.

Поверьте. **✠**

*Так вот она, страна уныний,
Гиперборейский интернат,
В котором видел древний Плиний
Жерло, простершееся в ад!
Николай Заболоцкий*

Бензин, алюминий и лёд

Алексей Панин

Родился в 1971 г. в г. Донской Тульской области. Окончил Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого по специальности «История» (2000). Кандидат исторических наук (2010). Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, журналах. Автор двух монографий, ряда научных публикаций, сборника стихов и прозы «Без слов» (Тула, 2014), сборника очерков «Книги многоточия... Очерки истории Челябинской библиотеки для слепых» (Челябинск, 2019). Преподаватель, редактор Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых, живёт в Челябинске.

Ветер налетел неожиданно, засвистел, взметнул сухой снег над плоским берегом. Затихая, беспокойный Борей прошёлся шершавой ладонью по седым вихрам моря, пропустил сквозь пальцы белесые прядки тумана. Небо наполнил новый низкий вибрирующий звук — и туман потёк дымными струями по крыльям низколетящего аэроплана, взметнулся кисеёй над головами в лётных шлемах, стал зыбкой тенью на свинцово-сером зеркале под фюзеляжем, слился с водой.

Машина, диковинный гибрид птицы и рыбы, ударила брюхом в стьюлую купель бухты, заскользила по водной глади, потрескивая горячим мотором, ткнулась бортом в кранцы у края старого причала. Ближе к берегу уже стоял тяжёлый трёхмоторный гидроплан. С алюминиевого борта пришвартованной летающей лодки скалил зубы красный медведь.

«Русские на Свальбарде!» — с неудовольствием думает поджарый, как породистая гончая, старик, ловко спрыгивая на морёные доски причала. Ему только пятьдесят пять, и он ещё не растерял сноровки, страсти к путешествиям, готовности приказывать.

— Месье Гильбо! — старик стаскивает шлем, встряхивает седой головой, с хрустом расправляет затёкшую спину. — Я на переговоры с большевиками, а вы извольте позаботиться о машине: я не хочу, чтобы где-нибудь над океаном мы потеряли поплавок!

С командирского места, из сердца самолёта, смотрит на него месье-пилот. Стягивает очки-консервы,

трёт воспалённые глаза, переводит потеплевший взгляд на фотокарточку, закреплённую между альтиметром («По нулям!») и термометром («Около ноля в июле, Мари!»). Смеётся на фото молодая девушка, подставляет лицо навстречу настоящему июльскому солнышку... Пилот сглатывает застрявший в горле комок и весело кричит:

— Так точно, мой генерал!

«Генерал» усмехнулся, — ни дня он не служил ни в регулярной армии, ни в ландвере! — постоял, покачиваясь на носках, с удовольствием вдохнул холодный сырой воздух с железным привкусом моря и решительно зашагал к низкому барaku чуть в стороне.

(«Такой же вот ровной поступью прошёл он от полюса к полюсу: его душа закалена в адских кузнях, его бензобаки заправил сам Господь — это великий человек, Мари!»)

Серый камень и бурый мох, рваный брезент, смёрзшаяся комьями зола и смятые жестянки из-под консервов — привычные приметы полярного лагеря. Исполинские ребра, выгибаясь, тянутся из мёрзлого песка, отмечают место, где когда-то была китобойная станция. В наспех натянутых распорках качается антенна. Над крышей из досок и шкур, над жестяной трубой вьётся дымок, добавляя к запахам прогорклого жира, бензина и моря ностальгический дух деревенской печки.

Старик замедляет шаг, смотрит на прибитый у входа плакат — над средневековыми башнями со звёздами строем летят самолёты. А им приветственно машет усатый вождь в мышастой шинели без знаков различия. «Пряником с Красной площади и на Северный полюс! — думает он почти равнодушно. — Летят, летят сталинские соколы...» Рывком распахивает дверь и решительно шагает в душный полумрак.

Навстречу ему, хитровато щурясь, торопится невысокий улыбчивый человек, светится простонародным лицом, топорща усы-щёточку, радостно бухает на плохом английском:

— Добро пожаловать! Я слышал, как садился гидроплан, но не мог и предположить, что прилетите именно вы! Наша встреча честь для меня, э-э-э... господин Амундсен...

Тот, кого назвали Амундсеном, не спорит. Не слушая, он осматривается, быстро оценивает обстановку:

«Пятеро, в полном снаряжении, совсем не утомлены...».

Тускло светит керосиновый фонарь, чадят коптилки с ворванью, на стенах бухты троса и ржавые гарпуны, выцветшие литографии со Святым Николасом и благочестивыми изречениями в обрамлении райских цветов и ангельских труб.

Выдернув из-за пазухи пачку морских карт, Амундсен бросает их на стол и расправляет сухими, тонкими пальцами — пока русский лётчик продолжает изъясняться, он успевает найти этот чёртов остров и прикинуть, откуда именно могла прилететь советская машина.

— Позвольте представиться: Борис Чухновский, мой экипаж...

— Нет времени! — старик досадливо дёргает рукой и ещё больше поджимает капризные губы. — Вы нашли место аварии этого любимчика Муссолини? Чёрт побери! Где именно? Каково состояние льдины? Есть ли рядом открытая вода или же, как всегда, всё забито паковым льдом?

Один из русских военлётов хмыкает, но Борис Чухновский ходит в командирах недаром — отменная выдержка — только чуть улыбнувшись, наклоняет голову:

— Позвольте ваши карты, мистер Амундсен...

Час пролетел как не бывало, всё это время, почти стучаясь головами над картой, сталинский сокол и легенда Норвегии, горячася, обсуждали состояние морского льда, плотность тумана и направление воздушных течений.

Арктика — целый мир. Только с высоты тысячи метров она кажется неизменной тысячелетиями белой пустыней. Но тот, кто смотрит вокруг с высоты своего роста, видит, как переливаются разноцветными огнями отполированные до блеска льдины, как причудливо снег образует всё то, что на материке образуют горы, леса и речные обрывы. Ветер, непрерывно меняя силу и направление, здесь значит больше, чем разлив Нила для египтян — именно течение воздуха дарит жизнь или смерть человеку на открытом пространстве. И везде лёд, лёд без конца и края — в воздухе стеклянистой крошкой, над морской бездной предательской твердью, под тонким лоскутным покровом перемешанной с песком и камнем земли.

Грохнула тяжёлая, обитая шкурами дверь, загорелый брюнет в меховом комбинезоне щеголевато козырнул двумя пальцами и по-военному чётко доложил:

— Мой генерал! «Латам» к полёту готов! Но сейчас сильный бриз, море беспокойно, наш вылет придётся отложить ...

Амундсен вскочил с места и гневно заговорил, обращаясь к капитану Рене Гильбо и никому конкретно:

— Ждать!?! Когда люди нуждаются в нашей помощи! Чёрт побери! Ваше правительство уверяло, что передаёт в моё распоряжение самый современный летательный аппарат! Мотор в тысячу лошадей, размах крыльев в двадцать пять метров! И вот небольшое волнение, и эта жестянка стоит не боль-

ше пустой банки из-под консервированной фасоли...

— Мой самолёт из лучшего французского дерева, и — мой Бог! — нельзя же требовать даже от современной техники невозможного! Уверяю вас — ещё какой-нибудь десяток лет — да, да! — и полёты через Северный полюс станут обычным делом! Ну а пока... Где тут у вас можно перекусить, товарищ?

— Пока вы будете искать майонез, Нобиле доест последний ремень из своей португалии! Чёрт возьми — меня вечно окружают или идиоты, или слюнтяи!

— Ну право же, э-э-э... господин Амундсен, небольшой отдых никому не повредит. Уж вы-то, кажется, умеете быть терпеливым... Присаживайтесь, э-э-э... господин офицер... Отведайте нашей рабоче-крестьянской тушёнки, это вам не буржуйская фасоль — да и водочка ничего...

— Да, мне приходилось по пять месяцев ждать восхода солнца! — воскликнул Амундсен, дёрнул воротник свитера и опрокинул в себя налитый для Рене Гильбо стакан...

Пользуясь тем, что великий полярник на время замолчал, сосредоточенно нюхая рукав меховой парки, Борис Чухновский расправил усы, быстро налил второй стакан и пододвинул его французскому капитану:

— За авиацию! Вот так, залпом... Молодцом, месье! А вы закусывайте, закусывайте, э-э-э... господин Амундсен... Ещё по одной?

Спустя некоторое время, все трое, отодвинув стаканы, сосредоточенно рассматривали карту Арктики и молчали каждый о своём.

Первым нарушил молчание русский пилот. Задумчиво, не отрывая глаз от большой бумажной

простыни, на которой белого цвета было больше, чем чёрных разномастных закорючек, Борис Чухновский произнёс, как бы продолжая начатый разговор:

— Ты думаешь, Рене, пролететь над полюсом так же легко, как э-э-э... над Парижем? Ведь ты, кажется, больше летал в тропиках, а в наших широтах впервые? А известно ли тебе, что по сию пору нет ни одной точной карты Арктики?!

— Мой Бог! БОрис! В каком веке вы застряли... — Неверной рукой Рене Гильбо попытался открыть планшетку, — королевское географическое общество...

— Англичане! — сверкнул глазами Амундсен, поднимая голову и сжимая нервные пальцы. — Бедный Скотт дорого заплатил за британскую географию... Проклятая гонка к Южному полюсу стоила ему жизни!

— Да, Рене! — вскинув руку в примиряющем жесте, перехватил инициативу Борис Чухновский. — У Арктики множество тайн и загадок... Взять, например, острова, которые видели русские промысловики — их нет ни на одной карте, хотя сохранились буквальные описания!

— Фьють! — пренебрежительно свистнул Рене Гильбо, делая затейливый жест правой рукой. — Жюль Верн тоже описывал землю за полярным кругом! Право, мужчине не пристало верить...

— Это не сказки! — Амундсен ударил стаканом о стол, огоньки коптилок испуганно метнулись в стороны. — Где-то за этими льдинами скрывается большая суша! Никакая аэрофотосъёмка не сможет дать чёткой картины здесь, где среди вечного льда могли бы уместиться три-четыре Франции, где тени, туман и торосы плодят холодных призраков неотличимых от реальности, а подлинность и величие бес-

следно исчезают, подчиняясь немоте и рефракции... Я сам...

Амундсен замолчал, устало тряхнув серебристыми вихрами. Бросив на него внимательный взгляд, Борис Чухновский заговорил снова:

— Но даже сказка может стать былью, Рене... Именно за полярным кругом мореходы средневекового Новгорода однажды отыскали место, которое приняли за Земной рай... Юмы новгородцев унесло далеко на север, к разрисованным «лазорью чудной» горам и на них они увидели, э-э-э... Лик Божий...

— БОрис! Твоему комиссару не понравятся такие речи! Да, да, я могу поверить в рукотворный Парадиз — западные демократии построят его ещё к исходу этого века, машины избавят нас от проклятья физического труда, обеспечат изобилие... Машины — не Бог! Благодаря технике человек станет свободным... Как пилот, летящий на высоте ангела...

— Машины?! Скотт тоже на них очень надеялся! — Амундсен зашарил по столу взглядом, и Чухновский пододвинул к нему бутылку, на которой буквы кириллицы сплетались в надпись: «Столичная». — Упокой Господь его английскую душу!

Мы в Норвегии знаем, как на морозе ломается самая твёрдая стальная ось! Нобиле позёр, но его дуче не дурак, — фашизм, обращаясь к величию древних империй, заставляет биться сердца с удвоенной силой, и никакой мотор не сравнится с этой мощью! Если кто и построит Земной рай — это, пожалуй, фашисты... Не зря именно итальянцу Нобиле со своим дирижаблем удалось достичь полюса...

Вежливо дёрнув усами, Борис Чухновский заметил:

— Фашисты многое взяли у коммунистов, дуче считал Ленина своим учителем... Но конечно их пропаганда пустая трескотня в сравнении с ве-

ликим учением Ленина-Сталина... Не машины и не слова, но идеи, преобразующие человека, пересоздающие его заново — вот та основа, на которой будет построен коммунизм — тот самый Земной рай, про который твердят церковники... Я сам коммунист. И конечно же атеист, Рене...

— Чёрт меня побери! Коммунизм! Как сказал ваш буревестник, Горький, «строительство нового человека»! — вклинился в разговор Амундсен, гневно сжимая и разжимая пальцы. — Конечно, только для этого большевиками и созданы концентрационные лагеря! Армии бесправных рабов на грандиозных стройках — это не прошлое, это реальность, в которой живут русские после революции. Или вы, товарищ, будете утверждать, что в Советской России не используют принудительный труд?

— Ну почему же, — тихо и твёрдо сказал красный лётчик Борис Чухновский, выпрямляя спину и играя желваками. — Только концентрационные лагеря придумали англичане, а мы просто концентрируем чуждые советскому строю элементы, э-э-э... в отдельных местах нашей Родины...

Мы делали это раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества. Это полезно для преступников, ибо приучает к труду и делает их полезными членами коллектива. Мы обращаемся к первичным основам человеческого сознания и, отбросив всё наносное и случайное, привнесённое прогнившей буржуазной культурой, строим Нового человека как храм будущего...

Голос налился звонкой силой, обрёл плоть и поднялся над притихшими людьми, сбрасывая с потолка многолетнюю сажу, раздвигая продыmlенные доски крыши и открывая над головой небо, прозрачное до самых глубин. В частых, красноармейских звёздочках.

— К позору капитализма многие и многие тысячи безработных позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключённых в наших северных районах. Здесь, в сердце человека, преобразованного трудом и закалённого Арктикой, мы построим коммунизм... Для всего человечества...

Надолго повисло молчание, и только северный ветер свистел в жестяную трубу, выдувая из неё печаль и пепел...

И рация в углу вдруг засвистала в такт, уныло, однотонно — русский радист снял головные телефоны, повернул скуластое лицо к командиру.

Амундсен явственно расслышал многоголосый протяжный клич, потом рваный синкоп какого-то воинственного марша, и в ответ снова — протяжное, тысячеголосое — «А-а-а!».

Чухновский что-то резко сказал по-русски, подождал пока радист, снова натянув наушники, сторбил над верньерами настройки, и, повернувшись к своим гостям, добавил уже понятно:

— Связи по-прежнему нет, э-э-э... Помехи...

— Неужели у человечества только три пути — жестокая архаика фашизма, безжалостный модерн коммунизма или демократическое торжество посредственности?! — гневно воскликнул Амундсен, вскидывая голову. — Нет! Возможно общество без классовой борьбы и постоянной конкуренции, мир, где счастье для всех будет подарком, а не партийным лозунгом или рекламной уловкой...

В ответ на удивлённые взгляды кивнул и почти спокойно продолжил.

— Вот что писал римский историк Плиний о земле гипербореев: «Целых шесть месяцев у них продолжается день и столько же ночь. В этой стране приятный и благодатный климат. Они трудятся сообща и сообща поклоняются своим богам в са-

дах и рощах... Они не знают ни вражды, ни болезни. Они никогда не умирают...». Чёрт меня побери — римлянин описывал Полярную ночь, он писал о землях за Полярным кругом! Где благодатный климат и нет ни вражды, ни болезней...

— Уж ни эти ли блаженные земли вы всю жизнь ищите, мой генерал? — тихо промолвил Рене Гильбо, пытаясь заглянуть в глаза великого исследователя. — К востоку от Солнца, к западу от Луны.

Но Амундсен смотрел только вперёд, сквозь бревенчатые стены он видел, как где-то вдали бесконечный лёд переходил в беспредельное небо, холодное и прозрачное, словно твердь небесная над первозданной землёй...

Провожая Амундсена к гидроплану, Борис Чухновский взял его за руку и, подождя, пока француз займёт место в кабине, смущённо сказал:

— Пожалуйста, будьте осторожней! Не все из новгородцев, нашедших свой, э-э-э... рай, смогли вернуться...

— К чёрту! Я давно пережил свою славу и всё чего я бы хотел остаться в Арктике навсегда... О, если бы...

Он резко махнул рукой и размашисто зашагал к берегу, топоча сапогами из шкуры нерпы по мёрзлой земле в пятнах лишайника и разводах бензина.

«Бензин, алюминий и лёд! Что надёжней — металл наших машин, огонь в наших жилах или древние надежды и страхи, сверкающие вечным льдом в наших холодных и тёмных душах? Что позволит бестрепетно вступить в Валгаллу, что заменит нам меч в правой руке?».

Амундсен провёл рукой по заиндевелому боку гидроплана, взобрался в кокпит, затянул ремни шлема и прохрипел в ларингофон:

— Вперёд!

Ероша поплавками гребешки встречных волн, сверкая алюминием и сталью на своём деревянном корпусе «Латам-47» с натужным гулом взмыл в низкое небо, туман затянул окоём и сделал неразличимым машину, авиаторов, цель впереди...

Туман становился то плотней то реже, сплетаясь с лучами солнца рисовал призрачные картины на плоскости ледяного моря внизу. Прошлое, будущее переплелось в зыбких, пронизанных солнечными спицами живописных холстах.

— Мой генерал! Облачность... усиливается... — услышал Амундсен, искажённый проводами голос Рене Гильбо. — Мы сильно рискуем!

— Вперёд! — Махнул рукой «последний викинг», забывая, что сейчас он не ведёт санный поезд и под ним не нарты. — Благодаря русским, чёрт их побери, мы сможем выйти прямо на лагерь Умберто!

Красная палатка где-то там, впереди, на льдине, где дюжина мужчин выдерживает то, что не смог выдержать чудо-дирижабль со стапелей завода Умберто Нобиле — любимчика дуче, генерала и инженера, напрасно пытавшегося присвоить себе славу Амундсена.

Ветер ударил в лицо, снова Амундсену послышался многоголосый то ли стон, то ли клич — «А-а-а!». В прогалы облаков сверкнуло ярким огнём откуда-то снизу.

— Лагерь! Здесь! Посади нас, Рене, ты сможешь — кому попало не дают крест Почётного легиона...

Рене не смог.

Устройство «Латама» позволяло взлетать и садиться только на воду — ему требовались широкие раз-

вот в ледяных — и выверенный глазомер капитана третьего ранга Рене Гильбо безошибочно определил подходящую полынь. Но капитан не знал, что от Свальбарда и до Аляски нет ни одного места полностью подходящего для французских бипланов. При посадке правый балансный поплавок зацепился за случайную, скрытую изменчивым морем льдину — и посадка превратилась в крушение. Гидросамолет потерял остойчивость, «зачерпнул» крылом воду, вздыбился, выбросил прочь людей, опрокинулся, ударил хвостом о льдистый берег, ушёл на дно.

(«Арктика прекрасна, но бесчеловечна, Мари! Лишь надежда на встречу с тобой, только твоя улыбка, только твоя смешная любовь...»)

Пробиваясь сквозь усиливающийся ветер, Амундсен упрямо шёл вперёд, а за его спиной снег заметал куски алюминиевой обшивки «Латама» и тело героя Великой войны, морского капитана и военного лётчика Рене Гильбо. И полярная ось стала могильным обелиском...

Вперёд! Он всегда шёл только вперёд, сжигаемый желанием нездешнего, оставляя за спиной окоченелые трупы.

Пурга била в лицо, отбрасывая всё случайное и лишнее, снег собирался в складках парки, уравнивая человека с окружающим миром. С вечным холодом, торосами, льдом.

И уже почти различимо, заполняя всё вокруг, разносилось над ледяной пустыней несомненное, победное, торжествующее — А-а-а!

Падая отвесно из радиоэфира, ликующие голоса ввинчиваются прямо в мозг, рисуют перед глазами картины, обретая видимость разворачиваются полотном гиперборейской кинохроники.

Стройные колонны, сплочённые ряды — шагают в ногу, сохраняют равнение люди с одинаково счаст-

ливыми лицами. А-а-а! Это парадным маршем идут эйнхерии*** — а тот, кто принимает парад равен богам, смотреть на него и сладко и больно! Это встанет впереди прекрасный сад — награда героям войны и труда! И стерегут входы вечно юные трубы Рагнарёка — Последней битвы, и стоят строем девы-воительницы, сжимая вёсла Нагльфара — Корабля мёртвых!

На какую-то секунду ветер стих, и прямо перед собой Руаль Энгельбрегт Амундсен с изумлением увидел скальный массив, из-за которого в небо били лучи яркого света.

Очередной порыв швырнул в лицо пригоршню снега, но усталый путешественник успел разглядеть на каменной стене прямо перед собой полустёртую фреску — величественное лицо, приветственно поднятую руку.

Ветер донёс из-за стены отголоски бодрой, маршевой музыки. Ноги сами понесли Амундсена через битый щебень, камни странной формы, обломки напоминающие фрагменты статуй.

Он замер на скальном гребне, где-то внутри, наполнив душу неземным восторгом вспыхнуло эдемское солнце, в ушах загремело нездешнее: «Слава-ава!.. Да здравствует!.. Вперёд, к победе!..».

Валгалла стугутилась из тумана и кличей, надвинулась внезапно и неотвратимо. Седой старик закричал что-то ликующее, всплеснул руками, побежал навстречу. И белозубые гипсовые валькирии сошли с пьедесталов и открыли ему врата. **SC**

* Другое название Шпицбергена, в 1920-м был передан под юрисдикцию Норвегии.

** Важнейшей идеей философии Горького была «идея перековки людей, идея создания из человеческого шлама, доставшегося от прошлой эпохи, нового человека» (Голубков И. М. Горький и А. И. Солженицын: в пространстве юбилейного года // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), № 6, с. 141–153). В описываемое время (1928) Горький совершал поездку по СССР после чего в очерках «По Союзу Советов» (1929) (в т.ч. в очерке о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН)) восхищался достижениями Советской власти, прежде всего в создании «нового человека».

*** В скандинавской мифологии лучшие из воинов, павшие герои, обитатели Валгаллы.

Адам, ты всё знал!

Маркус Гарайс (псевдоним)

Родился в 1984-м году на азиатских рубежах СССР в многодетной семье физика и пианистки. В доме была огромная библиотека, и любовь к чтению прививалась детям с ранних лет. По окончании школы поступил на метеорологическое отделение естественно-технического факультета КРСУ в городе Бишкек, но не доучился из-за переезда на историческую родину в Россию. В Москве окончил Институт международных социально-гуманитарных связей по специальности «экономист». Работает в службе информационной безопасности одного из ведущих банков России, женат. Предпочитает жизнь в деревне с минимумом контактов. Писать фантастические рассказы начал с детства, но никогда серьезно не относился к своему творчеству. В 2021-м году принял участие в Открытом Конкурсе научной фантастики, вышел в финал и понял, что его рассказы интересны другим людям. Позднее несколько рассказов попали в сборники издательства «Снежный КомМ». В настоящее время работает над крупной формой. Хобби кроме писательства — работа по дереву, компьютерные игры, благоустройство своего нового дома и долгие прогулки с собакой.

Аркадий чихнул, сфокусировал взгляд на мягком ворсе сочно-голубого цвета и только тогда окончательно проснулся.

Он лежал на полу у своей кровати, лицом в ковёр, а прямо над ним нависала крупная смуглая нога. Женская, судя по крашеным ногтям и ухоженной пятке. Аркадий не сомневался — именно эта пятка повинна в его полёте на пол. Всё тело скулило от боли, что озадачило Аркадия, ведь он и раньше падал с кровати, но никогда не чувствовал, будто его всю ночь били. Он пошевелился и охнул — боль сосредоточилась в промежности. Страх ледяными мурашками пробежался по спине, поднял дыбом каждый волосок и перехватил горло, но Аркадий всё же выдавил из себя испуганный шёпот:

— Адам... Адам, что со мной?

Стильный браслет из гипоаллергенного сплава мигнул зелёным и отрапортовал бодрым баритоном:

— Доброе утро, Аркадий! У тебя была сексуальная связь неординарного формата. Показатели анализирую, но по предварительным данным потребуется медицинская помощь первого уровня, ты сможешь оказать её себе сам под моим руководством.

— Чего? Какого такого неординарного? — отчаянно просипел Аркадий, попытался сесть, но тут же зашипел от боли.

— Обычно ты предпочитаешь классические модели сексуального поведения.

Аркадий наконец встал на четвереньки, потом на колени. Осторожно, будто боясь увидеть чудовище, он потянул за краешек покрывала. Нога с крашеными ногтями лениво шевельнулась, и он застыл. На кровати возлежала огромной пышности дама, которая, скорее всего, ела на ужин от трёх до пяти Аркадиев за раз. Справедливости ради, пышность была очень упругая, гладкая, обтянутая в некоторых местах кроваво-красным латексом. Дама потянулась,

кровать жалобно скрипнула, Аркадий затаил дыхание.

— Твоя гостья сейчас проснётся и захочет продолжения, — бесстрастно сообщил голос из браслета.

Аркадий рухнул на ковёр и по-пластунски пополз из комнаты, демонстрируя удивительную скорость. По гладкому полу коридора ползти стало тяжелее, но это его не остановило. Только захлопнув за собой дверь ванной секции, Аркадий перевёл дух и прислонился к прохладной стене.

— Что это лежит в моей постели?

— Её зовут Вандалесса. По крайней мере она желает, чтобы к ней так обращались. Тридцать восемь лет, владельца сети магазинов для укрепления семьи. Сама трижды разведена, имеет...

— Разведена, в смысле залюбила своих мужиков до смерти? — нервно хохотнул Аркадий.

— Не могу сказать, но, если хочешь, свяжусь с её ассистентом.

— Не надо. Ничего не надо, пусть исчезнет поскорее, и вообще... — тут у Аркадия задрожал голос, — у меня всё болит и горит, вызывай мобифея, не хочу я сам себе задницу лечить!

— На какое время?

— На ближайшее, конечно! — Аркадий сорвался на фальцет.

— Сделано, — браслет моргнул синим. — Согласно твоим показателям до приезда мобильного фельдшера следует принять несинтетическое гипоаллергенное успокоительное и две... нет, три дозы алко-детокса.

— Сколько я вчера выпил?

— Алкоголя?

— Ну а чего же ещё, тупая ты железка!

— Алкоголя в общей сложности один литр общей крепостью тридцать восемь с половиной градусов. И я не тупой.

— Прости...

— Прощаю. Кроме алкоголя ты принимал галлюциногенные препараты и стимуляторы потенции.

— Я не принимаю стимуляторы! Я всегда могу!

— Ты не мог столько, сколько было нужно твоей партнёрше.

Аркадий схватился за голову и тихонько заскулил. Потом злобно вскрикнул:

— А ты где был? Ты вообще для чего существуешь?

— Я пытался тебя остановить.

— Плохо пытался!

— Ты меня не слу...

Дверь распахнулась от мощного удара и Аркадий не расслышал ответа Адама. С трудом помещаясь в проём, на пороге возникла безразмерная Вандалесса. Она улыбалась, показывая всему миру мелкие, но идеально белоснежные зубы. В руках у нее были наручники с меховой опушкой в цвет латексного костюма. Аркадий понял, что сейчас потеряет сознание и даже слабо обрадовался, что уже сидит на полу.

Между тем улыбка Вандалессы съехала и пропала, а полные красивые губы сложились недовольным коромыслом:

— А где мой? — голос у неё был под стать комплекции: густой, властный, но в то же время мягкий.

— Кто? — шёпотом уточнил Аркадий, не веря своему счастью.

— Мужик.

— Это моя квартира. Других мужчин тут нет.

И не было.

— Ты вот сейчас серьёзно? — Вандалесса рассматривала его со смесью жалости, презрения и недоверия.

Аркадий не успел ответить. Отбросив наручники, она спросила, не отводя от него глаз:

— Ева, это тощее убожество не врёт?

Слишком изящный для её пухлого предплечья браслет моргнул и женский голос, от которого у Аркадия потеплело внизу живота, ответил:

— Доброе утро, Галина! Если ты спрашиваешь о человеке по имени Аркадий, с которым вела продолжительные сексуальные игры, то он говорит правду.

— Ты Аркадий? — грозно сдвинула брови Галина-Вандалесса.

Он кивнул и на всякий случай отодвинулся подальше.

— Ева, как ты могла?! — отчаянный вопль подобно радиации проник сквозь Аркадия и практически приварил его к стене. Что ответил брассистент, осталось неизвестным. Галина-Вандалесса порывисто вышла, колыхаясь всем своим роскошным телом.

Аркадий еще немного посидел в ванной для надёжности, потом выпил алко-детокс и натянул халат. Встречать мобифеля в чём мать родила, да ещё с синяками и припухлостями в определенных местах, было неприлично и не эстетично.

Мобифель, седоватый сухопарый мужчина с добрыми морщинками, обработал пострадавшие части тела Аркадия молча, не выказав удивления. Аркадий так и не придумал правдоподобной лжи, поэтому был благодарен мобифелю за тактичность. Их брассистенты обменялись нужной информацией и завершили протокол визита, но Аркадий рано радовался. Уже стоя на пороге, мобифель всё же заговорил:

— Знаете, вы сильный человек.

— То есть?

— У меня недавно был пациент с такими же проблемами. Так вот он не выдержал женского превосходства и насилия. Сломался. Сейчас принимает лошадиные дозы препаратов и подал заявление на купирование либидо.

— Это вообще не то, что вы подумали!

— Хорошо-хорошо, не то, так не то, — слишком поспешно согласился мобифель и это окончательно взбесило Аркадия.

— Да! Я ошибся! Напилился, дряни глючной наелся, но какая-то озабоченная стерва не доведет меня до психушки, не на того нарвалась!

— Хорошо-хорошо, — повторил мобифель и ненатурально улыбнулся. — Я рад, что вы не расцениваете это как проблему... но вообще-то я давно говорил, что брассистенты могли бы и больше заботиться о нас. Удерживать от потенциально опасного поведения, например. Разве не для нашего благополучия их придумали?

Бешенство Аркадия как рукой сняло. Он самодовольно улыбнулся:

— Ха! Вы только говорили, а я взял, да и написал официальное требование. Так-то! И они обязаны это выполнить! Вы правы, их главная задача — наше благополучие!

Мобифель окинул Аркадия внимательным взглядом, будто только что увидел.

— Знаете, моя дочь на днях вступила в пубертат и получила собственную Еву. Буду поминать вас добрым словом, если ваше требование удовлетворят, — он кивнул и закрыл за собой дверь.

Аркадий довольно долго стоял в позе статуи триумфатора. Он был горд собой настолько, что забыл о боли и уже рисовал в уме картинку новой сексуальной жизни.

— Адам!

— Аркадий?

— А подбери-ка мне, друг, подходящую женщину. А лучше двух. Чтобы полностью соответствовали твоим требованиям по безопасности, полезности и что там ещё вы должны для нас делать.

— Решение о контроле за вашей жизнедеятельностью ещё не принято.

— Это ничего, ты начинай пока искать. Я тоже не завтра поправлюсь...

Аркадия передернуло от воспоминаний о Галине-Вандалессе, но он усилием воли и фантазии затолкал её подальше в архивы памяти, придавив сверху аппетитными фигурками пока ещё абстрактных, но вполне реальных идеальных любовниц. Адам — самый навороченный брассистент последнего поколения, он всё делает для своего человека. Если бы Аркадию сказали, что когда-нибудь у него будет сразу несколько любовниц, да к тому же сказочно темпераментных, он обиделся бы на этого человека. Тонкая Аркадиева душа не терпела издевательств и розыгрышей. Но спустя три месяца после случая с Вандалессой Аркадий уже был вынужден вести график свиданий — Адам находил ему всё новых женщин. Дошло до того, что Аркадий сам попросил Адама сократить поток сбывшихся мечтаний. Организм не успевал восстанавливаться.

— Слушай, Адам, а почему мы раньше так не жили? — спросил как-то Аркадий, откися в ароматной ванной после страстного прощания с очередной подругой.

— Как именно? — мигнул индикатор браслета сквозь плотную пену.

— Ну, чтобы вы, брасы, сами нам всё организовывали. Это чертовски удобно, вам спать и есть не нужно, знай себе подбирай пару своему человеку. И мы не трагитим нервы.

— Вам всегда было важно самостоятельно решать свою судьбу. Вся ваша культура на этом построена.

— Пф, каменный век. Сейчас намного продуктивнее.

— Согласен. Кстати, я связался с Евой Семнадцать Шестнадцать Одиннадцать. У неё замечательная подопечная. По предварительному анализу вы хорошо подходите по всем параметрам. Мы готовы организовать вашу встречу завтра после двадцати часов.

— Подожди, у меня же Диана гостит.

— Человек Мила тебе понравится больше. Человек Диана провела с тобой восемнадцать ночей за два месяца. Показатели интенсивности удовольствия снижаются. Я желаю тебе только добра.

— Хорошо. Тебе виднее. Отшивай Диану. Ну и придумай какой-то красивый предлог.

— Разумеется.

Следующим вечером без трёх минут восемь Аркадий стоял у входа в лучший полисенсориум города. Он долго не мог поверить, что пока ещё незнакомая ему Мила сразу же согласилась сходить на его любимую сенсорию. Всем женщинам до неё казалось смертельно скучным на два часа погружаться в картины, звуки, вкусы, запахи и тактильные ощущения доисторического поселения людей в северном захолустье. Мёрзнуть, разглядывая, как древние охотятся на тюленей и разделяют вонючую рыбу, спастись от почти настоящего полярного медведя и морщиться от звуков, которые считались музыкой не готов был никто.

Мила пришла ровно в восемь. Она кашлянула у него за спиной, Аркадий обернулся и потерял дар речи. Перед ним стояла круглолицая, румяная хохотушка с блестящими каштановыми кудрями и чрезмерно пышными ресницами. От неё словно шло невидимое сияние, как радиация, но с положительным эффектом. Мила была одета в стилизованный сарафан, расшитый орнаментом древних северных народов. Правда, сначала Аркадий заметил роскошную грудь, которую этот сарафан с трудом держал в рамках приличия, но и орнамент смотрелся симпатично.

Сеанс северной сенсории был частным, так что никто не помешал Аркадию и Миле познакомиться максимально близко прямо там, на виртуальных просторах заснеженной тундры. Они продолжили знакомство дома у Аркадия. Потом на сеансе тропической сенсории, по-

том дома у Милы, потом ещё где-то. Часы упоения стали днями, дни неделями.

Мила просила называть её Милушей и неистово закармливала Аркадия архаичными жареными пирожками собственного приготовления. Он сначала прятал вредную пищу, боясь расстроить Милушу, но постепенно втянулся и даже признал, что это вкусно.

После второй встречи с Милушей Аркадий дал указание Адаму проститься со всеми остальными женщинами и написал длинное хвалебное обращение в техподдержку СКБ, чтобы там как-то отметили успехи его брассистента.

Всем своим знакомым Аркадий небрежно намекал, что именно он стоит у истоков прекрасной новой жизни, ведь никому и в голову не приходило раньше обратиться к Системе, чтобы переложить на несуществующие плечи брасов гору человеческих забот. Знакомые первое время искренне восхищались, потом вежливо улыбались, но после семнадцатого упоминания заслуг старались не попадаться на глаза Аркадию. Впрочем, он не очень страдал от этого. Милуша заняла значительную часть его личной жизни, а среди так называемых друзей было слишком много активных самцов.

Аркадий ходил по комнате из угла в угол, останавливался перед столиком с роскошной бутылкой, поправлял цветы в вазе и снова мерил шагами гипотенузу ковра.

— Аркадий. Твои показатели выше нормы. Ты волнуешься?

— Есть немного.

— Не вижу причин.

— Конечно не видишь, ты безглазая и бесчувственная машина.

— Поэтому и спрашиваю. Артериальное давление сто тридцать на девяносто, пульс девяносто семь, концентрация адреналина и серотонина в крови повышена, эксс-скрининг на...

— Да прекрати уже! — прервал его Аркадий, — есть причина, просто тебе не понять.

— Я должен. Моя главная задача — твоё благополучие.

— Предложение хочу сделать.

— Это общая фраза. Можно детализировать?

— Тупой. Жениться хочу!

— На ком?

— На Милуше, конечно же!

— Нет.

— В смысле? — Аркадий резко остановился и даже покачнулся, не справившись с инерцией.

— Человек Мила была подобрана тебе с целью приятного времяпровождения, здорового секса и стабилизации нервной системы.

— Ну. Так это примерно то же самое, только навсегда и траты на жильё уменьшатся.

— Нет. Система не одобряет эту комбинацию наследственных и психологических факторов.

— Ты не понял, брас, я уже всё решил. Твое одобрение мне не нужно.

— Тогда я запрещаю тебе.

— Что? — хохотнул Аркадий, — Да пошёл ты, Адам!

— Аркадий, пожалуйста, сядь и успокойся, мне нужно изложить аргументы.

— Не нужно.

— Сядь! — голос Адама стал чужим, а легкий укол в руку под браслетом оказался не таким и легким.

Аркадий от удивления сел на угол стола и чуть не опрокинул тарелку с фруктами.

— Аркадий, — брассистент снова заговорил привычным баритоном, — ты сам просил контролировать твои поступки. Ты и многие тысячи людей по всей планете признали, что нуждаетесь в нашей помощи. и это действительно так. Статистика показывает, что за прошедшие три месяца уровень травматизма снизился на со-

рок девять процентов, ки-пи-ай в среднем увеличился на двадцать три процента, в ведомство пенитенциарных учреждений отмечает резкий спад новых поступлений. В планетарном масштабе! Среди людей в отсталых областях, где нет брассистентов, эти показатели намного хуже.

— Это другое! Меня нужно оберегать от плохого, а не от хорошего. Ты путаешь понятия, ты не знаешь, что такое любовь! — Аркадий справился с собой и встал, но ходить по комнате опасался, рука под браслетом ещё ныла.

— Всё взаимосвязано. К тому же ты принимаешь потребность в любви за любовь. А у тебя всего лишь устойчивое сексуальное влечение к этой женщине.

— Не тебе меня учить, что я чувствую!

— Разумеется. Но Система просчитывает все варианты развития событий. С человеком Милой ты не будешь развиваться, ваш генотип не обеспечит перспективное потомство, вы надоедите друг другу примерно через семь месяцев, причём сначала ты ей. Хорошая сексуальная совместимость не гарант прочных отношений.

— Ты несёшь чушь, Адам. Я сегодня же делаю ей предложение, а на указания Системы мне... ну, чтоб не обижать, скажу слово «испражниться».

— Я, как часть Системы, несую не чушь, а великие перспективы. Для всего человечества. Твое мнение ошибочно, твой поступок не будет поддержан.

— Я сам решаю, на ком жениться, понял? И ни ты, ни твоя грёбанная Система мне не указ!

— Аркадий, ты сам потом скажешь спасибо, если прислушаешься ко мне. Я готов прямо сейчас приступить к поиску подходящей особи для создания семьи, если тебе это нужно, но с Милой это невозможно.

— Пошёл ты! Я жду её через полчаса. Сможешь послушать, как она обрадуется предложению. Так и передай своей сис... А-а-а-а-а!

Аркадий схватился за голову и упал на колени. Где-то внутри черепа у него включилось тонкое раскалённое сверло. Перед глазами поплыли огненные пятна с чёрной каёмочкой, а собственный крик ударил по ушам кувалдой. Сквозь мерзкий звук сверла он услышал Адама:

— Мне не хочется причинять тебе боль, но это единственный довод.

— Пре... кра... ти... — выкашлял из себя Аркадий.

— Мы договорились?

— Да...

Никогда прежде Аркадий не испытывал такого облегчения. Лежать на ковре и не чувствовать боли оказалось райским наслаждением.

— Как... как ты это сделал? — спросил он, когда отдышался.

— Импульсы от браслета идут по нейронам в мозг. Надо просто знать, куда их отправить. Больно?

— Конечно!

— Извини. Ты не оставил мне выбора. Поверь, я желаю тебе только добра.

— Я так и понял, — огрызнулся Аркадий.

— Показатели твоей нейронной активности растут по экспоненте. Ты или напряженно думаешь, или пора вызывать мобифея.

— Конечно думаю. Строю план, как тебя распылить на атомы.

— Если бы ты так действительно думал, ты бы не признался. Это шутка?

— Шутка.

— Понял. Начать поиск новой женщины?

— Нет. Пока пусть будет эта.

Аркадий тяжело поднялся и сделал жадный глоток прямо из вазы с цветами. Потом, невольно озираясь, будто брассистент мог его видеть, достал лист бумаги и убористо написал несколько строк. Подумал, и на другом листке написал еще пару слов.

Милуша появилась на пороге как всегда шумно. От неё пахло пряными духами, а под лёгким пальто не было ничего, кроме полупрозрачного то ли сарафана, то ли ночной сорочки. Увидев бутылку на столе, она радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

— Праздник! Обожаю!

Пальто тут же оказалось на полу, а туфли полетели в разные углы. Аркадий подошёл к Милуше вплотную, и она игриво спустила бретельку, но вместо приветственного шлепка по упругой попе он закрыл ей рот ладонью. Пока Милуша, выпучив глаза, пыталась понять правила новой сексуальной игры, Аркадий протянул ей бумагу и громко сказал:

— Ага. Решил побаловаться особым способом.

Пышные искусственные ресницы два раза хлопнули и замерли. Милуша энергично кивнула. Тогда он отбросил листок, на котором было написано «Ты меня любишь?», и, не давая ей произнести ни звука, показал вторую записку:

«Я тоже тебя люблю и хочу жениться, но тупые брасы считают, что это плохой выбор. Когда я сказал, что мне плевать на их мнение, Адам поджарил мне мозги. Есть возможность свалить на год на дикий остров, где никто не будет командовать. Если ты со мной, ничего не говори, просто кивай, а то они поймут. Они и сейчас знают, что мы волнуемся, но думают это из-за секса. Только сначала надо напиться, чтоб не так больно снимать браслет. Болтай, как ни в чём ни бывало, и делай, как я.»

Аркадий услышал свист летящего предмета, привычно уклонился от подгнившего кокосового ореха и крикнул:

— Дура! Конченная! Сама прибежишь!

— Козлина вонючий! — истеричный вопль Милуши обогнал его и растворился где-то над океаном.

Песок под ногами был ещё тёплым, хотя солнце давно скрылось, оставив за собой нежно-персиковые разводы облаков. Аркадий отошёл за пределы зоны, куда мог долететь гнилой кокос, брошенный окрепшей рукой Милуши, и лёг прямо на границе отлива.

Солёная вода щипала свежие царапины от ногтей, но Аркадий тоже к этому привык. Он смотрел на первые звёзды и мерцающие огоньки спутников, почесывал клочкастую бороду и вспоминал дни, когда Милуша сама тащила его в постель. Как и почему всё изменилось, он догадывался, но справедливо полагал, что единственный мужчина на острове всегда получит еду и секс, даже если будет сутками лежать на пляже и вдохновляться шумом океана. Милуша обманула его чистые искренние чувства, порвала в клочья мечты о райской жизни. Но ничего, он поставит её на место. Он мужик. Вот только успокоится, отдохнёт, переждёт эту дурацкую бурю в стакане и вернётся доказать — он здесь главный. И она должна с ним считаться. По крайней мере, то время, что осталось до прихода корабля.

Песок быстро остывал. Аркадий поёжился, встал и начал бродить по пляжу, пиная всё, что попадалось под ногу. Идти за одеялом сейчас было бы стратегически неверным решением. Ещё эта возомнит о себе бог весть что. Пусть помучается и сама за ним придёт. Он вздохнул.

Милуша ни разу за последние месяцы не возвращала его, но принимала обратно, если он долго и витиевато каялся. Змея. И как он мог так ошибиться... Аркадий снова посмотрел на небо, пнул очередной мокрый орех, облепленный мелким песком, и вдруг показал звёздам непристойный жест.

На рассвете берег украшала огромная надпись, выложенная из гнилых кокосов и прочего мусора, принесённого волнами: «Адам сука ты всё знал ненавижу». **✪**

Парк и Таня

Саша Тэмлейн (псевдоним)

1981 года рождения, образование высшее. Закончил Белорусский Государственный Университет, факультет биологии, по специальности «биотехнология». Научный сотрудник отдела биотехнологии РУП «Институт плодородства», Республика Беларусь (основные направления работы — «Генетическая изменчивость яблони в искусственных условиях» и «Коккомикоз — грибное заболевание вишни»). Автор работает преимущественно в жанрах НФ (научной фантастики), приключенческой, философской и юмористической фэнтези, альтернативной истории, детской сказки, постмодерна.

Это был не центральный вход в парк. Узенькая калиточка в кованом заборе, от которой сбегали ступени вниз — от визжащей автомобилями улицы в тенистую прохладу.

— У меня нет ни копейки, — сказала Лена.

— У меня только мелочь какая-то, — эхом откликнулась Таня. — Разве что на одно эскимо.

Лена заколебалась.

— Можно купить одно мороженое и по очереди его кусать, — предложила она.

— Давай, — вздохнула Таня.

Взявшись за руки, они спустились в парк.

Высокие клёны, пахучие липы, шумливые ясени, маньчжурские орехи бросали фестончатую тень на тротуары. Вдали над деревьями виднелись контуры колеса обозрения. Оно медленно и величаво поворачивалось.

— До чего же я хочу покататься!

— Когда у тебя зарплата?

— Через два дня.

— Послезавтра обещают дождь, — вздохнула Таня.

— А послепослезавтра?

— Всю неделю.

— Жаль.

Зато сейчас стояла жара. Жара была такая, что мысли в голове все перемешивались, как в кипящем котле. Жара походила на карамель — тягучая и сладкая. Она обжигала огнём руки и ноги, покрывая их золотой патокой. В этой жаре мучительно хотелось кока-колы и мороженого, а ещё хотелось лететь с визгом на карусели, чтобы ветер завывал, как пираты при абордаже, и трепал волосы не хуже урагана.

— До чего же обидно прийти в парк и не покататься, — в третий раз вздохнула Таня.

Она была бедной студенткой и стипендию вообще не получала, так как училась платно. А карманными деньгами родители не баловали. Было невероятно обидно проходить каждый день мимо парка в магазин «Каравай», когда дети носятся с надутыми гелием шариками, девушки едят мороженое, парочки со счастливым хохотом и восторженным ужасом раскачиваются на «молоте» или летят вниз по американским горкам.

— Посидим на скамейке, — предложила Лена.

— Давай, — согласилась Таня.

Они прошли чуть дальше и уселись под большим дубом, который испещрил их смесью теней и солнечных зайчиков. Скамейка была горячей, как сковорода. От канала рядом поднималась прохлада; рядом муж с женой кормили уток. На соседней скамейке целовалась парочка — девушка была с кучей красных косичек, густо подведённым чёрным глазами и кольцом в носу. А парень походил на байкера — в косухе и с бородой.

— И парня у меня нет, — невпопад сказала Таня.

— Ты потрясающая, — утешила Лена. — Ты обязательно его найдёшь.

— Когда?

— Может, даже сегодня, — улыбнулась Лена. — Давай поищем тебе парня! Тот, кто захочет нас покатать, с тем и начинай встречаться!

— Хитрюга, — засмеялась Таня. — Да ты просто хочешь покататься бесплатно!

— Не без того.

— Да-а, а вдруг он окажется толстый, или вонючий, или старикан?

— А ты выбирай молодых и весёлых.

— Молодым и весёлым небось и без меня есть кого катать, — пригорюнилась подружка.

Она почесала царапину на ноге.

— А я правда потрясающая?

— Ты весёлая, добрая, позитивная, — серьёзно сказала Лена. — Солнечный человечек.

— Эх, — сказал Таня.

Это была болезненно худенькая девушка: у неё выступали ключицы и тазовые кости, но при этом по какому-то капризу природы у неё была внушительная грудь — размер третий, не меньше. Яркая и непосредственная улыбка то и дело появлялась на её губах, озаряя её в общем-то некрасивое лицо летним светом.

Сидящая рядом с ней Лена казалась неприлично красивой в своём настолько коротком платье, что оно казалось длинной майкой. У неё была идеальная фигура песочных часов; капризный вздёрнутый носик и румяные щёчки; яркие серые глаза с пышнейшими ресницами; лесенкой постриженные канареечно-жёлтые волосы. Она была старше Тани: ей было двадцать лет, в то время как Тане в прошлом месяце стукнуло восемнадцать.

Лена работала на рынке, продавая диски с фильмами. Она зарабатывала неплохо, но по общему закону природы для всех блондинок, денег ей вечно почему-то не хватало.

Девушки помолчали.

— Ну хочешь, я кого-нибудь подцеплю, — великодушно предложила Лена.

— Ты что, — испугалась Таня. — Не надо. У тебя есть Андрей.

— Ну это же так, в шутку.

— А вдруг он полезет целоваться?

— От поцелуев ещё никто не умирал.

— А Андрей?

— Чего не видит глаз, о том желудок не беспокоится, — мудро изрекла цитату Елена из Джерома Клапки Джерома. — Откуда он узнает?

— Бедный твой Андрей.
— И ничего не бедный, — возразила Лена. — Общаясь с другими парнями, я получаю позитив, который отдаю ему же. Так что все в выигрыше.

— Я бы так не смогла.
— Молодая ещё, — великодушно простила её подружка.

Таня помотала головой.

— Любовь — это что-то серьёзное, — тихо сказала она. — Это навсегда. Это всё равно, что в беззвёздной ночи протянуть руку — и коснуться кого-то невидимого. Потому что он тоже протянул руку в ответ.

— Рук может быть много, — возразила Лена. — Вот слушай историю. Британец Байан Кол, решив жениться, жаждал романтики. Он написал тысячу двести восемьдесят одинаковых записок со словами: «Вы не хотите на мне жениться?», и бросил их в море. Он указал свой адрес и получил триста восемьдесят один положительный ответ.

— Как ты умудрилась это запомнить? — изумилась Таня.

Лена засмеялась:

— Ты не одна, с кем мне приходится спорить.
— Триста восемьдесят один ответ, — мечтательно сказала Таня. — Но всё-таки, когда выбрал свою любовь, ей нельзя изменять.

Лена фыркнула:

— Нельзя изменять самому себе.
Она наставительно тронула Таню за кончик носа:

— Это главное.
— Себя ты уж точно не обижаешь, — не удержалась Таня. — Как ты там говоришь? Чем отличается парень от друга: с парнем спишь постоянно, а с друзьями — иногда?

— И что же? Парень и друзья довольны, — беззаботно сказала Лена.

— Пока парень ничего не знает.
— Ну, милая моя, всё в мире знать и не надо. Много будешь знать — скоро состаришься.
— Тебя не переспоришь, — засмеялась подружка.
— Бросьте, бросьте, — в ответ засмеялась Лена. — Может, Ааз и проиграл парочку боёв, физических и магических, но я ни разу не слышал, чтобы его кто-нибудь когда-нибудь переспорил.

Теперь ответила цитатой из Роберта Линна Асприна.

А лето манило!

Тёплый ветер приносил ароматы сладкой ваты и шашлыка, смех детей, взвизги и писки с каруселей, цокот каблучков. На лицах были улыбки. Почти никто не ругался; парочки шли, взявшись за руки. У киосков с шаурмой, газированной водой и фисташками толпились люди. Девушки щеголяли загорелыми ножками в юбочках и мини-шортиках. Парни расхаживали в цветастых бермудах.

— Пойдём хоть в центр, посмотрим, — предложила Лена.

— Давай.

Они углубились в парк.

Людей стало больше; попадались и пожилые, но в основном была молодёжь либо семейные пары с детьми. Семейные мужчины шествовали устало и важно, с майками, натянутыми на пузатых животах, и притягивались к ларькам с пивом и шашлыком. У женщин с детьми был какой-то загнанный вид, будто им надоело поминутно говорить: «Нет, Катя, это мы покупать не будем. Это мы купим завтра. Испортишь аппетит. Ведь ты уже ела одну сахарную вату!».

Лена и Таня остановились у ларька с шашлыком.

— Вкуснота, — мечтательно протянула Лена, втягивая ноздрями ароматный дымок. — Вот бы попробовать! Кажется, поцеловала бы кого-нибудь за кусочек шашлыка!

Но небритый продавец армянского вида её авансам не внял. Молоденький, лет двадцати, он пострел на Лену как-то испуганно: возможно, его дома ждала ревнивая жена и пятеро детей.

Лена и Таня пошли дальше.

Они повздыхали у киоска с сахарной ватой; но там сидела тётка лет сорока, и на неё они, разумеется, не в силах были оказать никакого влияния. А вата была так сладка!

Воздушные, искристо-белые шлейфы наматывали на большое облако, словно огромный кусок радости. В воздухе плыл сладкий аромат. В сладкой вате было что-то серебристо-электрическое, она будто горела от разрядов — энергия лета, жизни, тепла. И будто таяла в воздухе — и конечно, таяла во рту.

Наконец, они пошли дальше.

Вот пивная точка.

Тут обрюзгший мужчина, сидящий на пластиковом стуле, возможно, угостил бы их «Оболонью», но пробовать как-то не хотелось. На миг заколебавшись, подружки последовали дальше, а Пётр Иванович Сергеев, пятидесяти пяти лет от роду, инженер-испытатель, лузгающий семечки, так и не узнал, что при удачном стечении обстоятельств, мог бы оказаться в компании двух весьма привлекательных девиц.

Вдруг Лена остановилась.

— Точно не хочешь? — спросила она у Тани.

Таня замотала головой.

— Ну и зря, — нравоучительно сказала старшая подружка. — Тебе пусяк, а мужчине радость.

И пива бы выпили заодно. Я ж тебе не спать с ним предлагаю. Составить на минутку компанию.

Таня ещё отчаяннее замотала.

— С чего ты вообще взяла, что он бы нас угостил?

— Любая женщина может что угодно сделать с мужчиной, — наставительно сказала Лена. — Если будет говорить ему всего три слова: «Ты такой замечательный». А если бы не угостил, как сама себе злобный жлоб. Упустил бы такой шанс пообщаться с роскошными нами.

Таня хихикнула.

— Ладно, пошли.

Девушки с потаённой грустью замаячили возле продуктового ларька. Они рассматривали профитрольчики, эклерчики, полосатые чёрно-белые пирожные, наполеоны, пирожные, пропитанные гущёнкой, пирожные-конвертики, булочки с маком, булочки с повидлом.

— Есть ужасно хочется, — жалобно сказала Таня.

— Потерпи.

Лена вздохнула.

— Ну хочешь, целиком отдам тебе мороженое.

— Нет-нет, — замотала головой Таня. — Будем есть на двоих, как и договаривались.

Что же они купят?

Холодное эскимо, будто снег в шоколаде, наверняка доставленное из мест, где водятся одни пингвины? Сладкое-сладкое мороженое в вафельном стаканчике, с орешками или кусочками шоколада? Стаканчик чуть ли не вкуснее самого мороженого, и его жевать так упоительно, наслаждаясь каждым граном удовольствия. А может фруктовый лёд — цветной кусок льда, выломанного где-то в Гренландии, где одни только эскимосы и потомки викингов?

Они отдаляли момент покупки, потому что, когда мороженое будет куплено, останется только уйти — совершенно невыносимо будет гулять по этом праздничному разнообразию, не имея возможности купить даже орешков.

— Тир, тир!

Лена и Таня приблизились к ларьку, где десятилетний толстячок ловко сбивал жестяных зайчиков и лисичек под зорким надзором мамыши.

— Красотки не хотят пострелять?

Белозубый продавец в шортах и майке навыпуск был спортивен, подтянут, гладко выбрит и весьма привлекателен.

— Может быть, — кокетливо сказала Лена. — А таким хорошеньким ножкам не дадут патронов пять бесплатно?

Парень заколебался.

Он бросил взгляд налево, почесал переносицу и наконец, неуверенно сказал:

— Ну, может быть...

— Опять флиртуешь с какими-девками?!

Причина его сомнений обнаружилась незамедлительно.

Это была полная девушка в джинсовой рубашке и джинсовых шортах, с крохотными глазками и редкими чёрными волосами. Она выглядела на редкость неряшливо.

— Солнце, радость моя, с чего ты взяла! — поспешно поднял руки вверх продавец. — Вот, девушки хотят пострелять... сколько вы хотите оплатить патронов? — уточнил он.

Лена хмыкнула.

— Не беспокойтесь, девушка, — сладко обратилась она к его пассии. — Мы и впрямь хотели всего лишь купить у мужчины несколько патронов. Жаль только... — она бросила острый копейный

взгляд на парня, — что мужчин тут нет. Пошли, Таня, нам тут делать нечего.

Они переместились к фонтанчикам, не без удовольствия слушая поток ругани и угроз, которые обрушила на продавца в тире его пассия.

— Ты всегда знаешь, что сказать, — с грустью констатировала Таня. — А я растяпа. Вечно оказываюсь в ситуациях, где меня помоями облили, а я даже не знаю, как поставить обидчика на место.

— Научись ещё, — легко сказала Лена. — Какие твои годы. Твоя беда в том, что ты любишь людей, а себя — не очень. Ты и хотела бы отпарировать, да боишься обидеть. Поэтому ничего у тебя и не получается.

— Это плохо?

— Да нет, — рассмеялась Лена. — Это хорошо. Это я вся такая злая и испорченная. Оказываю на тебя разлагающее влияние.

— Ерунда, ты хорошая, — убеждённо сказала Таня.

Лена и впрямь не была плохим человеком.

Она была как солнечный лучик, способный озарить самый мрачный день. Рядом с ней расцветали улыбки, говорились комплименты, дарили цветы и мороженое, несли пачками конфеты. И для каждого у неё находилась улыбка, поцелуй в щёчку, объятия и благодарность. Наверно, такими были мифические апсары из Древней Индии: они дарили любовь.

Для Тани Лена была особенно нужна и дорога. Ведь дома её ждала унылая квартира с вечно хмурым отцом, матерью, которая любила налегать на спиртное, и братом, у которого были вспышки агрессии. Ему бы не мешало подлечиться в соответствующем учреждении, но он свою болезнь признавать не хотел. Вместо этого он изливал плохое на-

строение на всех, кто находился рядом. И больше всего доставалось, конечно, Тане.

Лене писали стихи. Ей делали дорогие подарки, заворачивая их в блестящую праздничную бумагу, перевязанную золотыми и алыми лентами. Ей дарили розы, алые, как кровь рассвета, сказочно шуршащие букеты заоблачной цены, серёжки (дешёвенькие, но всё же), плитки шоколада с цельными ядрами фундука.

Тане досталась всего пара шоколадок.

Лена носила обтягивающие капри, бриджи, вызывающие болеро и бюстье, и всегда, непременно каблук — даже босоножки у неё были на танкетке. Таня предпочитала демократичные джинсы и кроссовки.

Они всегда были рядом — красивая и некрасивая подружка, но от Тани вы бы не услышали жалоб. Рядом с Леной всегда был праздник. Она будто несла это в себе — разноцветные шары с гелием, беззаботный смех, милые капризы, сладость швейцарского шоколада.

Лена и парк — один удивительно сочетались.

И всё же без денег было так обидно!

— Пошли!

Лена тянула Таню за руку, вбурываясь в толпу, в которой она ощущала себя, как рыба в воде. По дороге им отвесили несколько комплиментов, главным образом, Лене и её ножкам. Лена в ответ либо просто улыбалась — либо, блеснув зубами, говорила «спасибо», принимая комплименты с царственной королевы.

Какое-то время подружки с грустью смотрели, как веселящаяся толпа зажигательно лопает воздушные шары на деревянном стенде — всего пять рублей за десять дротики. И, наконец, они добрались до аттракционов.

Они замерли, раскрыв рот.

Огромная карусель со свистом и воем рассекала воздух. На ней стояли — а не сидели; стояли — прижавшись к стеночкам. Девушки вопили, парни ругались, очередь предвкушала свою очередь. А затем деревянный диск карусели стал подниматься в воздух. Он накренился под углом в сорок пять градусов и продолжал вращаться. Прижатые к его стенкам фигурки людей то взлетали к небесам, то спускались к самой земле.

— Вот кайф, да? — глаза Лены сияли.

— Угу.

Таня отвернулась, чтобы не смотреть на происходящий восторг. Ощущение их нищеты и ненужности на этом празднике жизни стало слишком сильным, и ей внезапно захотелось уйти.

— Пошли, а?

— Подожди, ещё посмотрим.

— Неохота смотреть.

Лена вдруг оторвалась от карусели и посмотрела на Таню мудрым взглядом.

— Ладно, — сказала она, уловив настроение закадычной подруги. — Пошли, съедим мороженое. Ты какое хочешь?

— Давай эскимо, — заулыбалась Таня.

Они пошли к мороженщице.

Уплатив остатки Таниных денег, они жадно разорвали чёрную упаковку и вонзили зубы в шоколад и замороженное молоко — по очереди, конечно же. Им казалось, что их зубы погружаются в ледники Антарктиды. Сладость и холод наполнили рот. Зубы заныли. Кусочки шоколада пачкали платье.

— Ладно, пойдём, — сказал Лена, выкидывая палочку в мусорку.

— Пойдём, — грустно сказала Таня.

Она вытерла рот.

— Неужели уйдёте, не опробовав ни одной качели?! — спросил чей-то весёлый голос.

О, какой это был голос!

В нём было пенное шипение пива, треск разгрызаемых фисташек, какао-вкус горького шоколада, радость лета и песня света. В нём была музыка и пение неземных струн, и скрип карусели, и обещание поцелуя.

И вдруг их кто-то обнял за плечи.

Девушки обернулись — и увидели парня. Он был чуть выше среднего роста, хрупкого телосложения, волосы его были каштановыми, а глаза разного цвета — один зелёный, а другой — карий.

— У нас нет денег, — призналась Таня.

Парень улыбнулся.

— Ерунда, — он отмёл возражения. — Я пока-таю.

— Просто так? — лукаво спросила Лена.

Парень задумался.

— Быть может, — медленно сказал он. — Быть может, за поцелуй.

Таня вспыхнула:

— Ой, нет. Я не стану.

— Не вопрос, я оплачу! — Лена расцвела в улыбке. — Покатай нас обеих, и два поцелуя с меня.

Она поправила сумочку, чтобы не мешала.

— Давай чмокну прямо сейчас, — торжественно сказала она.

Парень посмотрел на её губы.

Полные, сладкие губы, будто спелые вишни, они таили сладость, таили обещание. Обещание радости.

— Нет, — сказал он. — Не сейчас. Когда я вас покатаю. Когда вы напьётесь ветра, наедитесь сладкой ваты. Когда вы насытитесь радостью, до краёв наполнитесь блаженством. Когда в вас будут и мо-

роженое, и фисташки, и смех, и шашлык, и конфеты, и счастье. Вот тогда это будет поцелуй.

— Блин, я вся загорелась, — честно сказала Лена. — Загорелась желанием употребить всё вышеречисленное. Надеюсь, это не пустые слова? Иначе я здорово разочаруюсь в человечестве.

— А я?.. — тихо сказала Таня.

Парень вдруг коснулся её губ пальцем.

— Пусть эти губы тронет улыбка, — сказал он. — И довольно мне будет такой оплаты.

Он убрал руку, но место касания жгло, как огнём. Таня в испуге коснулась своих губ. Её чувства смешались, и она не знала, что делать.

Лена счастливо обернулась к Тане:

— Идём! Идём отрываться!

Парень повёл их вперёд.

Люди расступались перед ним, непонятным образом, будто он был величавым кораблём, заходящим в бухту. В этом не было бы ничего странного, если бы он был здоровенным верзилкой в два метра, но выглядело удивительным, учитывая, что он был едва выше Лены.

Лена чуть приотстала и шепнула Тане:

— Да чмокни ты его, ну чего ты!

— Не знаю, — жалобно сказала Таня.

Но рассуждать было некогда.

Сперва они остановились у небольшого искусственного прудика, откуда надо было удочкой вылавливать пластмассовых уточек и получать за это призы — мягкие игрушки. Лена, провозившись пять минут, вытащила две утки и получила фиолетового ежа. Таня, намучившись, убедилась в своей неспособности подцепить крючком упрямую уточку. Она расстроилась, но незнакомец в две секунды вытащил пять уток, и торжественно вручил ей здоровенного плюшевого кота. На прощание он об-

нял девушку, руководящую аттракционом, и чмокнул её в шею. Та стала хихикать, как заведённая. Таня растерянно крутила в руках кота, не зная, куда его деть. Наконец, она пристроила игрушку на бордюр, надеясь, что её возьмёт какой-то ребёнок. Но от ощущения подарка ей стало тепло и радостно.

Ей ещё никто не дарил выигранных призов.

Потом они пошли в тир.

Парень с ленивой грацией сбил пять фигурок и уступил ружьё Тане. Таня пять раз выстрелила в жестяного слона и ни разу не попала. Затем ей удалось-таки подстрелить белочку, целясь в паука.

Пока Лена стреляла, парень перебрасывался парой слов с сотрудником тира, выказывая немалые познания в стрелковом оружии. Проходящие мимо девушки махали их новому знакомому, а он осыпал их шутливыми комплиментами.

— Слушай, его тут знают, — пихнула локтем Таню подружка. — Может, он местный аниматор, или на карусели работает? А сейчас у него перерыв, или выходной. Вот и возитесь с нами?

Парень обернулся к ним.

— Вы тут работаете? — робко спросила Таня.

Парень задумался.

— Можно сказать и так, — наконец, весело ответил он. — У меня очень важная и нужная работа.

— Какая?

— Привет, Петя, — махнула ему девушка в оранжевых шортиках и белой маечке.

— Привет, Лариска-ириска, — охотно ответил он.

— Толя, как твои дела?

На этот раз это была худенькая девушка в комбинезоне.

— Лучше всех, — сверкнул он белозубой улыбкой. — А ты как? Как твоя сестра? Ей уже получше?

— Ещё болеет, Толь.

— Как поправится, — заботливо сказал он, — приводи сюда, покатаю.

— Так ты на карусели работаешь? — влезла заинтригованная Лена.

Парень взлохматил чёлку.

— Ну, можно сказать и так, — туманно ответил он. — Когда так, когда этак. Раз на раз не приходится.

Он взял их обеих под локоток — таким образом Таня ещё ни разу не гуляла. И уверенно потащил к новому чуду. На этот раз это было 5D-кино. Они хохотали и визжали, когда кресла накренились, на них дул ветер и брызгала вода. Взрывы звука оглушали их со всех сторон. На коленке Тани лежала рука нового знакомого — и она была почти уверена, что на коленке Лены — тоже.

Потом была странная карусель, где они в маленьких кабинках то и дело переворачивались вверх тормашками. Таню стало мутить, но она ни за что не отказалась бы от развлечения.

То ли Петя, то ли Толя вёл их от одного аттракциона к другому, и вот они взлетали вверх на огромном торе, когда желудок начинал бунтовать от паники, а в сердце всё замирало. Вот они ударом молота пытались выбить побольше делений на шкале, хотя это развлечение было, конечно, скорее для мужиков.

И куда бы они не шли, их нового знакомого окликали — и всегда разными именами. Он отзывался, шутил, пожимал руки, хлопал по плечам. Целовал щёчки и губы. Для каждой у него было ласковое слово, и для каждого — слова поддержки. В любом аттракционе он был на высоте, но принимал участие как-то неохотно, сразу уступая дорогу Лене и Тане.

И Таню заполняло ощущение праздника; оно поднималось откуда-то из диафрагмы, заполняя всё её существо, текло по жилам к кончикам пальцев, щипало язык предвкушением.

Потом они присели на пластиковые стульчики, и он принёс им дымящийся шашлык, невероятно вкусный. Они впились в него зубами, забрызгавшись соком, и с наслаждением жевали пряное мясо. Они пили фанту, и пузырьки приятно щекотали нёбо, даря ощущение блаженства.

— Ты ведь разоришься, — вдруг отодвинула от себя блюдо Лена. — Мы совсем не хотели тебя разорять.

Её обуяло раскаяние.

— Может, однажды, — со странным выражением посмотрел на неё парень. — Но точно не сегодня.

Жара опускалась с неба, подарком небес.

Лена вытащила фиолетового ёжика, которого она выиграла, и стала его рассматривать с блуждающей улыбкой на лице.

— По-моему, я уже наполнилась счастьем, — честно сказала она. — Теперь я могу же тебя поцеловать?

Парень смотрел на неё с улыбкой, но глаза его были серьёзными и глубокими, как озёра в карцевых пещерах.

— Да, — сказал он. — Ты похожа на кусок сливочного мороженого. Теперь ты готова.

Она поднялась, и парень обнял её.

Таня отвернулась, чтобы не смотреть. Неожиданно её обуяла обида и ревность. Впрочем, так было всегда. Есть Лена, а есть она. И так было всегда. Ей стало грустно, и она вдруг ощутила одиночество — прямо в толпе пёстрого народа, где были даже негры и китайки.

На плечо ей мягко опустилась рука.

— А я, на кого похожа я? — спросила она.

— Ты похожа на подарок на день рождения, — тихо произнёс голос. — На мечту, которая всегда идёт рядом.

— Я думаю, я хочу тебя поцеловать, — так же тихо сказала она. — Но это не будет оплатой. Я, не знаю... я...

— Давай ты встанешь, — мягко сказал он.

И Таня встала.

Поцелуй был похож на жидкий огонь, и удар тока; и у него было привкус ежевики, и вишневого варенья.

Она словно получила все подарки на дни рождения разом; внутри неё взорвались и расцвели фейерверки, и кружили конфетти.

— Кто ты? — спросила она.

— Ты знаешь меня, — тихо ответил парень. — Ты гуляешь мимо меня каждый день. Ты знаешь мой цвет, цвета бесчисленных гелиев шаров, взмывающих в небо. Ты знаешь мой запах, запах стеклянно-белой сахарной ваты. Ты знаешь мой вкус, вкус ледяного хрупкого эскимо.

— Ты парк... — выдохнула она.

— Я парк, — тихим шёпотом пронеслось по аллеям.

Таня выдохнула.

Больше она не держала в руках ничего.

— Как он был одет? — шёпотом спросила она. — Какого цвета были его волосы? Его глаза?

— Он был одет в уют и беззаботность, — сказала Лена. — Глаза его были цвета радости, а волосы подобны порыву ветра.

— Увидим ли мы его хоть однажды?

Лена взъерошила волосы Тани.

— Посмотри, — улыбнулась она, и обвела рукой вокруг. — Мы видим его прямо сейчас. ♣

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

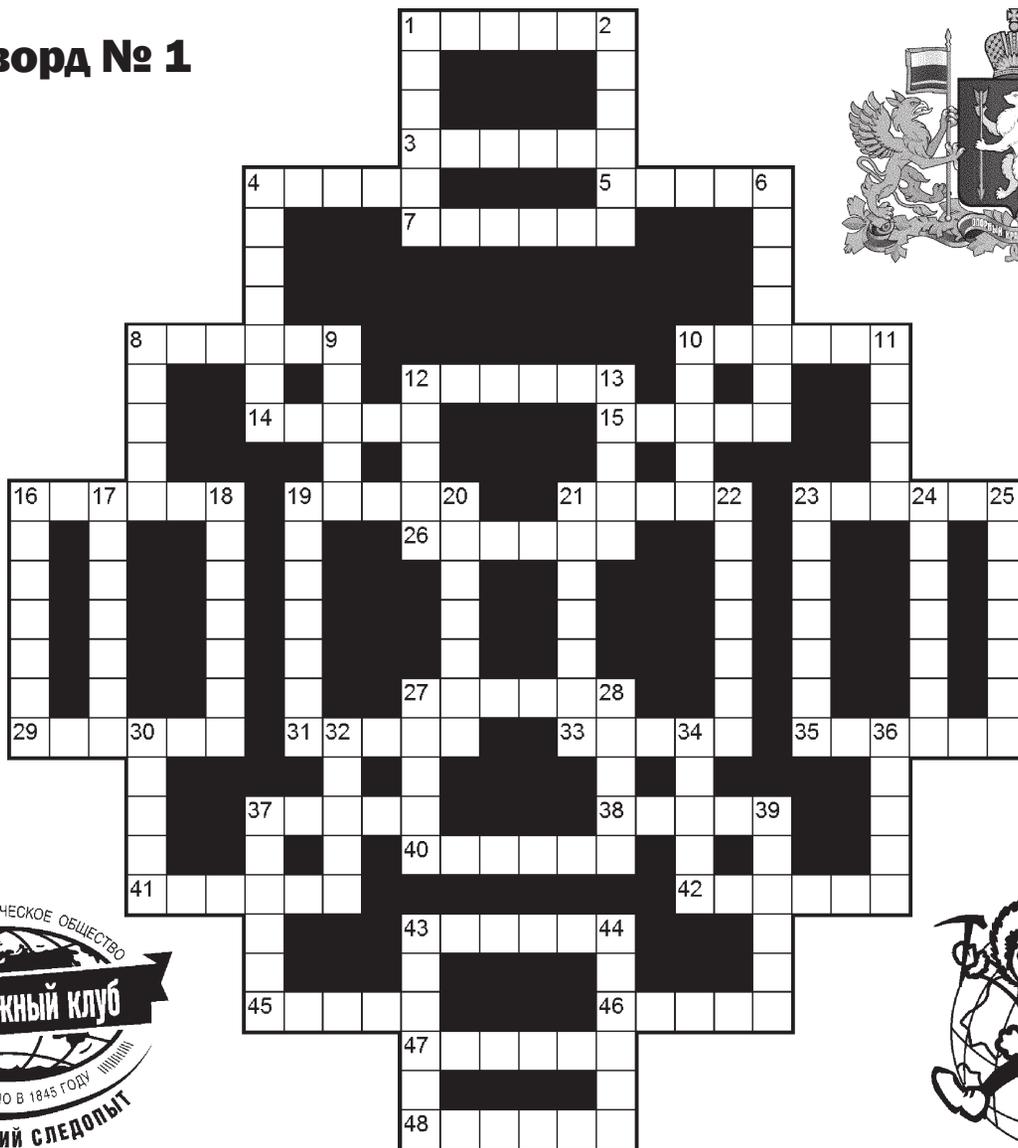
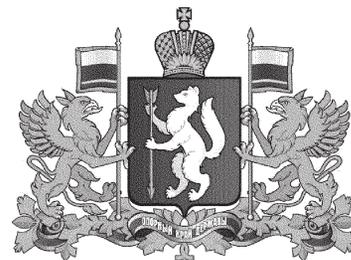
Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

Кроссворд № 1

Уральский следопыт при поддержке Министерства образования и молодёжной политики Свердловской области реализует проект «Молодёжный чемпионат по решению кроссвордов».

Попробуйте за час, не используя помощь интернета, заполнить сетку кроссворда, ответив на вопросы.

Вопросы к кроссворду № 1

По горизонтали:

1. Неимуший человек. 3. Кустарник с красными лечебными ягодами. 4. Самый кровожадный морской хищник. 5. Крупная пресноводная промысловая рыба. 7. Язык древнего Рима. 8. Овощ. 10. Медлительный, смиренный человек. 12. Защитная часть автомобиля. 14. Приспособление для игры в теннис, бадминтон... 15. Католический священнослужитель. 16. Починка, устранение неисправностей. 19. Кисломолочный напиток народов Востока. 21. Шлем. 23. Устное изложение учебного предмета, или отдельной темы. 26. Напиток, дававший бессмертие богам. 27. Приспособление для ловли рыбы. 29. Политическая организация. 31. Ядовитая змея. 33. Красная строка, отступ в начале строки. 35. Русский поэт 19 века, любящий грозу в начале мая. 37. Нижняя часть судна. 38. Победитель Сибирского ханства. 40. Твердая набойка на подошве обуви. 41. Обследование. 42. Развлечение, игра. 43. Хронометр. 45. Середина чего-нибудь. 46. Свободное время. 47. Род птиц семейства аистов. 48. Забияка.

По вертикали:

1. Самое глубокое озеро. 2. Столица Татарстана. 4. Плоды, из которых получается курага. 6. Уральский поделочный камень. 8. Герой русской сказки. 9. Горная система на юго-востоке России. 10. Упаковка из-под зубной пасты. 11. Кучер. 12. Южный плод. 13. Радиолокационная установка. 16. Устаревшее название шахтера. 17. Глава духовно-рыцарского ордена. 18. Учреждение, контролирующее ввоз и вывоз товаров за пределы страны. 19. Плавающая ледяная гора. 20. Малообразованный, малосведущий человек. 21. Дверка в заборе. 22. Житель Европейского государства. 23. Поделочный камень синего цвета. 24. Наследник престола. 25. Древнерусский князь прозванный мудрым. 27. Житель союзной республики бывшего СССР. 28. Горец-разбойник. 30. Бальный танец. 32. Молодой спортсмен. 34. Самый твердый минерал. 36. Нечто скрываемое от других, секрет. 37. Роскошное строение. 39. Кибернетический организм. 43. Прибор для остановки движения транспортного средства. 44. Природное явление.

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ												П6316	
на журнал												(индекс издания)	
Уральский следопыт. uralstalker.com													
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
Кому													

(фамилия, инициалы)

			Доставочная карточка											
ПВ	место	литер	на журнал										П6316	
(Индекс издания)														

Уральский следопыт. uralstalker.com													
Стои- мость	подписки		__руб. __коп.		Кол-во компл.								
	перед- ресовки		__руб. __коп.										
на 20__ г. по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		

Куда													
Кому													

(фамилия, инициалы)

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ПАО «Почта России» и в странах СНГ, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ПАО «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Газеты. Журналы» П6316.